

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2018. Т. 26(1–4). № 2

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Зарегистрирован Министерством печати
и информации Российской Федерации 14.12.1992.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 28.06.2018. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) **Огородников**

Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва) **Полищук**

Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Ушатилов Александр Иванович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань) **Черемисова**

Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград) **Чистяков**

Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL TEAM

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugaeva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ushatikov Aleksandr Ivanovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 127** *Мальчук О. И.* Эффективность производства обыска и выемки в исправительном учреждении на основании полученных оперативно-розыскных данных
- 131** *Гаврилов Б. Я.* Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества
- 137** *Курманов М. М.* Колония-поселение в городском округе и проживание осужденных за пределами колонии-поселения
- 141** *Шаталов А. С., Санташова Л. Л.* Сущность и правовая природа передачи осужденных для отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются
- 148** *Южанин В. Е., Горбань Д. В.* Начальный и заключительный этапы отбывания лишения свободы: проблемы концептуального определения

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 154** *Скаков А. Б.* Повышение эффективности уголовно-исполнительной политики Казахстана и России в сфере исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, и социальной адаптации

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 162** *Шамсунов С. Х., Пещеров Г. И.* Управленческая культура учреждений и органов уголовно-исполнительной системы
- 168** *Гришин Д. А.* Система государственного принуждения, реализуемого в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: теоретико-методологические аспекты
- 175** *Долинин А. Ю.* Методика управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы
- 182** *Кохтачев В. С., Озеров А. А.* О нормативно-правовом регулировании деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 187** *Щербаков А. В.* Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы
- 193** *Иманбаев С. М.* Предупреждение незаконного оборота оружия в Республике Казахстан: криминологический аспект
- 201** *Бочкарев В. В.* Система профилактики в местах лишения свободы

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 206** *Пролетенкова С. Е., Быков Б. А.* Роль и место органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности
- 213** *Разумова И. В.* Государственный оборонный заказ: анализ правовых норм и проблемы их реализации в территориальных органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 218** *Иванов А. Л., Ушков Ф. И.* Реализация программы непрерывного профессионального образования пенитенциарных психологов в Федеральной службе исполнения наказаний

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 226** *Malchuk O. I.* The efficiency of search and seizure in prisons on the basis of the received investigative data
- 227** *Gavrilov B. Ya.* Criminal offence in Russian law: suggestions of lawyers and reality of Russian society
- 228** *Kurmanov M. M.* Colony-settlement in a municipal district and residence of convicts outside the colony-settlement
- 229** *Shatalov A. S., Santashova L. L.* Legal essence and nature of convicts' transfer to their native states for serving a sentence
- 230** *Yuzhanin V. Ye., Gorban D. V.* Initial and final stage of serving the sentence of deprivation of liberty: issues of concept definition

ABROAD

- 231** *Skakov A. B.* Effectiveness improvement of penal policy of Kazakhstan and Russia in the sphere of execution of punishments alternative to deprivation of liberty and social adaptation

MANAGEMENT VECTOR

- 232** *Shamsunov, S. Kh., Peshcherov G. I.* Management culture of bodies and authorities of the penal service
- 233** *Grishin D. A.* System of state compulsion implemented in penal bodies and authorities: theoretical and methodological aspects
- 234** *Dolinin A. Yu.* Methodology of HR risks management in the penal system
- 235** *Kohstachev V. S., Ozerov A. A.* On the legal regulation of public council activities of the Federal Penal Service

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 236** *Shcherbakov A. V.* Theoretical and legal aspects of safety precautions of the penal system
- 237** *Imanbaev S. M.* Prevention of illegal gun trafficking in republic of Kazakhstan: criminological aspect
- 237** *Bochkarev V. V.* System of prevention in the places of confinement

COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 238** *Proletenkova S. Ye., Bykov B. A.* Role and place of the Internal Affairs bodies in the system of prevention of economic crimes
- 239** *Razumova I. V.* State defense order: the analysis of legal rules and problems of their implementation in local bodies and institutions of the penal system

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 239** *Ivanov A. L., Ushkov F. I.* Realization of continuing professional education of penitentiary psychologists in the Federal Penal System

ОТЗЫВ СТАТЬИ С ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые читатели!

В 1-м номере журнала «Человек: преступление и наказание» 2018 г. была опубликована статья «Кученев, А. В. Правовая психология профессионального правосознания в деятельности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний / А. В. Кученев, М. А. Юнусов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 92–98».

Ее авторами являются Андрей Владимирович Кученев, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: KuAV64@mail.ru), и Муслим Абдулжабарович Юнусов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: imuslimus@icloud.com).

27 апреля 2018 г. в редакцию журнала «Человек: преступление и наказание» обратилась Пересадиная Ольга Владимировна по вопросу заимствования в указанной статье материала ее диссертационного исследования «Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», защищенного 26 мая 2017 г. в Уральском государственном юридическом университете.

По данному факту была проведена служебная проверка, которая полностью подтвердила информацию Пересадиной О.В.

В силу изложенного, а также с учетом наличия неправомерного заимствования авторами в большом объеме материала диссертационного исследования Пересадиной О.В. «Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» редакция журнала «Человек: преступление и наказание» приняла решение отозвать с публикации статью «Кученев, А. В. Правовая психология профессионального правосознания в деятельности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний / А. В. Кученев, М. А. Юнусов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 92–98».

Дата ретракции – 11 мая 2018 г.

Редакция журнала

УДК 343.985.7:343.81

ОЛЬГА ИВАНОВНА МАЛЬЧУК,

доктор исторических наук,

старший научный сотрудник отдела изучения отечественного
и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы,
сравнительного анализа пенитенциарного законодательства,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: molga.77@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ НА ОСНОВАНИИ ПОЛУЧЕННЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДАННЫХ

Для цитирования

Мальчук, О. И. Эффективность производства обыска и выемки в исправительном учреждении на основании полученных оперативно-розыскных данных / О. И. Мальчук // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 127–130.

Аннотация. Объектом исследования в статье является исправительное учреждение (помещения, здания) как место, где проводятся следственные действия, в частности обыск и выемка, субъектом – пенитенциарные преступники. Обыск – это неотложное следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, участков местности, конкретного лица с целью поиска и изъятия предметов, документов, имеющих значение для расследуемого преступления. В отличие от обыска выемка предметов и документов в условиях исправительного учреждения осуществляется только в тех случаях, когда точно известно, что это за предметы и где они находятся.

Обыск и выемка как следственные действия имеют определенное сходство с режимными мероприятиями, проводимыми сотрудниками исправительных учреждений. К режимным мероприятиям относятся: обыск осужденных; обыск жилых помещений; досмотр личных вещей осужденных; досмотр посылок, бандеролей, передач; досмотр иных лиц, которые по каким-либо причинам находятся на территории исправительного учреждения либо за ее пределами, где установлены режимные требования; досмотр транспортных средств. На основе изучения собранных по делу материалов, касающихся предмета, объекта обыска и изучения личности обыскиваемого, сотрудник правоохранительных органов составляет модель действия осужденного-преступника по сокрытию предметов, свидетельствующих о преступной деятельности. После проведения обыска необходимо с помощью режимных и оперативно-розыскных мер проверить, все ли изъято и где находятся необнаруженные предметы, документы. Оперативно-розыскные данные могут являться основанием для повторного обыска.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, обыск, выемка, исправительное учреждение, осужденный, преступление, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, оперативно-розыскные данные, криминалистическая характеристика.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, представляет собой совокупность данных об особенностях подготовки, совершения и сокрытия различных категорий преступлений, раскрывает наиболее распространенные либо прогнозируемые способы их совершения и соответствующие механизмы слеодообразования, содержит информацию о личности преступника, об обстановке, в которой они обычно действуют, а также иные сведения, имеющие значение для выявления, расследования и предупреждения преступлений осужденных [6, с. 24].

При расследовании преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, большое значение имеет правильно и своевременно спланированная деятельность оперативных подразделений по установлению всех обстоятельств, касающихся совершения преступлений. Этому способствует проведение ряда режимных, оперативно-розыскных и следственных мероприятий, в частности обыск спальных и рабочих мест осужденных, личный обыск осужденных, а также выемка найденных при обыске веществ, предметов, документов и т. д. [1, с. 139].

Обыск – это неотложное следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, участков местности, конкретного лица с целью поиска и изъятия предметов, документов, имеющих значение для расследуемого преступления. При производстве обыска изымаются все предметы и документы, которые запрещены для гражданского оборота. В отличие от обыска выемка предметов и документов, имеющих значение для расследования конкретного преступления в условиях исправительного учреждения, осуществляется только в тех случаях, когда точно известно, что это за предметы и где они находятся.

Обыск и выемка как следственные действия имеют определенное сходство с режимными мероприятиями, проводимыми сотрудниками исправительных учреждений. К режимным мероприятиям относятся: обыск осужденных; обыск жилых помещений; досмотр личных вещей осужденных; досмотр посылок, бандеролей, передач; досмотр иных лиц, которые по каким-либо причинам находятся на территории исправительного учреждения либо за ее пределами, где установлены режимные требования; досмотр транспортных средств. Режимные мероприятия, проводимые сотрудниками исправительных учреждений, регламентированы не только федеральным законодательством (Уголовно-исполнительный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации), но и ведомственными нормативными актами. Режимные обыски проводятся периодически (планово или внепланово), зависят от вида исправительного учреждения и не зависят от наличия возбужденного уголовного дела. Указанные режимные мероприятия призваны не только не допустить незаконное хранение, поступление и оборот запрещенных предметов, но и способствовать качественному и продуктивному проведению следственных действий [5, с. 30].

В соответствии со ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обыск производится только тогда, когда имеются достаточные данные полагать, что где-нибудь или у кого-нибудь могут находиться средства совершения расследуемого преступления либо предметы, имеющие значение для уголовного дела. Предварительное проведение режимных и оперативно-розыскных мероприятий может способствовать получению этих достаточных данных.

Целью обыска в исправительных учреждениях является поиск:

- предметов, которые могли выступать в качестве орудия совершения преступления или сохранили на себе какие-либо следы преступления;
- предметов и документов, которые выступали в качестве объекта преступного посягательства;
- иных предметов, которые каким-либо образом могут способствовать расследованию преступления (служить средствами обнаружения преступления, установления фактических обстоятельств по делу);
- тайников, иных мест, которыми мог воспользоваться осужденный-преступник для сокрытия орудий преступлений, похищенных предметов, иных веществ, имеющих значение для расследуемого преступления.

Перед проведением обыска по преступлениям, совершаемым в исправительных учреждениях, необходимо обеспечить выполнение ряда условий, что будет способствовать успешной реализации рассматриваемого следственного действия. На месте производства следственного действия необходимо полностью перекрыть доступ на обыскиваемый объект, причем не только осужденных (которые могут уничтожить или скрыть следы преступления), но и представителей администрации исправительного учреждения (которые могут неумышленно (а иногда и умышленно) испортить или исказить следы преступного деяния).

Типичными ситуациями, обуславливающими реализацию охраны места происшествия, где планируется производство следственного действия, являются:

- исключение возможности выноса предметов, документов, иных вещей из обыскиваемого помещения или места;
- исключение сокрытия или уничтожения предметов, документов, имеющих значение для расследуемого преступления;
- исключение возможности сговора лиц, находящихся в обыскиваемом помещении;
- исключение возможности активного сопротивления обыскивающим;
- обеспечение необходимых условий для наблюдения за лицами, находящимися в обыскиваемом помещении, с целью изучения их поведения и эмоциональных реакций на поисковые действия лица, производящего следственное действие [3, с. 284].

Нередко обыск проходит в сложившейся конфликтной ситуации, на него влияет ряд негативных факторов, основными из которых являются:

- наличие у большинства осужденных общей отрицательной психологической установки на содействие сотрудникам правоохранительных органов в расследовании преступлений;
- складывающаяся негативная оперативная обстановка в конкретном исправительном учреждении;
- проблема соблюдения тайны предстоящего обыска: места и времени его проведения, участников из числа осужденных, а также результатов проведенного следственного действия;
- трудность в обеспечении личной безопасности осужденных, содействующих следствию;
- случаи ненадлежащего уровня взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с работниками конкретного исправительного учреждения, прежде всего осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в исправительном учреждении;
- сложность в установлении принадлежности найденного при обыске и изъятого предмета к конкретному осужденному. Даже если в ходе проведения режимных и

оперативно-розыскных мероприятий устанавливается осужденный, который называет себя владельцем предмета, то не всегда он таковым является (нормы тюремной субкультуры обязывают дежурного по камере, общежитию или зависимого осужденного взять на себя вину за нарушение режима содержания – наличие запрещенного предмета). Естественно, для раскрытия преступления такая ситуация является недопустимой [2, с. 52].

Тем не менее следует отметить, что существует ряд положительных факторов, которые упрощают производство обыска на территории исправительного учреждения: ограниченность территории исправительного учреждения (следовая информация может находиться только на ограниченном участке местности); изоляция исправительного учреждения от иных территорий (ограниченные возможности по сокрытию предметов, имеющих значение для расследуемого преступления); возможность использования для получения доказательственной информации режимных мероприятий; получение помощи от сотрудников исправительного учреждения; проведение обыска без судебного решения; возможность сочетания режимных, оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

При изучении личности обыскиваемого важное значение имеют сведения о судимости, поведении в исправительном учреждении, роде занятий, состоянии здоровья, об отношении к режиму и т. д. Данные об обыскиваемом можно получить от начальника отряда, иных сотрудников исправительного учреждения, из личного дела [4, с. 65].

На основе изучения собранных по делу материалов, касающихся предмета, объекта обыска и изучения личности обыскиваемого, сотрудник правоохранительных органов составляет модель действия осужденного-преступника по сокрытию предметов, свидетельствующих о преступной деятельности.

После проведения обыска с помощью режимных и оперативно-розыскных мер необходимо проверить, все ли изъято и где находятся необнаруженные предметы, документы. Оперативно-розыскные данные могут дать основания для повторного обыска.

В заключение следует отметить, что оперативно-розыскные данные создают условия для более эффективного производства таких следственных действий, как обыск и выемка.

Библиографический список

1. Аверкин С. Д. Роль режимных мероприятий в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4(37). С. 138–140.
2. Кукушкина В. Ф. Особенности производства обыска и выемки в условиях исправительного учреждения // Работы студенческого научного общества Самарского юридического института ФСИН России : сб. ст. Самара, 2017. С. 51–54.
3. Кулагин Н. И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы. Методика расследования преступлений. М., 2006. 392 с.
4. Мальчук О. И. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе // Научные труды НИИ ФСИН России. М., 2018. С. 64–68.
5. Мальчук О. И., Нуждин А. А. Оперативно-розыскная профилактика преступности в исправительных учреждениях: теоретический аспект // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 29–31.
6. Расследование преступлений, совершаемых в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : монография / под общ. ред. А. В. Акчурина. Рязань, 2015. 71 с.

УДК 343.232

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПОЖЕЛАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ИЛИ РЕАЛИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Для цитирования

Гаврилов, Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б. Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 131–136.

Аннотация. Статья посвящена возможности введения в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка. Рассматриваются основные вопросы, обусловленные его законодательным закреплением в Уголовном кодексе Российской Федерации. Приводятся точки зрения известных ученых и практикующих юристов о категории уголовного проступка, отдельные решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, а также обосновывается потребность введения уголовного проступка социально-политическими и экономико-правовыми реалиями современного российского общества. Отмечается, что в случае положительного решения вопроса о закреплении уголовного проступка необходимо определить, какие конкретные деяния к нему можно относить. Для этого следует установить критерии, которыми нужно руководствоваться при отнесении того или иного противоправного деяния к уголовному проступку. Одновременно требуется отграничить уголовный проступок от административных правонарушений.

Сделан вывод о том, что к уголовным проступкам следует отнести ряд преступлений, не представляющих большой общественной опасности (в основном преступления небольшой тяжести), административных правонарушений, которые близки к преступным, а также деяний, в силу своей малозначительности не являющихся преступлениями.

Ключевые слова: уголовный проступок, преступление, административное правонарушение, общественная опасность, дифференциация уголовной ответственности.

Обсуждение в теоретико-правовом плане, прежде всего в научной среде, возможности закрепления в структуре общественно опасных деяний уголовных проступков

имеет место на протяжении ряда последних десятилетий. Сегодня это обусловлено и потребностями разработки современной уголовной политики, предусматривающей в качестве одной из ее составляющих необходимость реформирования российского уголовного законодательства, включая возвращение в него уголовного проступка [6]. Среди ученых (С. В. Максимов [12], Е. В. Рогова [7], В. Ф. Цепелев [13], Н. С. Щедрин [15, с. 7] и др.) и практикующих юристов (Б. Я. Гаврилов [5], В. В. Гордиенко [8] и др.) преобладает точка зрения о возвращении в Уголовный кодекс Российской Федерации уголовного проступка. Это вполне согласуется с проводимой начиная с 2003 г. политикой либерализации уголовного наказания, на что российскими учеными-криминологами обращено особое внимание. Мы разделяем позиции А. И. Алексеева, В. С. Овчинского, Э. Ф. Побегайло [1], а также других представителей научного сообщества о необходимости дифференциации уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности.

Реализация данных предложений в российском уголовном праве, во-первых, подразумевает градацию противоправных деяний на преступления и уголовные проступки и, во-вторых, имеет своей целью дать более точную социально-политическую и правовую оценку как степени общественной опасности непосредственно самого противоправного деяния, так и лица, его совершившего.

Еще до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (УК РФ) видными российскими учеными (Г. А. Кригер [10], Н. Ф. Кузнецова [11], М. Д. Шаргородский [14, с. 78] и др.) выдвигалась идея выделения в уголовном законе такой группы общественно опасных деяний, как уголовные проступки. Фактически этим предлагалось их возвращение в российское законодательство, что было отражено в разработанном рабочей группой В. И. Курляндского в 1974 г. проекте кодекса уголовных проступков.

В качестве аргументов в пользу включения в УК РФ уголовных проступков приведем следующие. В первую очередь – это излишняя насыщенность современного российского законодательства уголовно-правовыми запретами. Их негативные последствия заключаются в привлечении ежегодно к уголовной ответственности значительного числа граждан. В 1992–2001 гг. эта цифра составляла более 1,5 млн взрослого населения страны, а в 2012–2017 гг. – около 900 тыс. Однако это – «прямая» дорога к дальнейшей криминализации значительной части общества (табл. 1).

Таблица 1

Количество обвиняемых по направленным в суд уголовным делам

Год	Число обвиняемых, чел.
1999	1 552 620
2001	1 503 943
2008	1 210 196
2010	999 518
2012	891 313
2013	881 487
2014	859 506
2015	884 609
2016	913 994
2017	866 462

Отмеченная, исходя из приведенных выше статистических данных, вроде бы положительная тенденция сокращения в течение двух последних десятилетий более чем на треть числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, обусловлена не действительным снижением регистрируемой преступности, а в большей степени «играми» со статистикой, что руководством страны оценено достаточно жестко. Так, Д. А. Медведев на совещании по безопасности на Северном Кавказе отметил: «Статистика у нас лукавая, веры в нее нет. Брехня это зачастую!» (Российская газета. 2010. 22 ноября). Существует и еще его более резкое определение, касающееся количественных показателей преступности: «Она (статистика) осуществляется, мы сами знаем: сначала записали, потом подумали, потом выслушали пожелания вышестоящих начальников – и нет ничего. Сегодня у нас миллион преступлений – туда, миллион – сюда, непонятно, что вообще происходит». Обоснованность этого подтверждается и приведенными нами в публикациях оценками реалий статистических данных о состоянии преступности и изменениях ее показателей в зависимости от «административного» фактора ее регулирования начиная с 1983 г. [4, с. 32–44].

В этих условиях вполне обоснованным становится формирование среди высших должностных лиц государства мнения о необходимости общего смягчения карательной политики за преступления, не представляющие значительной общественной опасности. На данное обстоятельство на протяжении ряда лет неоднократно обращал внимание и Председатель Верховного Суда РФ [9]. Тем самым констатируется потребность в выработке предложений о внесении в уголовное законодательство указанных изменений. Обусловлено это в числе других причин и тем, что в условиях гуманизации российского уголовного законодательства требуется переоценка его отдельных действующих в настоящее время институтов, которые призваны обеспечивать развитие общественных отношений в современных социально-политических и экономических условиях. Этим вызваны и столь масштабные изменения уголовного закона, внесенные законодателем в июле 2016 г., направленные на либерализацию уголовной ответственности. Имеются в виду федеральные законы от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, № 324-ФЗ и № 326-ФЗ, достаточно неоднозначно воспринятые не только научной общественностью, но и практикующими юристами.

Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, комментируя эти изменения, указал, что принятые «нормы в части либерализации отечественного уголовного права требуют законодательного продолжения... Поэтому в Уголовный кодекс РФ предлагается ввести уголовно наказуемый проступок» (Российская газета. 2016. 21 июля), подчеркнув при этом, что уголовный проступок – это новый элемент уголовно-правовой политики России, при разработке концепции которой особое внимание следует уделить данной категории противоправных деяний. Сегодня это реализовано в разработанном Верховным Судом РФ законопроекте о введении в УК РФ уголовных проступков, который поступил в Государственную Думу РФ и включен в график ее заседаний.

Одновременно указанными федеральными законами от 3 июля 2016 г. были декриминализованы отдельные виды преступлений с переводом их в административные правонарушения, что, по нашему мнению, ослабит борьбу с некоторыми достаточно опасными противоправными деяниями, например, такими как кражи чужого имущества или факты незаконного оборота наркотиков [3]. К этой же категории противоправных деяний следует отнести и декриминализованную приведенными федеральными законами № 323-ФЗ и № 326-ФЗ значительную часть побоев, за совершение которых, кроме тех противоправных деяний, которые пе-

речислены в ст. 116 УК РФ, предусмотрена административная ответственность. Уголовная же ответственность предусмотрена лишь в случаях нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ). Этим решением законодателя практически утрачено то значение данного вида уголовно наказуемых деяний, которое заключалось в двойной превенции, направленной на предупреждение преступлений, связанных с насилием над личностью, включая противоправные деяния, совершаемые на почве семейно-бытовых отношений, в том числе убийства, факты причинения вреда здоровью различной степени тяжести.

Второй, не менее важный аргумент за введение уголовного проступка заключается в том, что в этом случае излишним станет закрепленное в ч. 2 ст. 14 УК РФ понятие деяния, в силу малозначительности не представляющего общественной опасности. Положения этой уголовно-правовой нормы порождают сегодня неоднородную судебную практику. Так, по приговору Смирныховского районного суда Сахалинской области П., незаконно выловивший 8 штук рыбы кеты в местах ее нереста, причинивший ущерб на сумму 4640 рублей, оправдан по ст. 256, ч. 1, п. «в» УК РФ, так как его деяние в силу малозначительности не представляет общественной опасности. Напротив, в Иркутской области за вылов рыбы окунь в количестве 30 штук осужден М., причинивший ущерб в размере 510 рублей [2].

Еще один аргумент в пользу введения уголовного проступка заключается в негативной тенденции снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлении путем принятия следователем, дознавателем, органом дознания незаконного или необоснованного процессуального решения об отказе в возбуждении уголовных дел (в 2014–2017 гг. ежегодно до 1,5 млн «отказных» материалов отменялось прокурорами), количество которых за последние 25 лет возросло с 1,3 млн в 1991 г. до 6,8 млн в 2016 г. Так, если в 2008 г. было возбуждено 2,6 млн уголовных дел и по 5,3 млн сообщений о преступлениях приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, то в 2015–2016 гг. примерно на 1,8–1,9 млн возбужденных уголовных дел пришлось уже 6,8 млн «отказных» материалов, по которым эти деяния, по оценке правоприменителя, не представляли в силу малозначительности общественной опасности.

Более того, судебная практика до внесения в УК РФ указанных выше изменений от 3 июля 2016 г. в части установления порога уголовной ответственности в 2,5 тыс. рублей по ч. 1 ст. 158 УК РФ знала многочисленные примеры, когда квалифицированные виды краж (ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ) не признавались преступлениями в силу малозначительности при размере ущерба менее 1 тыс. рублей. Однако такие деяния не могли быть квалифицированы и как административные правонарушения, поскольку согласно ст. 7.27 КоАП РФ хищение признается мелким только при отсутствии квалифицирующих признаков преступлений.

В результате складывалась ситуация, при которой в 2015–2017 гг. около 1,2 млн краж ежегодно не получали должной юридической оценки со стороны государства, поскольку по ним приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, несмотря на то что лицо, совершившее кражу, не установлено, что прямо противоречит положениям ч. 1 ст. 148 УК РФ [3].

Указанные выше факторы снижения уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлении способствовали значительному изменению «тренда» показателя регистрируемой преступности (табл. 2).

Таблица 2

**Сведения о количестве зарегистрированных преступлений за 1980–2017 гг.
(показатели «тренда» преступности)**

Год	Количество зарегистрированных преступлений, млн
1980	1,028
1991	2,168
1999	3,002
2006	3,853
2010	4,4 (прогноз)
2014	2,166
2015	2,388 (без КФО)
2016	2,160
2017	2,058

Должного отражения в учете преступлений не находят преступления небольшой и средней тяжести, хотя в структуре регистрируемой преступности они, например, в 2015–2017 гг. составляли около 79 %. При введении категории «уголовный проступок» статистическая картина преступности призвана стать более реалистичной.

При закреплении в УПК РФ категории уголовного проступка предлагаем предусмотреть, что осуждение за него не будет влечь за собой судимости, уголовно-правовые последствия которой достаточно существенны в социальном плане, поскольку затрагивают права данного гражданина на определенные профессии, ограничивают его в решении бытовых вопросов, таких как получение кредита, выезд за границу и т. п. При этом ряд ограничений несет не только само виновное лицо, но и его близкие родственники. Введение в российское уголовное законодательство уголовного проступка также сократит на 7–10 % число лиц, осуждаемых к лишению свободы, и соответственно снизит уровень судимости населения.

Выделение части преступлений в уголовные проступки и их законодательное закрепление позволит адекватно действительному характеру и степени общественной опасности статистически представить преступность, как зарегистрированную, так и по судимости, на две основные группы – уголовные проступки и иные преступления, что также будет способствовать стабилизации положения в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Дело за законодателем.

Библиографический список

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса : монография, М., 2006. 144 с.
2. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31.
3. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–25.
4. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография. М., 2008. 208 с.
5. Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. 2011. № 16. С. 10–13.

6. Гаврилов Б. Я. Совершенствование досудебного производства как фактор повышения эффективности уголовного судопроизводства в России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 36–42.

7. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.

8. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 4–5.

9. Чиновник перед высшим судом. Вячеслав Лебедев: мы поддержим гражданина в споре с бюрократом : интервью Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева // Российская газета. 2008. 2 дек.

10. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия Право. 1979. № 2. С. 7–8.

11. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170.

12. Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // Российская газета. 2011. 7 июня.

13. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 331–419.

14. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» / отв. ред. Н. А. Беляев и др. Л., 1961.

15. Щедрин Н. С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 5–14.

УДК 343.819.1:343.8

МИДХАТ МАЗГУТОВИЧ КУРМАНОВ,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация,
e-mail: kurmanov_midhat@mail.ru

КОЛОНИЯ-ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ И ПРОЖИВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОЛОНИИ-ПОСЕЛЕНИЯ

Для цитирования

Курманов, М. М. Колония-поселение в городском округе и проживание осужденных за пределами колонии-поселения / М. М. Курманов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 137–140.

Аннотация. В статье представлен анализ реализации права осужденного на проживание за пределами колонии-поселения в пределах муниципального образования – городского округа. Исследование не ограничивается рамками научной дискуссии и имеет непосредственное прикладное значение. Особенности реализации указанного права показаны на конкретном примере из практики деятельности исправительных учреждений. Делается вывод о том, что нарушения рассматриваемого права связаны, как правило, с игнорированием требований законодательства об общих принципах организации местного самоуправления.

Ключевые слова: колония-поселение, проживание за пределами колонии-поселения, муниципальное образование.

Ограничения в правах и свободах осужденных установлены Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (УИК РФ) и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295.

В новом разделе 26 Правил «Порядок предоставления осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, права проживания за ее пределами» закрепляются основания для предоставления им этого права, требования, предъявляемые к кандидату на такое проживание и к жилому помещению, указан перечень документов, наделяющих осужденных этим правом, а также определен порядок осуществления контроля за осужденными, проживающими за пределами колонии-поселения.

Статья 129 УИК РФ предусматривает: «1. В колониях-поселениях осужденные к лишению свободы: б) проживают, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. Осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника колонии-поселения

может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Указанные осужденные обязаны являться для регистрации в колонию-поселение до четырех раз в месяц. Периодичность регистрации устанавливается постановлением начальника колонии-поселения. Жилые помещения, в которых проживают осужденные, могут посещаться в любое время представителем администрации колонии-поселения».

Справедливо отмечает Е. В. Павлова: «Следует сделать акцент на том, что в правовой статус осужденных входят права, свободы и обязанности, которые возникают и реализуются в рамках уголовно-исполнительных отношений и которые могут регулироваться нормами иных отраслей права (трудового, гражданского, жилищного и т. д.). Они являются необходимыми предпосылками для определения правового статуса лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы» [1, с. 23].

Рассмотрим следующий пример. Гражданин И. приговором Вахитовского районного суда города Казани И. оправдан по ч. 2 ст. 201, ст. 196, ч. 1 ст. 195, п. «б» ч. 4 ст. 174.1, п. «б» ч. 3 ст. 174.1, п. «б» ч. 4 ст. 174.1, ч. 4 ст. 160 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях составов указанных преступлений осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 26 сентября 2016 г. приговор изменен на мошенничество в сфере предпринимательской деятельности и назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы с отбыванием его в колонии-поселении. Местом отбывания наказания определена колония-поселение ФКУ ИК-18 УФСИН России по Республике Татарстан, расположенная на территории Приволжского района г. Казани.

Осужденный И., не имеющий взысканий, обратился к начальнику ФКУ ИК-18 УФСИН России по Республике Татарстан с заявлением о разрешении на проживание с семьей в пределах г. Казани и получил отказ, в обоснование которого было указано, что «согласно пункту «б» части 1 статьи 129 УИК РФ «Условия отбывания лишения свободы в колониях-поселениях» по постановлению начальника колонии-поселения может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Муниципальное образование участка колонии-поселения при ИК-18 расположено в Приволжском районе г. Казани. Адрес Вашего места жительства – Кировский район г. Казани. Таким образом, в совместном проживании с семьей по адресу: Республика Татарстан, г. Казань, ул. ... Вам отказано на основании норм действующего законодательства».

Данный ответ не соответствует Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Закону Республики Татарстан от 15 сентября 2004 г. № 46-ЗРТ «О границах территории и статусе муниципального образования города Казани» (далее – Закон Республики Татарстан № 46-ЗРТ).

В ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дается понятие городского округа: «Городской округ с внутригородским делением – городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования», то есть внутригородские районы в городском округе считаются муниципальными образованиями, если это установлено законом субъекта Российской Федерации.

В соответствии с Законом Республики Татарстан № 46-ЗРТ г. Казань наделен статусом городского округа, установлены границы территории городского поселения Казани как муниципального образования, состоящего из г. Казани и прилегающих к нему территорий, согласно карте-схеме (приложение 1 к Закону) и картографическому описанию границы (приложение 2 к Закону).

Городской округ г. Казань является единым муниципальным образованием, и районы статусом муниципального образования не наделены, соответственно Приволжский и Кировский районы не являются муниципальными образованиями, а администрации этих районов являются территориальными представительствами исполнительного комитета (местной администрации) городского округа г. Казань.

Таким образом, утверждение в ответе, что «муниципальное образование участка колонии-поселения при ИК-18 расположено в Приволжском районе г. Казани. Адрес Вашего места жительства – Кировский район г. Казани», не соответствует п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, так как только колония-поселение может находиться на территории муниципального образования, а не муниципальное образование – на территории участка колонии-поселения при ИК-18.

Расположение колонии-поселения при ИК-18 в Приволжском районе городского округа г. Казань какого-либо значения не имеет, так как ст. 129 УИК РФ прямо указывает на муниципальное образование.

Интересно, а сколько осужденных получили отказ в совместном проживании с семьей в пределах городского округа г. Казань по аналогичным незаконным основаниям? На данный вопрос может ответить только прокуратура.

Мы присоединяемся к мнению А. А. Соколова, который утверждает, что «существующие проблемы в применении норм, регламентирующих выезд осужденных, в частности непредоставление выезда осужденному, который этого заслуживает, существенно ограничивают воспитательное воздействие этого института, а также затрудняют выполнение требований международных стандартов в части возвращения осужденного в общество полноправным его членом» [2, с. 16].

По факту нарушения конституционных прав и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» осужденный И. обратился с жалобой к руководству УФСИН России по Республике Татарстан. В своем ответе первый заместитель начальника УФСИН России по Республике Татарстан сообщает следующее: «Решение вопроса о проживании осужденных-поселенцев со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, отнесено УИК РФ к компетенции начальника учреждения. При этом закон не требует от начальника учреждения сообщать осужденному причины, послужившие основанием для принятия решения по указанному вопросу».

Ответ руководства УФСИН России по Республике Татарстан вновь дан без учета положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и, к сожалению, соответствует мнению сотрудников исполнительных учреждений в целом по стране. Главное – не отпустить! Так, Д. В. Горбань отмечает: только 25,4 % сотрудников ответили, что их удовлетворяют существующие правила предоставления проживания вне колонии, 45,6 – не удовлетворяют, 29 % – удовлетворяют не в полной мере в понимании правовой природы института проживания осужденных вне колонии в рамках института изменения условий отбывания наказания

в сторону расширения объема прав и льгот [3]. Таким образом, 74,6 % сотрудников исправительных учреждений высказались против проживания осужденных вне колонии.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

довод начальника ФКУ ИК-18 УФСИН России по Республике Татарстан: «Таким образом, в совместном проживании с семьей по адресу: Республика Татарстан, г. Казань, ул. ... Вам отказано на основании норм действующего законодательства» – не соответствует законодательству, является незаконным и нарушает права и законные интересы осужденного И. Тем самым созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов осужденного;

ответ первого заместителя начальника УФСИН России по Республике Татарстан: «При этом закон не требует от начальника учреждения сообщать осужденному причины, послужившие основанием для принятия решения по указанному вопросу» – не может быть признан соответствующим законодательству, так как отказ начальника должен быть мотивированным и обоснованным.

Библиографический список

1. Павлова Е. В. Сущность правового статуса осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4. С. 23–26.
2. Соколов А. А. Проблемы реализации законных интересов осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 16–19.
3. Горбань Д. В. Правовое регулирование проживания осужденных за пределами исправительных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 225 с.

УДК 341.44

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: asshatalov@rambler.ru;

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
г. Вологда, Российская Федерация,
e-mail: grachevaluda2012@yandex.ru

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЕРЕДАЧИ ОСУЖДЕННЫХ ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАНАМИ КОТОРЫХ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ

Для цитирования

Шаталов, А. С. Сущность и правовая природа передачи осужденных для отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются / А. С. Шаталов, Л. Л. Сантасова // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 141–147.

Аннотация. В статье исследуются уголовно-процессуальные и сопряженные с ними уголовно-исполнительные проблемы, существование которых вызвано недостатками нормативного регулирования процессуальной деятельности по передаче осужденных для отбывания наказания в государство их гражданства. Предлагается определение понятия «передача осужденных», формулируются его принципиальные отличия от понятия «выдача осужденных». Вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства в части расширения перечня наказаний, в отношении которых возможна передача осужденных (в настоящее время – только лишение свободы), включив в него наказания без изоляции от общества, а также иные меры уголовно-правового характера в связи с введением в уголовное законодательство категории «уголовный проступок». Представляется, что учет действующим уголовно-процессуальным законодательством одного лишь наказания в виде лишения свободы является контрпродуктивным для дальнейшего поступательного развития рассматриваемого направления международного сотрудничества и не отвечает реалиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова: выдача осужденного, исполнение приговора, международное сотрудничество, передача осужденного, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительное право.

Объем, структура и динамика современной российской преступности свидетельствуют о невозможности успешной борьбы с ней лишь силами одного отдельно взятого государства. Это обстоятельство в совокупности с экономическими, политическими, правовыми, организационно-техническими факторами стимулирует международное сотрудничество в этой сфере, приводя к появлению необходимых стандартов взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания со своими коллегами из других государств. Став общепризнанными, такие стандарты имплементируются в национальные правовые акты в целях дальнейшего беспрепятственного применения не только в следственной или судебной, но и в пенитенциарной практике. Российское уголовно-процессуальное законодательство в этом плане не исключение. Регламентированное в нем международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства по праву считается наиболее эффективной и востребованной в современных условиях деятельностью по защите прав и законных интересов как потерпевших от преступлений, так и подвергнутых уголовному преследованию лиц. В таком контексте оно предстает важным вектором развития межгосударственных отношений, призванным поддерживать внутригосударственный и мировой правопорядок. При этом особенности национальной и транснациональной преступности, политика различных государств в деле борьбы с ней определяют необходимость существования тех или иных направлений международного сотрудничества в данной сфере. В российском уголовном судопроизводстве их несколько. Одним из них признано взаимодействие с пенитенциарными системами иностранных государств, поскольку вопросы передачи лиц, осужденных к тем или иным видам уголовных наказаний, в условиях глобализации, интеграции, миграции населения приобрели особое значение. Создание правовых основ для их решения является длительным и трудоемким процессом. Сначала соответствующий международный договор подписывается двумя или несколькими государствами, причем в нашей стране он должен быть одобрен обеими палатами Федерального Собрания и подписан Президентом Российской Федерации. Похожую процедуру своего признания этот же международный договор должен пройти в органах государственной власти другой договаривающейся стороны, и только после этого он начинает действовать.

Нередкими являются случаи, когда на это уходят годы. Например, на ратификацию Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанной в 2002 г., потребовалось около 4 лет (Федеральный закон от 9 июня 2006 г. № 83-ФЗ «О ратификации Конвенции между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о передаче лиц, осужденных к лишению свободы»). Более 10 лет длилась ратификация Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания, подписанной от имени Российской Федерации 6 марта 1998 г. (Федеральный закон от 13 октября 2009 г. № 235-ФЗ «О ратификации Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания»). Есть и другие примеры, не позволяющие (в конечном итоге) охарактеризовать международное сотрудничество в этой сфере как ритмичное, всестороннее и отвечающее потребностям сегодняшнего дня, например Федеральный закон от 9 июня 2006 г. № 82-ФЗ «О ратификации Конвенции между Российской Федерацией и Французской Республикой о передаче лиц, осужденных к лишению свободы». Данный факт не может не вызывать всеобщего сожаления, поскольку официальная уголовная статистика свидетельствует о том, что количество преступлений, совершаемых иностранцами в России (примерно половина из них –

в Москве и Санкт-Петербурге), увеличивается практически ежегодно и исчисляется десятками тысяч. Чаще всего законы нашей страны нарушают выходцы из стран ближнего зарубежья. Попав в места лишения свободы, они нередко изъявляют желание отбывать наказание в государстве своего гражданства или в стране постоянного проживания. Их ходатайство на этот счет закон расценивает в качестве повода для начала осуществления соответствующих процессуальных процедур.

Основанием передачи лица, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, а равно для передачи россиянина, осужденного судом иностранного государства к лишению свободы, для отбывания наказания в Российской Федерации является решение суда. Оно принимается по результатам рассмотрения представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, либо обращения осужденного или его представителя, а равно компетентных органов иностранного государства, в соответствии с международным договором Российской Федерации либо письменным соглашением ее компетентных органов и иностранного государства на основе принципа взаимности. Представления и иные обращения о передаче осужденного Российской Федерацией рассматриваются судом, постановившим приговор. Вопросы, связанные с признанием, порядком и условиями исполнения приговора суда иностранного государства, которым осужден российский гражданин, передаваемый в Российскую Федерацию для отбывания наказания, рассматриваются судом, к подсудности которого относится совершенное осужденным преступление, с учетом его квалификации по Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ) и места последнего проживания осужденного в Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) заинтересованные лица, учреждения и органы должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня его начала. В суд обязательно вызывается представитель федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, по представлению которого разрешается вопрос о передаче осужденного, в случае необходимости – гражданский истец и гражданский ответчик. В нем принимает участие прокурор. Каждый из названных участников уголовного судопроизводства вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. При наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие либо предоставить возможность изложить свою позицию по видеоконференцсвязи. Вопрос о форме его участия в судебном заседании решается судом. Соответствующее ходатайство может быть заявлено осужденным в его обращении о передаче, а также в течение 10 суток со дня получения им извещения о дате, времени и месте судебного заседания. Осужденный может осуществлять при этом свои права не только лично, но и с помощью адвоката.

При рассмотрении материалов о передаче лица для отбывания наказания в иностранном государстве суду, исходя из положений соответствующих международных договоров РФ, ст. 471 и 472 УПК РФ, надлежит установить наличие письменного согласия осужденного, а также согласия государств вынесения и исполнения приговора на такую передачу. Органы, уполномоченные на дачу согласия на этот счет, определяются законодательством государства вынесения или исполнения приговора. Это могут быть суды, органы прокуратуры, министерство юстиции, если иное не предусмотрено

международным договором РФ (п. 35 постановления пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11).

Условия передачи лица для отбывания наказания в иностранном государстве, а также основания для отказа в такой передаче определяются положениями, содержащимися в УПК РФ и международных договорах. Соблюдение условий передачи, определенных в ст. 3 Конвенции о передаче осужденных лиц (от 21 марта 1983 г.), не исключает возможности отказать в передаче их государству – участнику международного договора Российской Федерации по основаниям, предусмотренным ст. 471 УПК РФ, например, в том случае, если от осужденного лица либо от государства, где должен исполняться приговор, не получены гарантии его исполнения в части гражданского иска (то есть залог, поручительство или банковская гарантия).

Важно отметить, что рассматриваемое направление международного сотрудничества нередко ошибочно отождествляется с выдачей лица для уголовного преследования или исполнения приговора (то есть с иным его направлением). Данное обстоятельство предопределяет необходимость четкого выделения принципиальных отличий в этих органически взаимосвязанных, но весьма разнородных по своей юридической природе процессуальных актах. На наш взгляд, они заключаются в следующем:

передача может быть осуществлена только в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, в то время как для их выдачи вид уголовного наказания не имеет решающего значения;

передача предполагает добровольное волеизъявление (то есть она осуществляется через заявление осужденным соответствующего ходатайства либо его согласия на это), а выдача, напротив, всегда является актом государственного принуждения;

передача обычно касается гражданина только той страны, которой адресовано соответствующее ходатайство, тогда как для процедуры выдачи гражданство запрашиваемого лица такого значения не имеет;

решение о передаче лица в Российской Федерации уполномочен принимать только суд, а решение о выдаче – только Генеральный прокурор РФ или его заместитель.

К формулированию научных определений понятия «передача осужденных» в юридической литературе встречаются довольно разнообразные подходы. Они варьируются от полного непонимания необходимости в определениях такого рода до их разнообразной односторонности. Например, В. М. Волженкина, обстоятельно исследовав нормативно-правовую базу, основания и порядок передачи осужденных, предпочла не разрабатывать определение данного понятия [1, с. 178–184], что, на наш взгляд, является серьезным упущением. В отличие от нее К. Е. Колибаб в своих трудах решил дать определение этого понятия с акцентом на гуманность государственного акта передачи осужденного, а также на эффективность применения мер уголовной ответственности, повышаемую посредством помещения таких лиц в благоприятную для них среду, способствующую сохранению социально полезных связей, использованию родного языка, общению с родственниками и др. Согласившись с таким подходом [2], П. Н. Бирюков не предложил собственного понятия передачи осужденных, но отметил, что для возвращения таких лиц к нормальной жизни необходимо, чтобы им непременно была предоставлена возможность отбывать наказание в стране гражданства [3, с. 210]. Развернутое определение этого понятия можно встретить в трудах Д. Н. Шурухновой. Рассматривая передачу осужденного как акт международного сотрудничества, состоящий в направлении этого лица из государства вынесения приговора в государство его фактического исполнения, она указывает, что передача такого рода осуществляется

на основе международного и национального законодательства по инициативе обеих сторон и самого осужденного либо его законных представителей [4, с. 27]. Непременными условиями передачи осужденных, по ее мнению, являются: наличие факта международного сотрудничества государств, вынесения и исполнения приговора; обеспечение возможности отбывать наказание в государстве гражданства или постоянного места жительства; наличие свободного волеизъявления у государства (как вынесшего, так и исполняющего приговор) и у осужденного (его законных представителей) [4, с. 7].

В работах Т. В. Решетневой передача осужденных рассматривается как правовой субинститут, олицетворяющий собой совокупность норм права и принципов, определяющих порядок передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государство гражданства [5, с. 113]. Передача осужденных ей видится в качестве структурного элемента института экстрадиции наряду с выдачей подозреваемых, обвиняемых [5, с. 9].

С точки зрения А. И. Бойцова, передача осужденных состоит в перемещении их в государство гражданства или место их постоянного проживания с целью дальнейшего исполнения приговора суда [6, с. 385].

Не менее лаконичное по своему содержанию определение встречается в работах В. В. Вандышева, который считает, что передача осужденного иностранного гражданина (подданного) заключается в его направлении в государство (подданство) гражданства [7, с. 264].

Процессуалисты в своих работах справедливо отмечают тот факт, что передача осужденных, несомненно, является самостоятельным направлением международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а его правовое регулирование постоянно совершенствуется. Наличие у него собственной нормативно-правовой базы, вполне определенных целей и задач, безусловное соблюдение общеправовых принципов представляют собой его сущность и правовую природу. Данная позиция, по нашему мнению, вполне обоснованна и соответствует нынешнему состоянию международного сотрудничества в этом сегменте процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности. Суть передачи осужденных заключается в совершении предусмотренных международным договором и (или) национальным законодательством процессуальных процедур, принятии итоговых процессуальных решений с целью осуществления перемещения лица из иностранного государства, в котором он осужден, в государство его гражданства или постоянного проживания.

К сожалению, ни одна из приведенных дефиниций передачи осужденных не может быть взята за основу для развития правовой регламентации этого процесса в силу весьма общего характера или очевидных изъянов в логике обоснования. К тому же нормативные предписания гл. 55 УПК РФ распространены законодателем только на случаи передачи лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, то есть на лиц, отбывающих одно из тринадцати видов уголовных наказаний, предусмотренных УК РФ. Данное обстоятельство снижает потенциал и искусственно сужает реальные возможности данного направления международного сотрудничества судов и пенитенциарных систем в сфере уголовного судопроизводства. Это означает, что в нашем национальном законодательстве пока не учтены особенности передачи осужденных к лишению свободы условно, на определенный срок и пожизненно. Вне поля зрения российского законодателя также остаются вопросы передачи несовершеннолетних и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Нерешенным является вопрос о передаче осужденных, к которым были применены иные меры уголовно-правового

характера. Неудовлетворенность таким положением дел приобрела особую остроту в связи с принятием постановления пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка“». В случае принятия данного законопроекта в российском уголовном законодательстве появится новая родовая категория «уголовное правонарушение», охватывающая собой две разновидности противоправных действий: «преступление» и «уголовный проступок». Лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, совершившее уголовный проступок впервые, будет освобождаться судом от уголовной ответственности с применением таких мер уголовно-правового характера, как судебный штраф, обязательные работы или исправительные работы. Их исполнение предполагается осуществлять по соответствующим правилам, установленным уголовно-исполнительным законодательством. Исходя из данных обстоятельств учет действующим уголовно-процессуальным законодательством одного лишь наказания в виде лишения свободы для дальнейшего поступательного развития рассматриваемого направления международного сотрудничества представляется контрпродуктивным и не отвечающим реалиям сегодняшнего дня.

Произведенный анализ действующего нормативного регулирования передачи осужденных для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, перспектив его дальнейшего развития, уже сформулированных точек зрения позволяет предложить следующее определение этого понятия: *передача осужденных – самостоятельное направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в рамках которого на стадии исполнения приговора осуществляется перемещение осужденных лиц для дальнейшего отбывания наказания в государство их гражданства или постоянного проживания в целях социальной реабилитации*. Полагаем, что было бы правильным имплементировать это определение в текст гл. 55 УПК РФ, с тем чтобы оно задавало тон всему нормативному регулированию рассматриваемого направления международного сотрудничества. Формулируемые в контексте данного определения нормативные предписания будут способствовать лучшему пониманию и практическому осуществлению всех процессуальных процедур, информацию о которых они выражают, хранят и передают. Значение этого определения для осуществления как самого международного сотрудничества, так и уголовно-процессуальной деятельности состоит в том, что понятие «передача осужденных» будет формализовано законодательным путем, заменив, таким образом, интуитивно подразумеваемое содержание данной процессуальной категории точным смыслом.

Библиографический список

1. Волженкина В. М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 204 с.
2. Колибаб К. Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 89–99.
3. Бирюков П. Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 368 с.

-
4. Шурухнова Д. Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств (права, законные интересы личности и их гарантии) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 178 с.
 5. Решетнева Т. В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. 276 с.
 6. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб., 2004. 795 с.
 7. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учеб. для юрид. вузов и фак. М., 2010. 720 с.

УДК 343.823

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: yuzanin@mail.ru;

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБАНЬ,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: dimas8807@mail.ru

НАЧАЛЬНЫЙ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАПЫ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Для цитирования

Южанин, В. Е. Начальный и заключительный этапы отбывания лишения свободы: проблемы концептуального определения / В. Е. Южанин, Д. В. Горбань // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 148–153.

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап отбывания наказания в виде лишения свободы, определяющий весь процесс исправления осужденных. Отмечается, что он обеспечивает: адаптацию прибывших в исправительное учреждение осужденных в микросоциальной общности лиц, отбывающих наказание; вхождение их в трудовой и учебный процессы; испытание на правопослушное поведение; изучение личности вновь прибывших осужденных; классификацию и распределение их по отрядам, камерам, группам; безопасность в исправительном учреждении. Обосновывается, что начальный этап должен состоять из трех самостоятельных периодов: 1) направление осужденных в исправительное учреждение; 2) прием их в исправительном учреждении, содержание в карантине и адаптационном отряде; 3) размещение осужденных в обычных условиях отбывания наказания и содержание в них.

Раскрывается роль адаптационных отрядов в деятельности исправительно-го учреждения. Важнейшее направление работы в адаптационном отряде – это всестороннее изучение личности осужденного и последующее его размещение в отряде колонии с учетом необходимости обеспечения основополагающих прав осужденных на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность и безопасность их нахождения в исправительном учреждении.

Затрагиваются проблемы заключительного этапа отбывания лишения свободы. Предлагается объединить шестимесячную подготовку осужденных к освобождению и годичный период после освобождения в единый профилактический

процесс, создать открытые условия для всех категорий осужденных, в том числе осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления на длительные сроки лишения свободы и злостных нарушителей режима, для которых предусмотреть отдельные участки в колониях-поселениях. Управляться этот процесс должен службой пробации, а при ее отсутствии – уголовно-исполнительной инспекцией, которая должна контролировать процесс подготовки осужденных к освобождению и разрабатывать специальные программы, обеспечивающие переход от жизни в исправительном учреждении к законопослушной жизни в обществе.

Ключевые слова: начальный этап отбывания наказания, обычные условия отбывания наказания, облегченные условия отбывания наказания, прием вновь прибывших осужденных, карантин, адаптационный отряд, подготовка осужденных к освобождению, заключительный этап отбывания наказания, открытые условия, служба пробации, управление адаптацией после освобождения.

Условия отбывания наказания и их изменение имеют отношение ко всему периоду нахождения осужденного в исправительном учреждении (ИУ), который ограничен временем, определенным судом в приговоре. Процесс отбывания наказания для осужденных можно условно разделить на три основных этапа: начальный (первоначальный), основной и заключительный. Каждый из них выполняет свои определенные функции, представляет собой характерные условия отбывания осужденными наказания и предполагает специфику исправительного воздействия. Следует отметить, что начальный и заключительный этапы, по сути, не определены в законодательстве, но пенитенциарная практика их выделяет и использует при реализации процесса исполнения наказания.

Достаточно значимую роль в исправительном процессе на сегодняшний день играет начальный этап отбывания наказания в виде лишения свободы. На этом этапе с осужденными проводится комплекс различных мероприятий, в том числе направленных на их адаптацию к режимным правилам и требованиям.

Основной вопрос, затрагиваемый в научной литературе относительно начального этапа отбывания наказания, связан с его временными рамками. Периодом возникновения общественных отношений в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы является вступление приговора суда в законную силу. Осужденному определяется место отбывания наказания (исправительное учреждение того или иного вида либо с тем или иным видом режима), в которое он направляется.

Завершением первоначального этапа отбывания наказания в виде лишения свободы ученые считают момент приема осужденных в исправительное учреждение [5, с. 12]. Такой же период отводится приему (карантину) в ст. 79 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), соблюдается он и в практике деятельности большинства ИУ.

Однако положительный опыт отдельных исправительных учреждений идет по пути создания адаптационных отрядов, в которых осужденные на начальном этапе отбывания наказания находятся до трех месяцев. Пребывание осужденных в этих отрядах призвано наиболее эффективно подготовить их к основному этапу отбывания наказания. Данный опыт не является новым для пенитенциарной системы России, он использовался в ряде ИТУ в советский период развития нашего государства [3, с. 6].

На наш взгляд, начальный этап отбывания наказания должен иметь следующие временные рамки – от вступления в законную силу приговора суда и до трех месяцев нахож-

дения осужденных в адаптационном отряде. Так, в УИК РФ отмечается, что в обычных условиях колонии общего режима отбывают наказание осужденные к лишению свободы, поступившие в данное исправительное учреждение. Если осужденный в период пребывания в следственном изоляторе (СИЗО) не допустил нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в обычных условиях исчисляется со дня заключения под стражу (ч. 1 ст. 120 УИК РФ). Таким образом, по смыслу законодательства в начальный этап отбывания наказания полагается включать периоды пребывания заключенных под стражей в СИЗО, осужденных в карантинном отделении и в обычных условиях отбывания наказания. По нашему мнению, если на первоначальном этапе отбывания наказания (период испытания) осужденный не допустил нарушений установленного порядка отбывания наказания, то его необходимо переводить в облегченные условия отбывания наказания. Данное предложение может найти свое место в соответствующем разделе УИК РФ.

Однако практика переводов осужденных в облегченные условия имеет достаточно негативную тенденцию. На сегодняшний день распределение осужденных по условиям отбывания наказания выглядит следующим образом: обычные – 79,7 %, облегченные – 15,7, строгие – 3,4 %.

Администрация исправительных учреждений, имеющих основную задачу адаптации осужденных к жизнедеятельности в ИУ, не воспринимает обычные условия как часть начального этапа отбывания наказания. Чтобы разрешить эту проблему, нужно внести соответствующие поправки в законодательство.

Проведенный нами опрос практических работников показал, что большинство из них (61 %) одобряют идею определения в УИК РФ начального периода отбывания наказания для изучения осужденного и его адаптации в среде осужденных с охватом периода обычных условий.

В тюремной системе ряда зарубежных стран (США, Великобритания, Германия и др.) четко прослеживаются ступени отбывания лишения свободы, и на первой ступени происходит изучение прибывшего осужденного, его испытание и постепенная адаптация к тюремным условиям [4, с. 29]. Думается, что такой же начальный этап отбывания наказания в виде лишения свободы должен иметь место и в российской системе его исполнения.

На наш взгляд, начальный этап отбывания наказания в виде лишения свободы должен включать в себя следующие элементы:

- 1) вступление приговора суда в законную силу, назначение осужденному вида исправительного учреждения и направление в него;
- 2) прием осужденных в исправительном учреждении, помещение его в карантинное отделение либо адаптационный отряд;
- 3) распределение осужденного в обычные условия отбывания наказания и нахождение в них до перевода в облегченные условия.

Передовая практика некоторых исправительных учреждений пошла по пути создания адаптационных отрядов. Пребывание осужденного в них создает так называемый переходный этап на пути из карантина в среду осужденных. В данном случае перемещение осужденных возможно по следующей схеме: карантин – адаптационный отряд – обычные условия отбывания наказания в стационарном отряде ИУ. Проведенные нами исследования подтвердили эффективность реализации подобной схемы в практике деятельности ИУ УФСИН России по Омской, Челябинской областям, Республике Мордовия и др.

Исследование, проведенное Е. Е. Новиковым, показало, что уровень адаптации осужденных на выходе из адаптационных отрядов более высокий, чем на выходе из карантина. Большая часть осужденных, находившихся в адаптационном отряде, переводится в колонию с высокой и нормальной адаптацией (54 %), с удовлетворительной адаптацией – 26,6, с низкой адаптацией – 19,4 %. Тогда как осужденные, переведенные в колонию из карантина, имеют более низкий уровень адаптации: с высокой и нормальной адаптацией – 0,7 %, с удовлетворительной – 0,7, с низкой – 98,6 % [2, с. 20]. Таким образом, получается, что осужденные, содержащиеся в адаптационном отряде, более подготовлены к отбыванию основного срока наказания в ИУ. Пребывание осужденных в адаптационном отряде положительно отражается на их дисциплинарной практике, а также на сохранении и развитии родственных связей [6, с. 12]. Создание адаптационных отрядов дает осужденным вероятную «возможность понести наказание без разрыва их социальных связей и без серьезной ломки и деформации личности» [1, с. 10].

Заключительный этап отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы начинается за 6 месяцев до освобождения осужденного из исправительного учреждения. В данный период администрацией исправительного учреждения проводится комплекс мероприятий по подготовке осужденного к освобождению. Однако некоторые ученые (П. В. Тепляшин, С. Л. Бабаян и др.) указывают на необходимость подготовки осужденных к освобождению с первых дней их пребывания в исправительном учреждении. От качественного проведения мероприятий по подготовке осужденных к освобождению зависит эффективность всего процесса ресоциализации преступника, проводимого на предшествующих стадиях, а также успешность его социальной адаптации после освобождения.

На сегодняшний день практически каждый из освобождающихся осужденных нуждается в квалифицированной помощи в решении своих социальных проблем. Это связано в первую очередь с тем, что заключительный этап отбывания наказания в виде лишения свободы является очень трудным для них в психологическом плане. Осужденные начинают моделировать будущую жизнь: решают вопросы местожительства, работы, восстанавливают социальные связи. Большинство лиц после освобождения от наказания возвращаются в неблагоприятные условия, что чрезвычайно повышает риск рецидива преступлений. В связи с этим государству необходимо предпринимать различные меры по предупреждению рецидивной преступности, в том числе правового характера. В первую очередь они должны быть направлены на расширение правовых норм, регламентирующих постпенитенциарное воздействие (административный надзор, процесс управления социальной адаптацией) на лицо, освобожденное из мест лишения свободы.

Проблему высокого уровня постпенитенциарного рецидива преступлений в нашей стране необходимо решать путем совершенствования системы социальной адаптации осужденных к жизни на свободе, а также внесения изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее заключительный этап отбывания наказания в виде лишения свободы.

На заключительном этапе отбывания наказания основная масса осужденных должна пройти через так называемые условия полусвободы, связанные с нахождением осужденного за пределами исправительного учреждения. Это обусловлено в первую очередь тем, что уровень адаптации осужденных, которым перед освобождением предоставлялась возможность нахождения за пределами исправительного учреждения, намного выше, чем у осужденных, которые не имели такой возможности.

По нашему мнению, сама идея совершенствования и дополнения системы условий отбывания наказания новым видом – проживанием осужденных за пределами ИУ уже заложена в действующем уголовно-исполнительном законодательстве.

Считаем более правильным проживание осужденных за пределами исправительного учреждения рассматривать в качестве открытых условий отбывания наказания в виде лишения свободы, которые должны быть обязательным условием, определяющим возможность нахождения осужденного вне пределов исправительного учреждения на заключительном этапе отбывания наказания в виде лишения свободы.

Открытые условия отбывания наказания должны включаться в существующую прогрессивную систему отбывания наказания в виде лишения свободы, а также выступать переходным этапом между изоляцией от общества в условиях исправительного учреждения и свободной жизнью либо досрочным освобождением.

Заключительный этап отбывания уголовного наказания тесно связан с прогрессивной системой отбывания наказания, которая представляет собой особый ступенчатый порядок, применяемый ко всем категориям осужденных с возможными на заключительном этапе всеми видами досрочного освобождения.

Одним из стимулов правопослушного поведения осужденных на заключительном этапе отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы должно выступать досрочное освобождение. Предусматривается частичное либо условное освобождение, а при невозможности их применения (например, к неисправляющимся осужденным) осуществляется комплексная программа мероприятий по подготовке к освобождению.

Заключительный этап отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы должен включать в себя деятельность соответствующих учреждений и органов по контролю за поведением осужденных (патронат), а также по управлению их адаптацией в условиях свободы. Данные функции могут быть возложены на службу пробации (в случае ее создания) либо на уголовно-исполнительные инспекции.

Для прогнозирования поведения осужденного после освобождения из ИУ существенное значение имеет выявление уровня его исправления, что определяется в основном результатами применения средств исправительного воздействия на заключительном этапе отбывания наказания при подготовке осужденного к освобождению. Информация на освобождаемого сосредоточивается в специальном документе – извещении на освобождаемого из мест лишения свободы. Роль администрации ИУ в данном случае заключается не только в том, чтобы передать информацию о личности освобождаемого, характеризующего его за время отбывания наказания, но и в том, чтобы накопить, обобщить, проанализировать и дифференцировать ее в соответствии с избранным видом профилактического воздействия. Таким образом, на сегодняшний день возникает необходимость по-новому взглянуть на заключительный этап отбывания наказания, который должен быть расширен за счет создания особых адаптационных (открытых) условий для освобождаемых осужденных и мер контроля за поведением их опасных представителей.

В ст. 8 УИК РФ должен быть закреплен принцип прогрессивной системы отбывания наказания с последующим его полным отражением в институтах и нормах этого закона. В связи с этим должны быть четко определены контуры начального и заключительного этапов отбывания наказания, а сам карательно-исправительный процесс дифференцирован применительно к положительно и отрицательно характеризующимся осужденным и осужденным на длительные сроки лишения свободы.

Библиографический список

1. Коновалов А. В. Вступительное слово на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3. С. 9–14.

2. Новиков Е. Е. Правовое регулирование направления осужденных в исправительные учреждения, их приема и размещения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 23 с.

3. Перестройка на марше. Опыт УИТУ Саратовского облисполкома по совершенствованию исправительно-трудовой деятельности. Саратов, 1988.

4. Пономарев С. Н., Маруков А. Ф., Геранин В. В. Тюремная система Англии и современное общество. Рязань, 2002. 134 с.

5. Южанин В. Е., Бабунов В. Ю. Групповая классификация осужденных к лишению свободы и ее роль в достижении целей наказания // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 2. С. 46–49.

6. Южанин В. Е., Новиков Е. Е. Правовое регулирование направления осужденных в исправительные учреждения, их приема и размещения. Горно-Алтайск, 2012. 140 с.

УДК 343.847(574)(470)

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: aidarkan@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Для цитирования

Скаков, А. Б. Повышение эффективности уголовно-исполнительной политики Казахстана и России в сфере исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, и социальной адаптации / А. Б. Скаков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 154–161.

Аннотация. Объектом исследования в статье является проводимая в Казахстане и Российской Федерации уголовно-исполнительная политика, субъектом – деятельность государственных органов по формированию и установлению уголовно-исполнительной политики. Рассмотрены основные факторы, формирующие уголовно-исполнительную политику Казахстана и Российской Федерации. Обосновано современное направление уголовно-исполнительной политики как более широкое использование наказаний без изоляции осужденного от общества. Современная уголовно-исполнительная политика Казахстана и России направлена на достижение трех главных целей: исправление осужденных, профилактика преступности, социальная адаптация и реабилитация осужденных. Раскрыты особенности применения правового института «пробация», и предложены меры по его совершенствованию.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, пробация, социальная адаптация, осужденные.

Республика Казахстан и Российская Федерация провозгласили себя социальными государствами, политика которых направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Политика государства оказывает существенное влияние на формирование и развитие общественных отношений, правовой системы, различных отраслей законодательства, общественного сознания.

Политику государства принято разделять на внешнюю и внутреннюю, в рамках которых выделяют экономическую и социальную области политики. Политику в сфере борьбы с преступностью можно условно разделить на политику в сфере предупреждения преступности, уголовную и уголовно-исполнительную.

Уголовно-исполнительная политика – это часть государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Она определяет цели, задачи, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения наказания.

Формирование уголовно-исполнительной политики зависит от социально-экономических, политических, идеологических и иных явлений, которые оказывают как непосредственное, так и опосредованное воздействие на выработку основных направлений деятельности государства и его специальных органов в области исполнения уголовного наказания.

Основными факторами, влияющими на уголовно-исполнительную политику, на наш взгляд, являются:

- экономические;
- социальные;
- международное сотрудничество в области исполнения наказаний;
- практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;
- показатели преступности и правонарушений;
- наука уголовно-исполнительного права.

В результате деятельности субъектов формирования уголовно-исполнительной политики и влияния на нее указанных факторов определены современные направления развития уголовно-исполнительной политики Казахстана и России:

- совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации, направленного на изменение структуры уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, реорганизация старых и создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы;
- поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с осужденными, закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных;
- дополнение системы поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации (адаптации и реабилитации);
- дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой стороны);
- индивидуализация исполнения уголовных наказаний;
- закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации новых форм надзора за поведением осужденных с использованием электронного мониторинга спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS, в первую очередь лиц, находящихся под пробационным контролем;

– подготовка предложений о внесении изменений в законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации, предусматривающих применение электронных средств контроля по месту жительства подозреваемого, обвиняемого в совершении уголовных правонарушений, в качестве альтернативы содержанию под стражей;

– оптимизация размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников, за исключением случаев, требующих изоляции членов организованного преступного сообщества, а также обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений и иных лиц, посещающих учреждения и органы, исполняющие наказания, и самих осужденных.

В настоящее время в Республике Казахстан и Российской Федерации наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, в силу ряда причин уделяется повышенное внимание. В 1990 г. ООН приняла Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), в которых провозгласила важность и необходимость применения альтернативных наказаний.

Целесообразность более широкого использования наказаний без изоляции осужденного от общества очевидна. Содержание «тюремного населения», которое находится в местах изоляции от общества, тяжким бременем ложится на бюджет государства, сдерживает решение многих социальных задач, способствует распространению криминальной субкультуры среди населения.

Эффективное применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Кроме того, широкое применение указанных наказаний, несомненно, отразится на социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

С целью обеспечения эффективного пробационного контроля за исполнением осужденными обязанностей и ограничений предполагается использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, автоматизированного компьютерного учета осужденных, внедрение в практику работы службы пробации (в Казахстане) и учреждений, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (в России), программы психологической коррекции личности и изменения поведения.

Таким образом, реформирование уголовно-исполнительной политики Казахстана и России направлено на достижение трех главных целей: исправление осужденных, профилактика преступности (частная и общая превенция) и социальная адаптация и реабилитация лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. В связи с этим совершенствованию подвергаются как пенитенциарная система, так и уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее деятельность его учреждений и органов. Так, в Казахстане был принят новый Уголовно-исполнительный кодекс, а также Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации». Таким образом, обеспечивается правовое регулирование не только процесса надлежащего исполнения уголовных наказаний, но и создания необходимых условий для социальной реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере криминального судопроизводства. Следует отметить, что принятие указанных законодательных актов полностью соответствует

Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858).

При подготовке законопроекта «О пробации» рабочая группа столкнулась с отсутствием опыта социальной реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, на этапах пробации. Кроме того, были трудности в установлении законодательно закрепленного понятия «пробация». В связи с этим, несомненно, важную роль сыграло глубокое изучение международного опыта в данной области уголовной политики. Практика правоохранительной деятельности свидетельствует о высокой эффективности пробации в исправлении лиц, оказавшихся в сфере деятельности уголовного судопроизводства, в снижении уровня преступности, а также в ее частном и общем предупреждении.

Вместе с тем не все положения норм права зарубежных стран в рассматриваемой сфере были имплементированы в Закон Республики Казахстан «О пробации». В данном случае уместно привести слова бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра, который сказал, что чужой опыт необходимо изучать, а не слепо внедрять. При подготовке названного Закона учитывались национальный менталитет, господствующий в обществе, предыдущий опыт деятельности правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, и другие обстоятельства. Так, в правоохранительной деятельности Казахстана имеется богатый опыт реализации отдельных видов института пробации, в первую очередь так называемых приговорной и постпенитенциарной. При реализации карательно-воспитательного процесса в отношении осужденных условно, привлеченных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, условно-досрочно освобожденных, освобожденных по отбытии срока наказания, в отношении которых установлен административных надзор, казахстанскими правоохранительными органами выработан ряд эффективных воспитательных, профилактических, социальных мер, не учесть которые при разработке закона нельзя.

Пробация (от англ. *probation* – испытание) – это вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов; возможны и дополнительные ограничения (не посещать определенных мест, воздерживаться от общения с определенными лицами и т. п.).

Особенность рассматриваемого правового института заключается в отсутствии единого общепринятого его понимания. Что касается термина «условное осуждение», то он не может быть признан универсальным, поскольку употребляется только в континентальной Европе и неточно передает содержание данного института (осуждение является реальным, а условным считается неприменение наказания). Отсрочка в исполнении наказания (простая отсрочка) и отсрочка в осуждении, обремененная надзором, имеют свои национальные названия (пробационная система, система испытания, уголовный надзор, защитный надзор, условное осуждение и т. п.), которые на первоначальном этапе своего развития могли рассматриваться в качестве синонимов. Однако в последующем в законодательстве большинства стран, в том числе США и Англии, простая отсрочка (условное осуждение) и отсрочка осложненная (пробация) были закреплены в качестве самостоятельных санкций, что не позволяет говорить об их тождественности.

В одних государствах (например, Швеция, Финляндия, Латвия) законодатель определяет условное осуждение как наказание, в других (например, Англия, Дания) – относит к иным мерам уголовно-правового характера, в третьих (например, США) – связывает

применение этой меры с освобождением от наказания (например, Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначает природу данного института.

Несмотря на различия во взглядах и особенности законодательного оформления в каждом отдельном государстве, суть условного осуждения везде одинакова – отложить исполнение наказания за совершенное преступление под определенным условием, если есть основание полагать, что цели наказания могут быть достигнуты без его реального отбытия.

На наш взгляд, гармоничное взаимодополнение и сочетание национального и международного опыта в рассматриваемой сфере позволит законодателю подготовить законопроект с высоким потенциалом правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе probation. Особенно справедливо высказанное нами мнение при реализации ранее неизвестных для национального уголовного судопроизводства досудебной и пенитенциарной probation.

Закон Республики Казахстан «О probation» содержит понятие probation, под которым следует понимать *систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений* (ст. 1 Закона). В Законе закреплены четыре вида probation: досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Внедрение полного цикла probation, на наш взгляд, обеспечит непрерывность процесса ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, которая главным образом влияет на динамику «тюремного населения» и уровень рецидива, то есть на повторность совершения преступлений лицами, отбывшими наказание.

Согласно международному опыту процесс ресоциализации осужденных предполагает реализацию комплекса системных, организационно-правовых мер в отношении их на всех этапах probation. Служба probation должна способствовать сохранению социальных связей осужденных со своими семьями, с близкими, трудовыми коллективами, где они работали до назначения наказания. В процессе probation необходимо привлекать институты гражданского общества. Начинать процедуру адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, необходимо до момента вынесения решения судом по существу дела. Досудебная probation предполагает реализацию социальных, воспитательных, профилактических и иных мероприятий с лицом, совершившим уголовное правонарушение, без принятия судебного решения.

В случае принятия судом решения (приговорная probation) оно должно быть гласным, наглядно подтверждать соразмерность наказания криминальной запущенности личности правонарушителя и степени общественной опасности совершенного им деяния. При этом воспитательная работа, проводимая службой probation с обвиняемыми и осужденными, заключается в изучении их личности, степени их криминогенной запущенности с целью подготовки заключения, которое учитывается судом при вынесении решения по существу дела. При этом служба probation должна оказывать психологическую и иную помощь лицам, оказавшимся в сфере уголовного правосудия на всех стадиях судебного процесса, в том числе в период исполнения наказания (пенитенциарная probation). Из опыта деятельности службы probation зарубежных стран (например, Великобритании, Голландии) видно, что в службе probation работают педагоги, воспитатели, медики, социальные работники, что свидетельствует о ее разносторонней деятельности в

процессе адаптации и реабилитации правонарушителей на всех стадиях уголовного судопроизводства – досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной.

Принимая во внимание необходимость обеспечения непрерывности процесса реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, все этапы пробации должна осуществлять служба пробации, структурно входящая в состав уголовно-исполнительной системы. В этом случае в одном государственном органе (в Комитете уголовно-исполнительной системы МВД Казахстана) будет сосредоточен весь процесс исполнения наказания, социальной реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия, их исправления и недопущения совершения ими новых преступлений. Это позволит государственному органу эффективно, планомерно и последовательно реализовывать поставленные перед ним задачи.

Вышеизложенное позволяет нам в целях совершенствования процесса пробации предложить следующее:

1. Учитывая положительный опыт деятельности службы пробации пенитенциарной системы Казахстана, необходимо реформировать уголовно-исполнительные инспекции России в данный орган, что значительно расширит объем функций, выполняемых ими, повысит эффективность их деятельности по ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

2. Предусмотреть исполнение постпенитенциарной пробации службой пробации, изъяв данную функцию у органов внутренних дел по месту жительства. Кроме того, постпенитенциарная пробация должна осуществляться в отношении не только осужденных, освобожденных условно-досрочно, но и других категорий лиц, а именно освобожденных по отбытии срока всех видов уголовного наказания (не только лишения свободы, но и альтернативных ей), освобожденных в связи с болезнью и т. д. В связи с этим предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 17 Закона Республики Казахстан «О пробации», изложив ее в следующей редакции: «2. Постпенитенциарная пробация в отношении лица, освобожденного по отбытии всех видов уголовного наказания, условно-досрочно освобожденного от отбывания наказаний, применяется в форме пробационного контроля, осуществляемого службой пробации в соответствии с законодательством Республики Казахстан».

3. Служба пробации должна выполнять следующие функции:

- исполнение наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью;
- исполнение наказания в виде штрафа;
- исполнение наказания в виде общественных работ;
- исполнение наказания в виде исправительных работ;
- исполнение наказания в виде ограничения свободы;
- выполнение приговора об осуждении условно;
- выполнение решения суда об условно-досрочном освобождении;
- выполнение решения суда об отсрочке исполнения приговора (для беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до 5 лет);
- осуществление надзора за лицами, в отношении которых установлен пробационный контроль;
- исполнение досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации в исправительных учреждениях и органах уголовного судопроизводства.

4. Принимая во внимание то, что процесс пробации должен быть непрерывным и осуществляться одним органом – службой пробации, необходимо внести изменения в

ч. 3 ст. 16 указанного Закона, изложив ее в следующей редакции: «3. В отношении осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, ресоциализация осуществляется службой пробации совместно с администрацией учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы».

5. Приговорная пробация должна применяться ко всем лицам, в отношении которых суд принял решение об их наказании. В связи с этим ч. 1 ст. 15 Закона следует дополнить другими видами наказания, альтернативными лишению свободы, и изложить ее следующей редакции:

«Статья 15. Приговорная пробация

1. Приговорная пробация применяется в отношении:

- 1) осужденного к штрафу;
- 2) осужденного к общественным работам;
- 3) осужденного к исправительным работам;
- 4) осужденного к ограничению свободы;

5) осужденного, в отношении которого судом принято решение об отсрочке исполнения приговора (для беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до 5 лет);

6) осужденного условно».

6. При проведении следственных действий в сфере уголовного судопроизводства оказываются не только подозреваемые, обвиняемые, но и иные лица, ведущие асоциальный образ жизни (больные наркоманией, алкоголизмом и токсемией; занимающиеся проституцией, бражничеством и т. д.). Хотя по конкретному делу они могут проходить в качестве свидетелей, опасность данных личностей в виде потенциальных правонарушителей, тем не менее, высока, поэтому они также должны быть субъектами досудебной пробации. В связи с этим необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О пробации» и изложить ее в следующей редакции: «2. Целью пробации является содействие в обеспечении безопасности общества путем:

1) коррекции поведения подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства и ведущих асоциальный образ жизни;».

7. Предусмотреть государственные заказы для производственных мощностей пенитенциарных учреждений. В целях развития собственного производства в исправительных учреждениях, повышения уровня трудовой занятости среди осужденных необходимо распределить государственные заказы на предприятиях колоний.

8. Предусмотреть налоговые преференции для предпринимателей, создающих рабочие места для осужденных, отбывающих наказание, лиц, освобожденных от отбывания наказания, и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия.

9. Необходимо внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты с целью правовой регламентации права общественной наблюдательной комиссии установления или снятия пробационного контроля на осужденных и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. При этом следует отказаться от института административного надзора в пользу пробационного контроля, исполнение которого нужно возложить на службу пробации.

Кроме того, указанной комиссии должно быть предоставлено право применять тот или иной институт прогрессивной системы (изменение условий содержания, замена вида учреждения, замена вида наказания и условно-досрочное освобождение). Иными словами, в целях эффективной реализации институтов пробации и прогрессивной системы следует делегировать функцию назначения пробационного контроля и

применения различных институтов прогрессивной системы от суда наблюдательным комиссиям.

Таким образом, высказанные нами предложения позволяют сделать вывод о том, что обеспечение конституционных прав и законных интересов лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, невозможно без дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Казахстана и России, в первую очередь в области социальной адаптации и реабилитации указанных лиц, а также создания государственного органа – службы пробации уголовно-исполнительной системы, соответствующей международным стандартам.

УДК 343.82

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shamsunov46@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1194-6905;
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ПЕЩЕРОВ,
доктор военных наук, профессор,
академик АВН,
старший научный сотрудник,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: geordiy-p@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-4363-054X

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Шамсунов, С. Х. Управленческая культура учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / С. Х. Шамсунов, Г. И. Пещеров // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 162–167.

Аннотация. В статье раскрыты механизмы повышения эффективности управления системой исполнения наказаний. В настоящее время для большинства учреждений и органов уголовно-исполнительной системы характерен традиционный авторитарный стиль руководства, который утвердился в период советской власти. Сотрудники учреждений находятся под постоянным страхом получить взыскание, быть уволенными со службы, что сдерживает часть персонала от дисциплинарных проступков и мобилизует их на активную работу. В то же время большинство сотрудников ответственно относятся к службе, эффективно работают, испытывая причастность к делам коллектива, чувствуя профессиональную гордость, стремятся добиться признания и продвижения по службе, получить очередное звание. В силу этого руководители учреждений и органов уголовно-исполнительной системы должны перестраивать себя и свои методы управления. Когда руководитель стимулирует самовыражение личности, ей трудно не обновляться, ведь сотрудники – это главный источник развития отечественной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, учреждения и органы, исполняющие наказания, управленческая культура, миссия организации, контроль и корректирование функций.

С точки зрения теории управления уголовно-исполнительная система (УИС) – одна из наиболее сложных федеральных государственных организаций (ведомств). Она имеет многоуровневую структуру управления (центральный орган управления УИС – Федеральная служба исполнения наказаний, территориальный орган управления субъекта федерации, подчиненные подразделения – исправительные учреждения, следственные изоляторы, уголовно-исполнительные инспекции и др.), многофункциональна (охрана, конвоирование, обеспечение безопасности, привлечение к труду, профессиональная и образовательная подготовка, воспитательная, психологическая и социальная работа, сохранение здоровья осужденных и др.). В каждом учреждении и органе УИС заняты десятки и сотни людей, а всего в системе трудятся более 295 тысяч человек, разных по должности и возрасту, профессиональной подготовленности и личностным качествам, поэтому, чтобы система исполнения наказаний успешно функционировала, необходимо объединять усилия сотрудников, стимулировать их активность, контролировать и оценивать результаты труда, то есть эффективно управлять системой в целом и каждым подразделением в отдельности.

Не случайно еще в начале XX в. известный российский пенитенциарист С. В. Познышев писал о том, что плохо организованная тюрьма – это рассадник преступности и академия преступлений. Он был одним из первых специалистов, обративших внимание на рациональную организацию труда и управленческую культуру персонала [1, с. 32].

Сложность и многофункциональность УИС способствовали тому, что и в дальнейшем специалисты в области пенитенциарного права ставили вопрос о необходимости целенаправленной управленческой подготовки персонала и совершенствования организационной и управленческой культуры УИС [2, с. 15]. Без специалистов с высоким уровнем профессиональной и, в частности, управленческой культуры невозможно в трудных социально-политических и экономических условиях выполнять масштабные и чрезвычайно сложные задачи по исправлению осужденных к лишению свободы, оказанию им помощи в социальной адаптации. Основной причиной актуализации данной проблемы в УИС является недостаточно четкое представление, во-первых, о том, каков должен быть круг специальных знаний, являющихся составляющей профессиональной культуры, во-вторых, о том, каким знаниям должен отдаваться приоритет. А истоки этих проблем находятся в имеющемся противоречии между профессиональной подготовкой персонала УИС и содержанием его профессиональной деятельности, что подчеркивают многие ученые и практики. В частности, А. И. Зубков еще в 1980-е годы отмечал, что основным недостатком существующей системы подготовки сотрудников для УИС является отсутствие научно обоснованной модели специалиста. Он не может быть только юристом, он должен быть и управленцем, организатором, психологом, педагогом, финансистом, медиком, иметь необходимые военные знания, быть спортсменом и просто физически сильным человеком. «Где найдешь таких специалистов в границах юридической дисциплины?» – задает риторический вопрос известный ученый, и сам же отвечает: «Их нет» [3, с. 16–18]. Спорить с этим трудно.

Безусловно, необходима организация правильного взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения с целью обеспечения эффективности его деятельности, направленной на выполнение поставленных перед учреждением задач. Независимо от вида деятельности и масштабности учреждения эффективность его деятельности, как показывает практика, напрямую зависит от владения субъектом навыками культуры управления, под которыми, в частности, понимаются профессиональные знания в области социального управления и управления персоналом УИС, навыки

принятия управленческих решений и их реализации. Важное значение при этом имеет организация труда подчиненных.

В целях осуществления специальной управленческой подготовки руководящих кадров для правоохранительных органов, в том числе для УИС, в 1970-е годы создается Академия МВД СССР, а на рубеже тысячелетия – Академия ФСИН России. Из стен указанных образовательных организаций вышли многие талантливые руководители, которые в настоящее время занимают ответственные должности в аппарате ФСИН России, учреждениях и органах УИС.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года пенитенциарная система современной России осуществляет преобразования, направленные на достижение таких целей, как снижение социальных и экономических издержек сдерживания преступности с одновременной гуманизацией системы исполнения наказаний, соответствующей современным потребностям общества. В системе исполнения наказаний внедряются новые формы и методы исправительного воздействия на осужденных, не унижающие достоинства человека и в то же время способствующие исправлению человека и облагораживанию общества. Эти нововведения направлены прежде всего на снижение количества осужденных, избавление общества от деформирующей психику осужденных тюремной субкультуры, гуманный подход к осужденным, которые общественно полезным трудом и законопослушным поведением будут способствовать облагораживанию общества и себя как личности. Концептуальные преобразования в УИС возможны лишь при условии, когда весь персонал будет иметь современные представления о формах, методах управления, а также хорошие знания о функциях управления, таких как формирование миссии стратегических целей УИС, организация управления, планирование, контроль и корректирование, мотивирование работников.

Термин «миссия организации», вошедший в обиход управленческих концепций в конце прошлого столетия, обозначает предназначение организации, смысл ее существования [4, с. 262]. Если в системе МВД России главная миссия пенитенциарных учреждений состояла в борьбе с преступностью, то при переходе УИС в ведение Минюста России ее задача стала созидательной – возвращение в общество законопослушных граждан.

Меняется и стратегическое направление развития уголовно-исполнительной политики – это приоритетное применение альтернативных лишению свободы наказаний, не связанных с лишением свободы. Современное развитие УИС предполагает реализацию таких принципов, как гуманизация исполнения наказаний, соблюдение прав и законных интересов осужденных, учет международного опыта исполнения наказаний, открытость УИС для общества. Эти принципы реализуются как в новых законодательных актах по исполнению наказаний, так и в процессе организации управления учреждениями и органами УИС. Для того чтобы система исполнения наказаний функционировала целенаправленно на каждом уровне управления, в каждом подразделении должны быть осознаны не только стратегические, но и оперативные (текущие) цели, задачи на конкретный период.

По сложившей практике стратегические цели деятельности УИС находят отражение в федеральных целевых программах, утверждаемых Правительством Российской Федерации. За период с 2001 по 2016 год приняты и реализованы две целевые программы. Распоряжением Правительства России от 23 декабря 2016 г. № 2808-р утверждена Концепция федеральной целевой программы развития УИС на 2017–2025 годы, целью которой является приведение условий содержания под стражей подозреваемых и обви-

няемых и условий отбывания наказания осужденными в соответствии с законодательством России и международными стандартами для повышения гарантий соблюдения их прав, свобод и законных интересов.

Уровень культуры УИС зависит также от оптимально выбранной организационной структуры учреждений и органов, исполняющих наказания. В ходе реализации данной функции управления осуществляется регламентация функциональных обязанностей, подбор и расстановка кадров, обеспечивается взаимодействие структурных подразделений исправительного учреждения. С целью повышения активности и самостоятельности территориальных органов УИС субъектов федерации в начале XXI в. были децентрализованы многие управленческие функции (полномочия). Однако в дальнейшем часть функций была возвращена в центральный орган управления УИС из-за неготовности ряда руководителей территориальных органов эффективно распоряжаться ими и своевременно контролировать их реализацию.

Планирование – это основа управления учреждениями и органами УИС, их структурными подразделениями. Это является конкретной программой действий для персонала исходя из стратегических целей, указаний вышестоящих органов управления. Планы разрабатываются с учетом состояния оперативной обстановки и прогноза изменения ситуации. Важное значение для управленческой культуры сотрудника УИС имеет личное планирование, рациональное использование рабочего времени. При разработке личного плана сотруднику необходимо учитывать научно обоснованные рекомендации, так как личное планирование является важнейшим показателем управленческой культуры работника [5, с. 240].

Функции контроля и корректирования позволяют оценивать ход выполнения управленческих решений, определять оптимальность принятого решения, выявлять отклонения в деятельности исправительных учреждений и конкретных сотрудников УИС, ответственных за своевременную реализацию намеченных мероприятий. В УИС установлены следующие виды контроля: контроль органов государственной власти, судебный, ведомственный, общественный, прокурорский надзор за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания.

В настоящее время особо актуален ведомственный контроль за соблюдением прав человека, а также участие общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. В современной России и за рубежом этим вопросам уделяется самое пристальное внимание. Соблюдение международных и национальных стандартов в области законности и обеспечения прав как осужденных, подследственных, так и персонала – важнейший показатель управленческой культуры как элемента профессиональной культуры персонала УИС.

Формами контроля являются ведомственное инспектирование, контрольная проверка, проверка выполнения конкретного решения вышестоящей организации (или плана выполнения мероприятий), обследование, наблюдение.

На основе выявленных в результате проверки недостатков, отклонений в деятельности учреждения (или его отдельных сотрудников) от существующих стандартов соответствующими инстанциями разрабатываются мероприятия по их устранению и осуществляется функция корректирования (регулирования) управленческого процесса. Данная функция управления осуществляется также в силу сложности объекта управления, изменения оперативной обстановки, трудности прогнозирования социально-психологических явлений в среде лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Одним из ключевых элементов в управленческом процессе является мотивирование персонала, так как оно и есть процесс воздействия на человека (сотрудника) с целью побуждения его к конкретным действиям путем определенных мотивов. Наиболее распространенной является теория мотивации, разработанная А. Маслоу [6, с. 306], которая включает в себя следующие идеи и предпосылки:

- люди постоянно ощущают какие-то потребности (нужду в чем-то);
- потребности могут быть объединены в отдельные группы;
- каждая группа потребностей находится в иерархическом расположении по отношению друг к другу (форма пирамиды);
- если потребности не удовлетворены, они побуждают человека к определенным действиям (поиску другого предмета или объекта труда, который может их удовлетворить);
- потребности, находящиеся ближе к основанию пирамиды, требуют первостепенного удовлетворения;
- потребности более высокого уровня, как правило, начинают побуждать человека к активным действиям, когда удовлетворены потребности более низкого уровня. Схематично эти пять групп потребностей представлены следующим образом: самовыражение (самоактуализация) → признание и самоутверждение → принадлежность и причастность → потребность в безопасности → физиологические потребности.

Зная доминирующие мотивы сотрудников учреждения, можно управлять их поведением посредством влияния на мотивационную сферу. При этом важную роль играет стиль руководства коллективом учреждения: авторитарный или бюрократический. При бюрократическом стиле действия руководителя учреждения кажутся формально правильными, он постоянно ссылается на различные нормы, предписания, но проблемы персонала коллектива не решает. Он избегает ответственности, прикрываясь установленными правилами и процедурами, сложившимися традициями, стремится переложить ответственность за негативные действия на вышестоящий орган. В подчиненных бюрократ ценит не инициативу, творчество, не их успехи, а то, насколько точно они соблюдают его предписания. Для такого руководителя характерен так называемый бумажный, или кабинетный, стиль руководства, он оторван от коллектива и интересов конкретных сотрудников. При бюрократическом стиле руководства результаты деятельности коллектива учреждения скромны, такой руководитель не в состоянии мобилизовать сотрудников на выполнение стратегических задач по концептуальным преобразованиям системы исполнения наказаний.

На сегодняшний день для большинства учреждений и органов УИС характерен традиционный авторитарный стиль руководства, который утвердился в период советской власти. При таком стиле руководства сотрудники учреждения находятся под постоянным страхом получить взыскание, быть уволенными со службы, что сдерживает часть персонала от дисциплинарных проступков и мобилизует их на активную работу. В то же время большинство сотрудников ответственно относятся к службе, эффективно работают, испытывая причастность к делам коллектива, чувствуя профессиональную гордость, стремятся добиться признания и продвижения по службе, получить очередное звание, поэтому руководители учреждений и органов УИС должны перестраивать себя и свои методы руководства с учетом современных научных знаний управленческого процесса в целом и в области культуры управления персоналом в частности. Когда руководитель учреждения стимулирует самовыражение личности, ей трудно не обновляться, ведь сотрудники – это главный источник развития отечественной уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 302 с.
2. Утевский Б. С. Что надо знать работникам исправительных учреждений о кибернетике? : учеб. пособие. М., 1969. 43 с.
3. Зубков А. И. Решить проблему кадров наскоком невозможно // Преступление и наказание. 1997. № 1.
4. Основы менеджмента. 3-е изд. : пер. с англ. М., 2012. 672 с.
5. Управление по результатам. М., 1988. 320 с.
6. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997. 430 с.

УДК 342.92

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИШИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник юридического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: dagr1979@rambler.ru

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, РЕАЛИЗУЕМОГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Для цитирования

Гришин, Д. А. Система государственного принуждения, реализуемого в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: теоретико-методологические аспекты / Д. А. Гришин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 168–174.

Аннотация. В статье рассматриваются различные доктринальные подходы к содержанию и механизму реализации государственного принуждения, реализуемого в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Проводится системный анализ таких конструкций, как принуждение, государственное принуждение, формы и меры государственного принуждения, на основе которого формулируются специфические признаки, характеризующие систему государственного принуждения, реализуемую в деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний. Государственное принуждение в уголовно-исполнительной системе направлено на реализацию специфической социально полезной цели, которая может быть сформулирована как обеспечение публичной безопасности. Основная часть мер государственного принуждения, реализуемых в деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (обыски, досмотры, изъятие определенных предметов), применяется исключительно с целью обеспечения установленных государством условий и порядка отбывания уголовного наказания посредством односторонних решений и действий должностных лиц в отношении граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, добросовестно выполняющих правовые предписания. Государственное принуждение в уголовно-исполнительной системе включает в себя следующие виды принуждения:

режимно-дисциплинарное (уголовно-исполнительное), реализуемое сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний в отношении осужденных к лишению свободы;

контрольно-дисциплинарное – в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества;

административное – в отношении граждан и юридических лиц;
служебно-дисциплинарное – в отношении сотрудников, совершивших дисциплинарный проступок.

Меры государственного принуждения, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, реализуются в большинстве своем на территории учреждения Федеральной службы исполнения наказаний и прилегающей к нему территории, на которую распространяются режимные требования.

Ключевые слова: государственное принуждение, уголовно-исполнительная система, формы и меры государственного принуждения.

Система публично-правового принуждения представляет собой сложное (комплексное) социально-правовое явление, выступающее предметом исследования ученых различных отраслей научных знаний. В связи с этим рассмотрение различных аспектов государственного принуждения, реализуемого в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), целесообразно осуществлять с системного анализа таких конструкций, как принуждение, государственное принуждение, формы и меры государственного принуждения.

Принуждение неразрывно связано с общественным устройством и традиционно рассматривается как социальное явление. Так, в социологических словарях даются различные определения социального принуждения. Его представляют как «подчинение человека (группы, класса, народа)... против его воли с целью использования его сил для достижения тех или иных общественных или личных целей» [1, с. 121], «использование физической (нефизической) силы либо угрозы силы для достижения социальной или политической цели» [2, с. 81], «насилие над волей индивида или социальной группы путем применения санкций» [3, с. 249]. Общим в приведенных определениях является то, что принуждение всегда направлено против воли определенного субъекта, приводным механизмом социального принуждения всегда является насилие либо угроза его применения и, наконец, принуждение всегда должно преследовать определенную социальную, политическую, экономическую или иную цель.

При изучении вопроса о содержании и специфике принуждения, реализуемого в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, на наш взгляд, целесообразно остановиться на анализе понятия «государственное принуждение». Как отмечает М. А. Латушкин, «в юридической науке проблема принуждения традиционно рассматривается в двух аспектах: государственном и правовом. В отечественном правоведении вопросы о понятии, признаках и соотношении государственного и правового принуждения являются дискуссионными» [4, с. 186–187].

Научный интерес к проблеме государственного (государственно-правового) принуждения не случаен и основан на различных теоретико-методологических подходах к пониманию данного социально-правового феномена. Особо следует отметить, что разработке учения о государственном принуждении во многом способствовало развитие учения о санкциях норм советского права (О. Э. Лейст [5], Т. С. Гуревич [6], Ю. С. Жицинский [7], И. И. Веремеенко [8] и др.).

А. И. Каплунов за основу при разграничении понятий «правовое принуждение» и «государственное принуждение» предлагает взять субъект принудительного воздействия. Государственное принуждение, по его мнению, опосредованное правом принуждение, которое осуществляется государственно-властными органами и их представителями.

Вместе с тем отдельные меры правового принуждения могут применяться и иными специальными уполномоченными на то законом субъектами [9, с. 12].

А. И. Козулин также предлагает одновременное использование категорий «государственное принуждение» и «правовое принуждение», указывая при этом, что правовое принуждение – это нормативно определенное принуждение [10, с. 6].

И. П. Жаренов считает, что «введение в категорию «государственное принуждение» дополнения «правовое» является излишним» [11, с. 27].

Отдельные авторы полагают, что в юридической науке необходимо использовать категорию «государственно-правовое принуждение» [12, с. 225].

Следует согласиться с Н. А. Гущиной в том, что в научной литературе не совсем четко обозначен критерий разграничения государственного и правового принуждения [13, с. 85].

На наш взгляд, государство, применяя меры принудительного воздействия на поведение участника правоотношения, обязано формировать нормативно-правовую основу в данной сфере и, безусловно, руководствоваться правовыми предписаниями (нормами). В связи с этим трудно себе представить так называемое неправовое государственное принуждение. Изложенное дает нам основание полагать, что термин «правовое» применительно к государственному принуждению действительно является излишним.

Остановимся на анализе особенностей оснований осуществления государственного принуждения. Д. Н. Бахрах, отмечая особенности государственного принуждения, считает, что оно применяется путем издания правообеспечительных актов к конкретным субъектам, нарушающим юридические нормы; осуществляется строго на правовой основе [14, с. 4]. Представленная характеристика, по нашему мнению, позволяет говорить о государственном принуждении в узком смысле этого слова, то есть как о деятельности государства, направленной на пресечение конкретного правонарушения и наказание виновного, при этом не учитывается предупредительный характер государственного принуждения.

По мнению Ю. М. Козлова, «основанием применения государственно-правового принуждения являются: во-первых, совершение противоправного деяния; во-вторых, наступление особых условий, предусмотренных правовой нормой, например, эпидемий, стихийных бедствий, катастроф техногенного характера и других чрезвычайных обстоятельств, при которых меры государственно-правового принуждения используются при отсутствии правонарушения и вины человека в целях предупреждения возникновения тех или иных опасных последствий, их локализации» [15, с. 516]. По нашему мнению, автор необоснованно в качестве основания применения государственно-правового принуждения не рассматривает меры, направленные на обеспечение режима безопасности определенных территорий и объектов, в том числе режимных территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Мы согласны с мнением П. И. Кононова, представившего схему оснований возникновения государственно-правового принуждения следующим образом: а) государство устанавливает нормы права; б) установленные государством нормы права определяют права и обязанности субъектов общественных отношений в различных сферах жизни государства и общества и предусматривают механизм их добровольной и принудительной реализации; в) в случае отказа субъекта правоотношения от добровольной реализации предписаний норм права (соблюдения прав других лиц и исполнения обязанностей, соблюдения установленных запретов) включается механизм принудительной реализации, то есть возникает государственно-правовое принуждение, применяемое к этому субъекту [16, с. 27–28].

Несмотря на различие определений государственного принуждения, большинство ученых-правоведов под ним понимают разновидность социального принуждения, заключающуюся в физическом, психическом или ином воздействии уполномоченных на то государством органов, должностных лиц, общественных организаций на волю и поведение принуждаемых субъектов посредством применения к ним карательных, праввосстановительных и иных правовых мер, выражающихся в причинении неблагоприятных физических, психологических, материальных и иных последствий, а также определенных правоограничений субъекту в целях охраны прав человека и гражданина, обеспечения законности и общественного порядка [17, с. 72–76]. На основании данной точки зрения можно говорить о государственном принуждении как о «динамической» правовой конструкции, реализуемой через правоприменительную деятельность конкретных государственных органов и должностных лиц. При этом нельзя не сказать о «статической» (институциональной) форме государственного принуждения, представляющей собой комплексный межотраслевой правовой институт, состоящий из совокупности правовых норм, регламентирующих однородные общественные отношения в сфере организации и осуществления мер государственно-властного воздействия в целях обеспечения реализации прав и законных интересов граждан и организаций, предупреждения правонарушений, восстановления нарушенных прав и наказания правонарушителей. Комплексный характер государственного принуждения характеризуется тем, что правовые нормы, регулирующие основания и порядок осуществления принуждения, содержатся в источниках различных самостоятельных отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного, финансового и др.

По мнению Б. З. Хидекель, диапазон государственного принуждения достаточно широк: от ограничения или лишения свободы до физического уничтожения, для осуществления которого государство располагает специальными средствами: оружие и другие ресурсы власти и органы – полиция, служба безопасности, суд, прокуратура, исправительные учреждения (тюрьмы, колонии, лагеря), армия [18, с. 240].

Формам и видам государственного (государственно-правового) принуждения посвящены научные труды большого количества авторов. В отечественной юридической литературе проблема правовой формы государственного принуждения рассматривалась в работах А. Г. Талюпы [19], Б. Т. Базылева [20].

Первоначальное подразделение государственно-правового принуждения на психическое и физическое предложил С. Н. Братусь [21, с. 54]. С. Н. Кожевников, обращаясь к вопросу классификации государственно-правового принуждения, использовал категорию «форма» государственно-правового принуждения, то есть специфический способ выражения его сущности [22, с. 133].

В юридической литературе традиционно выделяются следующие формы государственно-правового принуждения:

– в соответствии с юридическим основанием применения государственно-правового принуждения: материальная и процессуальная;

– в соответствии с целевым предназначением, юридическим и фактическим основанием применения государственно-правового принуждения: предупреждение (превенция), пресечение, праввосстановление и наказание;

– в соответствии с характером и спецификой причиняемых правовых ограничений: физическое, психическое, имущественное и организационное;

– в соответствии с отраслевым критерием: конституционно-правовое, уголовно-правовое, административно-правовое и др. [23].

Завершая рассмотрение теоретико-методологических аспектов государственного принуждения, остановимся на специфических признаках, характеризующих систему государственного принуждения, реализуемую в деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний:

1. Система государственного принуждения в УИС направлена на реализацию специфической социально полезной цели, которая может быть сформулирована как обеспечение публичной безопасности. Публичная безопасность уголовно-исполнительной системы рассматривается как соответствующее состояние объектов ФСИН России, персонала УИС, иных лиц, осужденных, подозреваемых и обвиняемых, при котором на основе взаимодействия учреждений и органов УИС с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, общественными объединениями, международными организациями и гражданами обеспечиваются безусловное соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, законность, системность и комплексность применения предупредительных и иных мер обеспечения безопасности. Данный целевой подход, как нам представляется, позволяет связать в единое целое всю систему мер принудительного воздействия, применяемых ФСИН России, и выделить в ней так называемые служебно-функциональные (режимные) меры, применяемые к осужденным, сотрудникам и гражданам в процессе исполнения наказания и содержания под стражей.

2. Основная часть мер государственного принуждения, реализуемых в деятельности органов и учреждений ФСИН России (обыски, досмотры, изъятие определенных предметов), применяется исключительно с целью обеспечения установленных государством условий и порядка отбывания уголовного наказания посредством односторонних решений и действий органов должностных лиц уголовно-исполнительной системы в отношении граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, добросовестно выполняющих правовые предписания. Особенностью данных мер государственного принуждения является отсутствие у них какой-либо карательной функции либо функции восстановления нарушенных прав. По мнению М. А. Мирошник, данные меры следует именовать исключительными мерами государственного принуждения [24, с. 178]. В случае выявления посредством применения исключительных мер, правонарушения, они трансформируются в конкретные административные, уголовно-исполнительные, уголовно-процессуальные, дисциплинарные меры государственного принуждения.

3. Система государственного принуждения в УИС включает в себя следующие виды принуждения: режимно-дисциплинарное (уголовно-исполнительное), реализуемое сотрудниками ФСИН России в отношении осужденных к лишению свободы, контрольно-дисциплинарное – в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества, административное – в отношении граждан и юридических лиц [25, с. 33–38], служебно-дисциплинарное – в отношении сотрудников, совершивших дисциплинарный проступок. При этом режимно-дисциплинарное и контрольно-дисциплинарное государственное принуждение в «чистом» виде не могут быть отнесены к административному принуждению, однако обладают всеми признаками последнего. Меры государственного принуждения, применяемые в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в целях обеспечения режима в следственных изоляторах, представляют собой разновидность именно мер административного принуждения, режим СИЗО является институтом административного права.

4. Государственное принуждение, применяемое сотрудниками уголовно-исполнительной системы, реализуется в большинстве своем на территории учреждения ФСИН

России и прилегающей к учреждению территории, на которую распространяются режимные требования.

На основании изложенного предлагаем следующее *определение системы государственного принуждения в УИС*, под которой следует понимать:

с одной стороны, комплексный межотраслевой правовой институт, состоящий из совокупности правовых норм, регламентирующих общественные отношения, складывающиеся в области установления оснований и порядка применения мер государственного принуждения в отношении определенных субъектов права (граждан, организаций, осужденных, персонала уголовно-исполнительной системы) в целях обеспечения публичной безопасности уголовно-исполнительной системы;

с другой стороны, основанную на праве деятельность учреждений (органов) ФСИН России, сотрудников УИС по применению на территории учреждения ФСИН России и прилегающих к учреждениям УИС территориях мер режимно-дисциплинарного (уголовно-исполнительного), контрольно-дисциплинарного, административного и служебно-дисциплинарного принуждения, а также иных исключительных мер государственного принуждения.

Библиографический список

1. Социальное управление : словарь / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М., 1994. 208 с.
2. Джерри Д. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. М., 2001. Т. 2. 528 с.
3. Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А–Я : словарь-справочник. М., 2000. 608 с.
4. Латушкин М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 186–196.
5. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962.
6. Гуревич Т. С. Санкции за нарушение планово-договорных обязательств в народном хозяйстве М., 1976. 160 с.
7. Жицинский Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968. 123 с.
8. Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. М., 1975. 192 с.
9. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
10. Козулин А. И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 16 с.
11. Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 145 с.
12. Чашников В. А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 225 с.
13. Гущина Н. А. Сущностная природа правового принуждения и поощрения в современном российском законодательстве // Право и политика. 2006. № 8. С. 82–89.
14. Бахрах Д. Н. Принуждение и ответственность по административному праву : учеб. пособие. Екатеринбург, 1999. 120 с.
15. Козлов Ю. М., Попов Л. Л. Административное право России : учебник. М., 1999. 520 с.
16. Кононов П. И. Законодательство об административном принуждении: проблемы кодификации // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 26–32.

17. Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2003. № 2(30). С. 72–76.

18. Хидекель Б. З. Гражданское общество и государство // Политическая социология. Ростов н/Д, 2001. 285 с.

19. Талюпа А. Г. Убеждение и принуждение в период перехода от социализма к коммунизму и их роль в обеспечении советского правопорядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 21 с.

20. Базылев Б. Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. 17 с.

21. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. 208 с.

22. Кожевников С. Н. Социальное назначение, структура и формы государственного принуждения // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1973. Вып. 22. 260 с.

23. Макарейко Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. 19 с.

24. Мирошник М. А. Теоретические аспекты понятия принуждения (в рамках цивилистического исследования принуждения) // Современные парадигмы научных воззрений : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 февр. 2016 г.). СПб., 2016. С. 174–178.

25. Гришин Д. А. К вопросу о понятии и содержании административного принуждения, применяемого сотрудниками ФСИН России // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 33–38.

УДК 343.83

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности
уголовно-исполнительной системы,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМИ РИСКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Долинин, А. Ю. Методика управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы / А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 175–181.

Аннотация. В статье предлагается авторский подход к содержанию методики управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы.

Методика управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы включает в себя их идентификацию с применением технологии кадрового аудита, качественное описание, адекватную количественную оценку, базирующуюся на методе экспертной оценки с использованием инструментов риск-менеджмента, разработку и реализацию программ предотвращения или минимизации негативного влияния кадровых рисков на уголовно-исполнительную практику.

Алгоритм методики управления кадровыми рисками уголовно-исполнительной системы представляет собой последовательную реализацию следующих этапов:

1. Идентификация и качественное описание рисков, осуществляемые в соответствии с методологией современной концепции кадрового аудита и предполагающие выявление факторов, влияющих на возможность возникновения рисков, причин, условий, мест и источников их возникновения.

2. Количественная оценка кадровых рисков, базирующаяся на экспертных оценках и включающая в себя анализ влияния рисков на эффективность деятельности, ранжирование рисков, принятие решений о приемлемости риска и выбор рисков, подлежащих предупреждению или минимизации.

3. Разработка программы управления кадровыми рисками, предполагающей выбор методов предупреждения или минимизации рисков и планирование мероприятий по управлению кадровыми рисками.

4. Реализация программы управления кадровыми рисками.

5. Контроль мероприятий по управлению кадровыми рисками, предусматривающий анализ эффективности мероприятий по управлению рисками и модернизацию системы управления кадровыми рисками.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, кадровый потенциал, кадровые риски.

Управление кадровыми рисками выступает неотъемлемой частью создания эффективной системы управления персоналом учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) и способствует формированию профессионального кадрового состава ФСИН России.

Выработка методики эффективного управления кадровыми рисками УИС предполагает определение совокупности методов и приемов по выявлению и оценке рисков, разработке и реализации программ их предотвращения или минимизации их негативного влияния на уголовно-исполнительную практику.

Алгоритм методики управления кадровыми рисками УИС включает в себя последовательную реализацию определенных этапов, на каждом из которых осуществляется ряд конкретных мероприятий.

Этап 1. Идентификация и качественное описание кадровых рисков – предполагает выявление факторов, влияющих на возможность возникновения рисков, причин, условий, мест и источников их возникновения, определение видовой принадлежности каждого риска согласно принятой классификации. Результатом идентификации должна стать разработка исчерпывающего структурированного перечня рисков, влияющих на кадровую ситуацию в конкретном учреждении или территориальном органе УИС. Основная сложность, возникающая на этапе идентификации рисков, связана с трудностью категоризации и разграничения кадровых рисков, поскольку на возможность появления различных видов рисков часто действуют одни и те же факторы, а формы проявления разных рисков совпадают.

Качественное описание кадровых рисков предусматривает определение основных характеристик каждого риска, включенного в перечень, подготовленный на этапе идентификации рисков. Такими характеристиками являются:

- факторы риска – указывают на причины его возникновения – конкретные ситуации, при которых велика вероятность реализации риска;
- показатели риска – представляют собой качественные и количественные характеристики конкретного риска. Качественные показатели риска описывают конкретные формы его проявления и служат основой для количественной оценки риска. Количественная оценка предназначена для определения степени выраженности (уровня опасности – потенциальной или реальной) конкретного риска для кадровой ситуации и принятия обоснованных решений по предотвращению, минимизации негативного влияния или игнорированию данного риска.

Таким образом, на этапе идентификации и качественного описания кадровых рисков происходит актуализация проблемных аспектов в кадровой сфере конкретного подразделения УИС. Важное значение имеет максимальный охват всего спектра рисковенных факторов и показателей, оказывающих влияние на кадровую ситуацию. Это позволяет увидеть объективную картину кадровой обеспеченности конкретного подразделения УИС, имеющихся проблем в кадровой сфере и потенциально возможных рисков, поэтому перечень факторов и показателей кадровых рисков может получиться весьма объемным. Однако в результате последующей количественной оценки первоначально сформированный перечень кадровых рисков может значительно уменьшиться за счет исключения рисков, влияние которых на кадровую ситуацию окажется незначительным.

Формирование перечня факторов и показателей кадровых рисков может быть поручено группе экспертов, в число которых должны входить наиболее подготовленные сотрудники, имеющие опыт руководства персоналом.

По окончании этапа идентификации и качественного описания кадровых рисков может быть сформирована таблица факторов и показателей рисков, выявленных в результате анализа кадровой ситуации в конкретном подразделении УИС.

Реализация этапа идентификации и качественного описания кадровых рисков должна осуществляться с учетом двух обстоятельств. Во-первых, внешние риски УИС в силу объективных причин весьма сложно поддаются предупреждению и минимизации. В связи с этим их идентификация, оценка и разработка программ управления этой группой кадровых рисков представляется целесообразной только на федеральном уровне управления УИС. В этом случае речь в первую очередь идет о рисках, связанных с недостатками в законодательной и ведомственной нормативно-правовой регламентации деятельности персонала УИС, организационно-структурном построении системы исправления наказаний, социально-правовой защищенности сотрудников, оказывающих негативное влияние на кадровую ситуацию в учреждениях и органах ФСИН России. При создании системы управления кадровыми рисками на уровне территориальных органов УИС или отдельных исправительных учреждений следует учитывать лишь отдельные виды внешних кадровых рисков, связанные с региональными факторами (например, взаимодействие с региональными или местными властями), на которые руководство подразделений может повлиять. Во-вторых, на деятельность УИС существенное влияние оказывают не внешние, а внутренние кадровые риски, эффективному управлению которыми могут воспрепятствовать в основном субъективные факторы, обусловленные особенностями субъектов системы управления персоналом конкретного учреждения и органа ФСИН России.

На наш взгляд, идентификация и качественное описание внутренних кадровых рисков (рисков персонала и рисков системы управления персоналом) должны осуществляться с применением технологии кадрового аудита. Учитывая, что проблематика кадрового аудита достаточно полно освещена в литературе, целесообразно кратко остановиться только на основных аспектах использования этой технологии при диагностике кадровых рисков УИС.

Оценка рисков персонала может проводиться в рамках кадрового аудита путем использования аналитических методов, предполагающих проведение документального анализа деятельности персонала и расчета выбранных показателей, а также путем проведения социологических и психологических исследований, в том числе с применением экспертных оценок.

Оценка кадрового потенциала УИС должна включать в себя два направления: диагностическое, предполагающее выявление потенциальных возможностей сотрудников, необходимых для выполнения возложенных функций, и аттестационное, позволяющее определить степень реализации персоналом своих профессиональных и личных качеств при выполнении служебных обязанностей. Выделяют следующие виды диагностики кадрового потенциала: 1) оценка укомплектованности кадрового состава; 2) анализ движения кадров; 3) анализ структуры кадрового состава по социально-демографическим характеристикам; 4) анализ профессионально-квалификационного состава кадров; 5) анализ трудовых показателей персонала.

Для оценки уровня мотивации персонала УИС предлагается использовать такие статистические показатели, как некомплект сотрудников, уровень текучести кадров, число сотрудников, уволенных на первом году службы, дисциплинарная практика личного состава. Эти данные, а также статистика преступлений и нарушений законности сотрудниками УИС могут раскрыть картину рисков персонала, связанных с их неконструктивным и неправомерным поведением.

Идентификация и качественное описание рисков системы управления персоналом может проводиться в рамках двух направлений кадрового аудита: 1) оценка адекватности организационно-штатной структуры учреждения (органа) УИС, которая включает в себя анализ соответствия организационно-штатной структуры нормативным требованиям и выявление организационной патологии; 2) оценка эффективности работы с кадрами, которая предполагает анализ эффективности планирования и реализации основных направлений работы с персоналом и соответствующих им кадровых технологий.

Таким образом, на этапе идентификации и качественного описания кадровых рисков выявляется совокупность факторов и показателей рисков, характерных для конкретного подразделения УИС, имеющих качественное (словесное) описание, которые в дальнейшем должны быть выражены количественно.

Этап 2. Количественная оценка кадровых рисков – производится анализ влияния кадровых рисков на эффективность деятельности, осуществляется ранжирование рисков, принимаются решения о приемлемости риска и выбираются риски, подлежащие предупреждению или минимизации.

Основное предназначение данного этапа методики управления кадровыми рисками УИС заключается в том, чтобы на основе количественной оценки принять объективное решение о необходимости проведения последующих мероприятий (минимизация последствий, предупреждение) в отношении того или иного риска либо игнорировании риска как незначительного.

Разработанные отечественными специалистами методики анализа и оценки кадровых рисков основываются на методе экспертной оценки, инструментом количественной оценки рисков которого выступает вербально-числовая шкала Харрингтона [1, 2].

Учитывая теоретическую обоснованность экспертных оценок кадровых рисков, связанную с определенными сложностями количественной оценки кадровых рисков, а также отсутствие соответствующих разработок, касающихся пенитенциарной практики, необходимо признать, что данный метод в настоящее время является наиболее приемлемым для оценки кадровых рисков УИС.

В таблице 1 представлен обобщенный вариант количественной шкалы оценки кадровых рисков. Управление рисками (разработка и реализация соответствующих программ) должно осуществляться с учетом отнесения риска к одному из возможных уровней.

Таблица 1

Количественная шкала оценки кадровых рисков

Уровень риска	Количественное значение риска	Описание (характеристика) риска
Очень высокий (критический)	0,8–1,0	Вероятность наступления риска максимальная, отрицательные последствия риска очень велики
Высокий	0,64–0,79	Вероятность наступления риска высокая, отрицательные последствия риска значительны
Средний	0,37–0,63	Вероятность наступления риска средняя, отрицательные последствия риска незначительны
Низкий	0,20–0,36	Вероятность наступления риска низкая, отрицательные последствия риска малы
Очень низкий (минимальный)	0–0,19	Наступление риска маловероятно, отрицательные последствия риска минимальны

Оценка рисков является одной из наиболее сложных проблем теории рисков. В общем виде оценка риска предполагает определение ожидаемой величины ущерба и вероятности его наступления или частоты ущерба [3, с. 83].

Данный подход используется при определении уровня кадрового риска А. Е. Митрофановой, которая определяет интегральную оценку каждого кадрового риска как функцию указанных критериев, полученных на основе обобщенного мнения группы экспертов [2, с. 19].

Несколько иной инструментарий оценки кадровых рисков предлагает И. В. Проница. Определяя уровень риска по шкале Харрингтона, она считает, что количественная оценка кадровых рисков предусматривает определение коэффициентов значимости, критериев и шкал оценки, составление сводной таблицы количественной оценки, расчет обобщающего показателя риска [1, с. 128–135].

Предложенные методики оценки уровня кадровых рисков могут найти применение в деятельности УИС, однако, поскольку они базируются на экспертных оценках, представляется возможным предложить еще один вариант определения уровня кадровых рисков УИС – на основе матрицы «вероятность – ущерб». Несмотря на то что существенным недостатком этого метода является его субъективность, он часто применяется в развитых странах ввиду своей простоты и низких затрат при его реализации [3, с. 85].

Прямая количественная оценка кадровых рисков на основе матрицы «вероятность – ущерб» представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Прямая количественная оценка кадровых рисков
на основе матрицы «вероятность – ущерб»**

Оценка	Низкая вероятность наступления риска (0,3)	Средняя вероятность наступления риска (0,7)	Высокая вероятность наступления риска (1,0)
Значительные отрицательные последствия риска (большой ущерб) (1,0)	0,3	0,7	1,0
Средние отрицательные последствия риска (средний ущерб) (0,7)	0,2	0,49	0,7
Незначительные отрицательные последствия риска (малый ущерб) (0,3)	0,09	0,21	0,3

Для каждого кадрового риска эксперт определяет степень отрицательных последствий от его наступления (значительную, среднюю или незначительную, выраженную соответственно числовыми коэффициентами 1,0, 0,7 или 0,3) и вероятность наступления риска (низкую, среднюю или высокую, выраженную соответственно числовыми коэффициентами 0,3, 0,7 или 1,0). Уровень риска в количественном выражении определяется умножением двух коэффициентов и может быть соотнесен со значениями вербально-числовой шкалы Харрингтона (табл. 1).

Данная методика, безусловно, не претендует на высокую точность, однако позволит выявить наиболее существенные внутренние кадровые риски, для управления которыми должны быть реализованы программы предупреждения или минимизации рисков.

Таким образом, в результате анализа влияния кадровых рисков на эффективность деятельности подразделения УИС совокупность факторов и показателей кадровых рисков, характерных для конкретного подразделения УИС, обретает количественную оценку.

Для принятия решений о приемлемости риска и выбора рисков, подлежащих предупреждению или минимизации, кадровые риски необходимо проранжировать. В соответствии с концепцией приемлемого риска допустимым (приемлемым) риском считается такой уровень опасности, с которым на данном этапе развития общества можно смириться. В свою очередь, неприемлемый риск – максимальный риск, при превышении уровня которого необходимо принимать меры по его устранению. К неприемлемым следует отнести риски критического, высокого и среднего уровня, к допустимым – риски низкого и минимального уровня.

При разработке программы управления кадровыми рисками целесообразно рассматривать только наиболее существенные риски, оказывающие значительное отрицательное воздействие на деятельность персонала и организации [1, с. 116; 4].

Таким образом, риски критического и высокого уровня требуют немедленного реагирования, для чего необходима экстренная разработка и реализация программ их предупреждения или минимизации. В отношении рисков среднего уровня необходима разработка программ предупреждения или минимизации среднесрочного характера с постоянным мониторингом их последствий на кадровую ситуацию. Риски низкого и минимального уровня, вероятность наступления которых низка, а отрицательные последствия незначительны, подлежат управлению в стратегической перспективе. На практике в краткосрочной перспективе эти риски могут быть проигнорированы как приемлемые.

Этап 3. Разработка программы управления кадровыми рисками – включает в себя:

– выбор методов предупреждения или минимизации рисков, что является основой для разработки программы управления кадровыми рисками в конкретном подразделении УИС;

– планирование мероприятий по управлению кадровыми рисками.

Для каждого кадрового риска, включенного в программу управления, необходимо разработать план мероприятий по его предупреждению или минимизации, которые должны включаться в общий план мероприятий по управлению кадровыми рисками в подразделении УИС. Программа управления кадровыми рисками должна содержать описание конкретных мероприятий и сроки их реализации.

Этап 4. Реализация программы управления кадровыми рисками – осуществляется реализация плана мероприятий по управлению кадровыми рисками учреждения или органа ФСИН России.

Этап 5. Контроль мероприятий по управлению кадровыми рисками – анализируется эффективность мероприятий по управлению рисками, осуществляется модернизация системы управления кадровыми рисками.

Анализ эффективности мероприятий по управлению рисками производится в соответствии с концепцией приемлемого риска. Оценка эффективности мероприятий по управлению рисками заключается в сравнении начального уровня каждого конкретного кадрового риска, в отношении которого были реализованы программы минимизации или устранения, с достигнутым уровнем. В идеальном случае после проведения соответствующих мероприятий риски, отнесенные к категории неприемлемых (риски критического,

высокого и среднего уровня), должны перейти в категорию допустимых. Для получения объективных данных оценка должна осуществляться в соответствии с рассмотренной выше методикой количественной оценки кадровых рисков.

Кроме того, необходимо выявить состоявшиеся кадровые риски, в отношении которых программы управления кадровыми рисками не были выполнены в силу объективных причин или при реализации которых не были достигнуты планируемые результаты. Эти данные позволят выработать предложения по дальнейшему развитию и модернизации системы управления кадровыми рисками.

Модернизация системы управления кадровыми рисками должна предусматривать периодический пересмотр, актуализацию и обновление как системы идентификации и оценки кадровых рисков, так и методов предупреждения и минимизации рисков. Она проводится с учетом того, что управление кадровыми рисками осуществляется в условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды и зависит от значительной совокупности внешних и внутренних факторов. Периодичность такой модернизации, как правило, должна совпадать с осуществлением контрольных мероприятий по управлению кадровыми рисками.

Библиографический список

1. Пронина И. В. Оценка компетенций персонала промышленного предприятия при принятии управленческих решений : дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2005. 170 с.
2. Митрофанова А. Е. Управление кадровыми рисками в работе с персоналом организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 28 с.
3. Слободской А. Л. Риски в управлении персоналом : учеб. пособие / под ред. В. К. Потемкина. СПб., 2011. 155 с.
4. Митрофанова А. Е. Разработка методики управления кадровыми рисками в системе управления персоналом организации // Наукоедение. 2013. № 1(14).

УДК 343.848.5

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ КОХТАЧЕВ,

старший научный сотрудник,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ozerov@muh.ru;

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ОЗЕРОВ,

кандидат философских наук, доцент,
старший преподаватель кафедры философии и религиоведения,
Военный университет Минобороны России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ozerov@muh.ru

О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Кохтачев, В. С. О нормативно-правовом регулировании деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний / В. С. Кохтачев, А. А. Озеров // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 182–186.

Аннотация. Рассматривается нормативно-правовое регулирование деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний, а также механизмы взаимодействия общественных советов, власти, гражданского общества и средств массовой информации. Особое внимание уделяется социальному аспекту функционирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, общественные советы, осужденные, законодательство, нормативно-правовые акты.

В 2004–2005 гг. Администрацией Президента Российской Федерации и лично В. В. Путиным были приняты меры по созданию Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека и сформирована Общественная палата России.

Принятие Федерального закона от 10 июля 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» стало важной вехой в развитии российского гражданского общества и имело большое значение в укреплении гарантий прав граждан. 21 июля 2014 г. был принят Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

В условиях формирования гражданского общества, развития правового, демократического и социального государства значимость общественного контроля становится очевидной. Он в полной мере затрагивает интересы пенитенциарной системы и становления вновь созданных территориальных органов ФСИН России.

В соответствии с приказом ФСИН России от 26 января 2007 г. № 32 был создан общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС). Его деятельность регламентируется Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

ФСИН России является федеральной службой, руководство деятельностью которой осуществляет Президент Российской Федерации. В связи с этим на основании п. 4 Указа Положение об общественном совете и его состав утверждаются правовым актом соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Главной целью деятельности общественного совета выступает привлечение общественности к решению задач, стоящих перед УИС, защите прав, законных интересов работников, сотрудников и ветеранов УИС.

Общественный совет при ФСИН России принимает активное участие в решении вопросов деятельности уголовно-исполнительной системы.

То, насколько эффективно выполняются задачи, поставленные перед Федеральной службой исполнения наказаний, во многом зависит от ее работников.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года планируется реализация мер по социальной защите работников УИС, улучшение качественных показателей их условий труда и службы.

В марте 2013 г. проводилось расширенное заседание коллегии ФСИН России «О совершенствовании взаимодействия с институтами гражданского общества», где было принято решение в рамках служебной подготовки сотрудников УИС организовать проведение дополнительных занятий по изучению форм и методов взаимодействия органов и учреждений УИС с институтами гражданского общества.

Выступая в качестве координаторов взаимодействия с институтами гражданского общества, представители общественных советов вправе принимать участие в обсуждении вопросов улучшения нормативно-правовой базы по соблюдению законных интересов и прав работников и ветеранов УИС. Указанная задача является важнейшей в структуре кадрового обеспечения формирования УИС. Однако, прежде чем заниматься непосредственно этой деятельностью, члены общественных советов должны иметь ясное представление об административно-правовом статусе работников и ветеранов УИС.

Рассмотрим формы и методы работы общественных советов при ФСИН России и ее территориальных органах по привлечению общественности к участию в решении задач по защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» сформированы общественные советы по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы при Федеральной службе исполнения наказаний и ее территориальных органах.

В настоящее время при ФСИН России функционирует 80 общественных советов, включая Общественный совет при ФСИН России (1060 человек). В составы советов входят свыше 130 представителей неправительственных правозащитных организаций,

более 30 депутатов местных законодательных органов власти, 187 представителей органов местного самоуправления, управлений социальной защиты, департаментов федеральной государственной службы занятости населения, аппаратов уполномоченных по правам человека, 67 представителей средств массовой информации, 146 преподавателей высших учебных заведений, деятелей культуры и искусства, известных спортсменов, 50 ветеранов УИС, около 100 священнослужителей.

За 6 лет с момента образования общественных советов, обновления их составов (один раз в три года состав обновляется на одну треть) постоянно совершенствуются формы и методы их работы. В программной статье «Демократия и качество государства» В. В. Путин справедливо отметил, что «важная задача – изменение работы общественных советов при органах исполнительной власти. В настоящее время их работа носит формальный или показной характер. Общественные советы должны перестать быть удобными для руководителей ведомств. Надо обеспечить участие в них по-настоящему независимых экспертов и представителей заинтересованных общественных организаций, установить состав нормативных актов и программ, которые не могут быть приняты без предварительного и публичного обсуждения на общественном совете. В компетенцию общественных советов может войти паритетное с самим ведомством участие в деятельности конкурсных и аттестационных комиссий, а также комиссий по урегулированию конфликта интересов» [1]. С сожалением приходится констатировать, что вышеприведенное замечание в полном объеме относится и к уголовно-исполнительной системе. Как показала практика и результаты анализа работы общественных советов при территориальных органах УИС, в целом их общественная деятельность сводится лишь к защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. При этом работники и ветераны УИС остаются без должного внимания со стороны представителей общественности, хотя согласно Положению об общественном совете работе с сотрудниками должно уделяться приоритетное внимание.

Недостаточная степень активности в деятельности ряда общественных советов при территориальных органах ФСИН России по защите прав и законных интересов работников и ветеранов УИС не содействует успешной реализации концептуального положения о повышении их роли в качестве координаторов взаимодействия с институтами гражданского общества.

Для исправления создавшейся ситуации сотрудники отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства ФКУ НИИ ФСИН России инициировали рассмотрение практики работы общественных советов по защите прав и законных интересов работников и ветеранов УИС и проведение в территориальных органах расширенных заседаний общественных советов по данным вопросам с привлечением членов Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний.

Члены общественного совета принимают активное участие в мероприятиях по предупреждению нарушений служебной дисциплины, коррупционных проявлений среди сотрудников. Например, вопросы, связанные с предоставлением сотрудниками неполных сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера также рассматриваются на заседаниях общественного совета.

Наиболее важной целью общественного совета является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов сотрудников, работников, ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содер-

жащихся в следственных изоляторах [2]. При территориальных органах созданы территориальные общественные советы, одной из главных задач которых является содействие в социальной адаптации осужденных и реабилитации лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Информационное обеспечение деятельности УИС с участием представителей общественных советов реализуется в рамках правового поля с учетом специфики целей и задач, стоящих перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что рекомендация привлекать общественные организации к сотрудничеству с руководством, персоналом пенитенциарных учреждений с целью возвращения заключенных к жизни в обществе, содержащаяся в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, вполне может быть отнесена и к решению вопросов взаимодействия со средствами массовой информации (СМИ). Известно, что в территориальных органах, где налажена связь с общественными организациями, представителями прессы, публикации носят системно объективную и положительную направленность [3].

Работа общественных советов реализуется путем взаимодействия с центральными и региональными средствами массовой информации. Участие журналистов печатных и интернет-изданий, телерадиовещательных компаний, кабельных телевещательных студий и каналов позволяет сформировать в общественном сознании необходимость и целесообразность комплексного решения вопросов социальной адаптации осужденных, предотвращения рецидива, восстановления навыков жизни в социуме.

В материалах СМИ активно рассматриваются мероприятия, проводимые во взаимодействии с общественными советами, представителями религиозных конфессий, уполномоченными по правам человека, уполномоченными по правам ребенка, правозащитными организациями и членами общественных наблюдательных комиссий, избирательными комиссиями.

Работа общественных организаций с привлечением средств массовой информации обеспечивает гласность в деятельности УИС, ее подконтрольность институтам гражданского общества, создание условий для участия общественности в решении стоящих перед УИС задач. Таким образом, создаются эффективные интерактивные коммуникационные связи в обществе, затрагивая интересы широких слоев населения, граждан, находящихся в местах принудительного содержания.

Важное направление деятельности общественных советов – это объективное информирование населения о событиях в пенитенциарной системе, содействие формированию в обществе уважительного отношения к труду сотрудников УИС, их роли в обеспечении общественной безопасности. Для этого нужно заинтересовывать журналистов, создавать достойные внимания информационные поводы, искать новые темы, поднимать актуальные проблемы и т. д.

Включение в состав общественных советов представителей СМИ играет большую позитивную роль. Они регулярно посещают учреждения УИС и предоставляют объективную оценку увиденного в постоянной рубрике на страницах печатного издания. Согласно проведенному опросу такие материалы практически всегда интересны населению. К тому же общественность больше доверяет мнению представителя СМИ, поскольку профессиональный журналист имеет свою независимую точку зрения и рассматривает проблему с разных сторон, а также в доступной и интересной форме доносит ее до людей.

Потенциал территориальных органов ФСИН России и общественных советов в контексте взаимодействия со СМИ может быть посредством следующих форм и методов работы:

стандартные средства – пресс-релизы, пресс-конференции, брифинги для прессы, интернет-PR, подготовка и публикация тематических материалов в СМИ, разработка брошюр, буклетов, информационных бюллетеней, аудио-, видео- и кинопродукции;

дополнительные средства – различные формы ведомственных информационных материалов: отчеты, выступления руководства, фотоархив, форма «Вопросы и ответы», конференции, круглые столы, прямые линии, онлайн-приемы для целевых групп;

специальные мероприятия и PR-акции – презентации, акции, праздники, выставки, аукционы, лотереи, конкурсы и т. д.

Эффективное, на постоянной основе налаженное взаимодействие общественных советов с руководством территориальных органов ФСИН России, их согласованные выступления в СМИ при освещении социально значимых мероприятий и событий, относящихся к сфере деятельности УИС, оказывают позитивное влияние на формирование объективного отношения граждан к деятельности пенитенциарной системы.

Таким образом, открытая, прозрачная деятельность УИС в непосредственном тесном контакте с общественными советами способна донести до населения объективную информацию о труде работников уголовно-исполнительной системы, шире использовать нестандартные методы информирования общественности об условиях содержания осужденных, а в ряде случаев нейтрализовать распространение недостоверной информации.

Библиографический список

1. Путин В. В. Демократия и качество государства // Российская газета. 2012. 6 февр.
2. Официальный сайт ФСИН России. URL : <http://xn--h1akkl.xn--p1ai>.
3. Желтова Н. В. Правовые и организационные основы взаимодействия уголовно-исполнительной системы со средствами массовой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.

УДК 343.8

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕРБАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,

Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация,

e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Щербаков, А. В. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 187–192.

Аннотация. На базе теоретико-правового анализа законодательных положений в части понятийно-категориального аппарата безопасности, общенаучных методов познания (диалектико-материалистическая теория познания; структурно-функциональный, синтез, обобщение, сравнение), а также комплексного и системного подходов, специальных методов: нормативно-логического, анкетирования, толкования правовых норм, сравнительно-правового метода впервые осуществлено комплексное системное исследование теоретических и правовых аспектов безопасности уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования с учетом возникающих проблем законодательного и правоприменительного характера и путей их разрешения (минимизации).

Концептуально определены главные компоненты безопасности встроенной в правоохранительный механизм уголовно-исполнительной системы, а также основы их функциональной взаимосвязи и взаимодействия.

Классифицированы факторы, обуславливающие уголовно-исполнительную систему, в том числе определяющие основные угрозы безопасности правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе. Представлены предложения, внедрение которых будет иметь существенное значение для обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: безопасность, безопасность уголовно-исполнительной системы, стратегия национальной безопасности, угрозы государственной и общественной безопасности, пенитенциарная система, осужденные, персонал пенитенциарных учреждений.

Проводимые в России коренные преобразования, ориентированные на модернизацию и поступательное развитие Российского государства, носят всеобъемлющий характер и затрагивают вопросы функционирования органично включенной в механизм правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) на приемлемом

уровне безопасности. Российская Федерация исходит из необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности (Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г.), в связи с чем в настоящее время концептуально определены стратегические национальные приоритеты (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г. № 683).

Необходимо учитывать, что безопасность УИС связана с общей системой национальной безопасности, поскольку включает в себя комплекс нормативно-правовых и организационно-правовых сил и средств, направленных на противодействие угрозам нормальному развитию Российского государства, правоохраняемым интересам граждан. Вместе с тем безопасность УИС включает в себе существенную специфику, обусловленную особенностями ее основных угроз (преступность, криминальная и тюремная субкультура, пенитенциарный рецидив) и проявляющую себя в организационно-правовых инструментах ее обеспечения.

В современных условиях уголовно-исполнительная система России переживает непростой процесс реформирования, предпосылки и ход которого заданы двумя стратегическими, концептуально отраженными целевыми установками:

1) гуманизацией УИС в параметрах конституционных норм с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства;

2) повышением эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. При этом в условиях демократизации государства и общества изменяется содержание функций, конкретных задач, форм и методов работы правоохранительных органов, в том числе УИС и входящих в нее органов и учреждений.

В современной динамично развивающейся системе правовых отношений и ценностей правоохранительная служба не рассматривается больше как силовой институт, обладающий неограниченным репрессивным потенциалом. Напротив, это гарант социально-психологического комфорта граждан, так как смысл правоохранительной деятельности заключается в том, чтобы всеми дозволенными силами и средствами помочь человеку восстановить нарушенное право, в том числе в ситуациях, когда оно нарушено самим государством. Вместе с тем появляются новые формы и источники угроз личной, общественной и государственной безопасности, под влиянием которых начала формироваться идеология отказа от основополагающих прав человека, в частности, предлагается использовать принцип коллективного возмездия к семьям, этносам, конфессиональным группам террористов, причем такие взгляды получают распространение не только за рубежом, но и в России. Соответственно один из острейших вопросов заключается в том, как не нарушить баланс между обеспечением безопасности государства и общества и соблюдением прав человека. В свою очередь, органы и учреждения УИС, деятельность которых непосредственно связана с исполнением наказаний, должны адекватно реагировать на происходящие изменения.

Актуальность проблемы безопасности УИС, на наш взгляд, возрастает в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, в настоящее время наблюдается омоложение осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях ФСИН России, и ухудшение их криминологических характеристик, что проявляется в различных формах деструктивного поведения, предпринимаемых попытках дезорганизации исправительных учреждений, а также в посягательствах на жизнь работников уголовно-исполнительной системы (угрозах в их адрес). Следует также обратить внимание на то, что с расширением практики альтерна-

тивных наказаний уголовно-исполнительным инспекциям приходится контролировать исполнение наказаний все более рецидивоопасного контингента, что, в свою очередь, осложняет их работу и снижает ее эффективность, создает угрозу безопасности сотрудников. В связи с этим востребованы научные разработки вопросов нейтрализации и минимизации пенитенциарных угроз и опасностей, а также мобилизации готовности сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказания, эффективно и в рамках правовых предписаний действовать в этом направлении. При этом следует принять во внимание позитивный зарубежный опыт.

Во-вторых, несмотря на очевидную значимость всестороннего комплексного обеспечения безопасности УИС при помощи правовых и организационных средств, до настоящего времени отсутствует официальный программный документ – Концепция безопасности уголовно-исполнительной системы, в которой в развитие Концепции национальной безопасности России и с учетом специфики правоохранительной деятельности в уголовно-исполнительной сфере должны найти отражение ключевые понятия и элементы безопасности уголовно-исполнительной системы, основы их функциональной взаимосвязи и взаимодействия, а также предметно обозначен механизм управления безопасностью уголовно-исполнительной системы [1].

В-третьих, в современных условиях требуется принятие ряда законодательных и организационно-правовых мер, принимающих во внимание международные правовые стандарты и позитивный зарубежный опыт в пенитенциарной сфере деятельности и направленных:

- на совершенствование надзора и контроля за деятельностью УИС в связи с вопросами ее безопасности;
- повышение эффективности уголовно-правовой охраны безопасности пенитенциарных учреждений;
- организацию надлежащего взаимодействия между субъектами обеспечения безопасности УИС (другие правоохранительные органы, иные государственные органы, институты гражданского общества), осуществляемого с целью профилактики и пресечения преступных проявлений и иных правонарушений, а также проведения воспитательной и социальной работы с осужденными;
- укрепление кадрового и ресурсного потенциала уголовно-исполнительной системы, оптимизацию профессиональной подготовки сотрудников УИС во взаимосвязи с вопросами обеспечения безопасности;
- приведение нормативно-правовых основ технических средств обеспечения пенитенциарной безопасности в соответствие с их назначением;
- повышение правовой определенности в решении вопросов дифференциации условий содержания осужденных в контексте пенитенциарной безопасности;
- повышение стимулирующей роли воспитательно-профилактических и социально-психологических мероприятий, ориентированных на процесс исправления и ресоциализации осужденного.

Состояние указанных вопросов в условиях проводимого реформирования уголовно-исполнительной системы в сочетании с высокой социально-правовой значимостью их адекватного решения обусловило внесение предложений по совершенствованию обеспечения безопасности УИС.

1. Обоснование правоохранительного характера уголовно-исполнительной системы и службы в ней с одновременным признанием их специфики, производной от особенностей юридических и организационных средств и методов осуществляемой пенитенци-

арной деятельности, сопряженной с реализацией мер государственного принуждения и необходимой для поддержания и обеспечения порядка (правового, политического, социального).

В настоящее время вопросы поступления на службу в органы и учреждения УИС и ее прохождения на законодательном уровне системно не урегулированы, поскольку подготовленный законопроект о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации пока не принят. Соответственно нормы, касающиеся регулирования указанных вопросов, рассредоточены по ряду законодательных и подзаконных (ведомственных) нормативных правовых актов. Данная ситуация является недостатком правового регулирования, принимая во внимание значимость и специфику данного вида правоохранительной службы, потребности системного упорядочения на законодательном уровне комплекса вопросов в связи с поступлением на нее, ее прохождением во взаимосвязи с требованием обеспечить функционирование уголовно-исполнительной системы, ее органов и учреждений, исполняющих наказания, на приемлемом уровне безопасности.

2. Реформирование УИС обусловлено двумя стратегическими взаимосвязанными целевыми установками обозначенного процесса:

гуманизацией уголовно-исполнительной системы с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства,

повышением эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Современное состояние УИС России следует рассматривать через призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также оказывающих влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с ними задач.

Выделены основные группы факторов, коррелирующих с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющих на функционирование уголовно-исполнительной системы в современных условиях:

- омоложение осужденных, отбывающих наказания (в первую очередь связанные с изоляцией от общества), и ухудшение их криминологических характеристик;
- проблема организации социально полезной занятости осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, и мер по их ресоциализации;
- препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

3. Понятие «безопасность уголовно-исполнительной системы» в правовых актах, относящихся к организации и деятельности УИС, концептуально не определено, что не способствует повышению эффективности ее обеспечения и является пробелом, требующим восполнения.

Безопасность уголовно-исполнительной системы включает в себе определенную специфику, обусловленную предназначением данной системы, закономерностями и условиями ее функционирования, которая проявляется себя:

- в особенностях источников и форм угроз (основным источником угрозы безопасности УИС и одновременно ее формой выступает пенитенциарная преступность, специфичная по структурно-функциональным и иным признакам. Кроме того, потенциальные и реальные угрозы предполагают факторы и условия социального, политико-правового, культурно-идеологического и иного характера, процессы и явления, коррелирующие с функционированием УИС в современных условиях развития российского общества и государства);

– в сторонах и объектах безопасности (внутренняя сторона включает в себя безопасность осужденных, персонала, всех лиц, находящихся в пределах исправительных учреждений, нормальное функционирование УИС, ее инфраструктурных, информационных и иных компонентов, внешняя – безопасность самого общества, на которое пенитенциарная система оказывает негативное воздействие);

– в субъектах и арсенале средств обеспечения безопасности (в механизме обеспечения безопасности УИС особую роль играют субъекты, принадлежащие к данной системе и выполняющие в ней задачи в соответствии со своим статусом и полномочиями. При этом «общие» инструменты обеспечения безопасности наполняются особенным, отражающим указанную специфику содержанием. Кроме того, УИС располагает арсеналом собственных, присущих ей средств обеспечения безопасности, к которым, в частности, относится режим исполнения наказания, средства контроля и надзора за осужденными, средства предупреждения и пресечения правонарушений среди них).

Таким образом, безопасность УИС представляет собой состояние защищенности осужденных, персонала органов и учреждений, исполняющих наказания, их родственников, всех лиц, находящихся на территории исправительных учреждений, от опасностей, исходящих главным образом от пенитенциарной преступности и угрожающих жизни, здоровью, чести, достоинству указанных лиц (внутрисистемная сторона безопасности), а также состояние защищенности общества от опасностей и угроз в связи с пенитенциарной деятельностью и находящимися во взаимосвязи с ней фактами постпенитенциарного рецидива, проникновением элементов криминальной и тюремной субкультуры в социум. Данное состояние обеспечивается слаженной работой субъектов, принадлежащих к УИС, представляющих другие правоохранительные органы, иные компоненты государства, институты гражданского общества, взаимодействующих друг с другом и использующих соответствующий инструментарий организационно-правовых средств в рамках своей компетенции, функционального предназначения, решаемых задач. Такое понимание безопасности УИС как важного фактора внутренней безопасности общества нуждается в закреплении в официальном программном документе – Концепции безопасности уголовно-исполнительной системы.

4. Параметры восприятия зарубежного опыта обеспечения пенитенциарной безопасности в отечественной практике должны быть увязаны с положениями Конституции Российской Федерации, типом национальной правовой системы, концептуальными положениями развития УИС России и потребностями обеспечения ее безопасности, а также учитывать реальные возможности (экономико-финансовые, ресурсные и др.) государства.

В плане оптимизации функционирования УИС представляют практический интерес следующие аспекты зарубежного опыта:

– дифференциация осужденных на основе выводов специализированных центров (куда должны входить психологи, социологи, юристы и представители других направлений, связанных с изучением пенитенциарной системы и ее безопасности) об уровне их опасности и решение о направлении лица (в ряде случаев также с учетом его согласия) в соответствующее пенитенциарное учреждение;

– возможность перевода осужденного, срок заключения которого заканчивается, в пенитенциарное учреждение с более мягким режимом с одновременным прохождением соответствующих программ адаптации и ресоциализации;

– повышение технической оснащенности исправительных учреждений и иных учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;

- развитие форм социального контроля и надзора за лицами, освобожденными из пенитенциарных учреждений (прежде всего рецидивоопасными);
- более полное и принимающее во внимание безопасность жертвы преступления (его родных и близких) подключение потерпевшего к решению вопроса об условно-досрочном освобождении.

Библиографический список

1. Казак Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества (теоретические и организационно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 55 с.

УДК 343.9(574)

СЕРИК МАРДЕНОВИЧ ИМАНБАЕВ,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры национального и международного права,
Университет «Туран-Астана», г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: editor62@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования

Иманбаев, С. М. Предупреждение незаконного оборота оружия в Республике Казахстан: криминологический аспект / С. М. Иманбаев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 193–200.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупреждения незаконного оборота оружия. На основе статистических данных (за период 2010–2016 годов и 10 месяцев 2017 года) проводится анализ уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 287–291 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Предлагаются конкретные меры организационно-управленческого характера, вносится ряд предложений по совершенствованию законодательства с целью профилактического воздействия и эффективности противодействия незаконному обороту оружия.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, предупреждение уголовных правонарушений, применение оружия, оборот оружия, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, хищение либо вымогательство оружия, меры профилактики.

Одними из основных показателей успешного процветания государства являются высокий уровень обеспечения личностной безопасности граждан и твердая уверенность в отсутствии угрозы причинения вреда общественным отношениям.

Общественная безопасность во многом зависит от эффективного контроля и применения адекватных превентивных мер (действий) по устранению причинно-следственных связей незаконного оборота оружия. Противодействие данному преступному проявлению исключительно силовыми методами, как показывает практика, бесперспективно и требует комплексного подхода. Важность предупреждения преступности определяется упреждающим характером профилактики, ее эффективностью и экономичностью.

Незаконный оборот оружия в настоящее время вызывает множество проблем, связанных с нелегальным производством оружия, его контрабандным перемещением через государственную границу, нелегальной торговлей оружием, в том числе снабжением оружием организованных преступных групп, банд и сообществ, а также приготавлени-

ем и совершением преступными сообществами, в частности экстремистскими и террористическими группами, тяжких преступлений.

Согласно статистическим данным за 2010–2016 гг., в Республике Казахстан зарегистрировано 12 630 преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия (2010 г. – 1048, 2011 – 1409, 2012 – 1745, 2013 – 2448, 2014 – 2068, 2015 – 2069, 2016 г. – 1843). За 10 месяцев 2017 г. наблюдается тенденция к уменьшению количества данных правонарушений с 1701 до 1640 преступлений, что составляет 3,6 %. Удельный вес таких преступлений от общего количества зарегистрированных уголовных правонарушений составляет 0,5 % (URL : //http://sud.gov.kz/rus/content/za-2016-god).

Следует отметить снижение уровня данных правонарушений в Северо-Казахстанской области на 68,2 % (с 88 до 28), Жамбылской – 43,2 (с 95 до 54), Кызылординской – 42,3 (с 52 до 30), Костанайской – 31,7 (с 60 до 41), Западно-Казахстанской – 31,4 (с 35 до 24), Алматинской – 26 (с 169 до 125), Карагандинской – 25,2 (с 123 до 92), г. Астана – 25 (с 44 до 33), Восточно-Казахстанской – 23,9 (с 117 до 89), Павлодарской – 16,1 (с 56 до 47), Южно-Казахстанской области – 14,7 (с 224 до 191) и ГВП – на 8,3% (с 12 до 11). В то же время отмечается рост данного вида преступлений в Мангыстауской области на 157,1 % (с 7 до 18), Актюбинской – 26,3 (с 80 до 101), Акмолинской – 11,8 (с 76 до 85), Атырауской – 9,5 (с 21 до 23), г. Алматы – 7,7 (с 155 до 167) и транспортном регионе – на 22,2 % (с 9 до 11) (рис. 1).

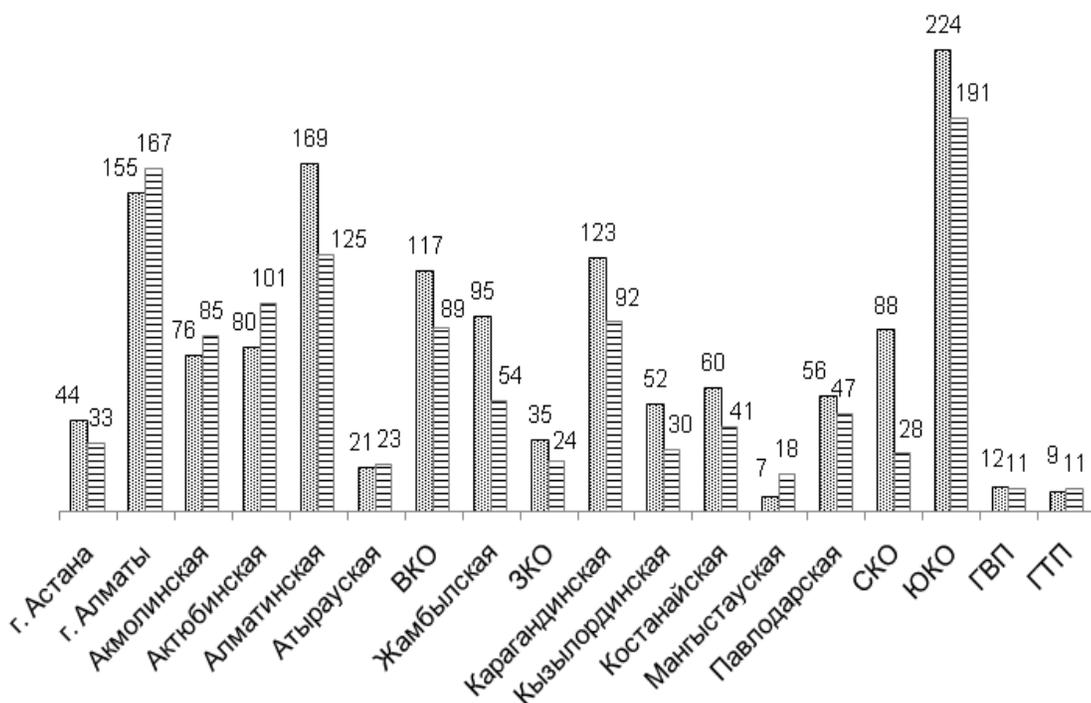

Рис.1. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в Республике Казахстан

В структуре преступности по тяжести удельный вес особо тяжких преступлений анализируемой категории составил 0,3 % (3 преступления), тяжких – 28,3 (332 преступле-

ния), средней тяжести – 45,6 (535 преступлений), небольшой тяжести – 25,8 % (303 преступления) (рис. 2).

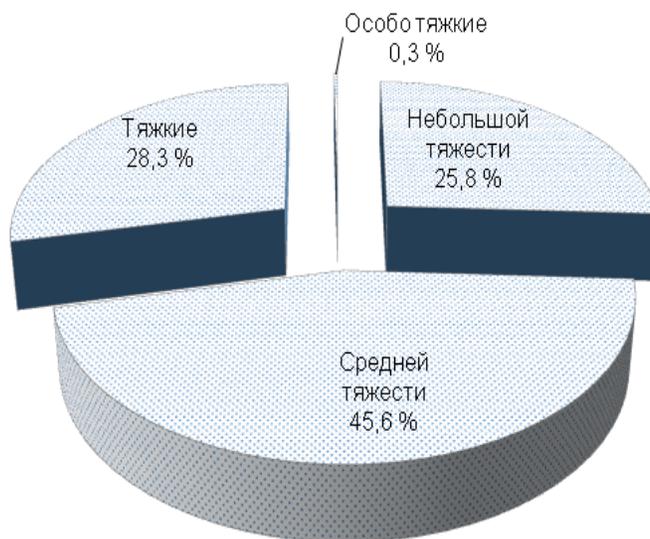

Рис. 2. Сведения по категориям зарегистрированных преступлений

Наибольшее количество уголовных правонарушений выявлено органами внутренних дел – 1125, прокуратурой – 19, Комитетом национальной безопасности – 12, агентством по делам государственной службы и противодействия коррупции – 4, военным следственным департаментом – 3, военной полицией вооруженных сил Министерства Республики Казахстан – 3, военной полицией Комитета национальной безопасности – 2, Комитетом государственных доходов – 1, пограничной службой Комитета национальной безопасности – 1 и службой охраны президента – 1.

Исследуемые преступные деяния квалифицированы по следующим статьям Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК):

– по ч. 2–5 ст. 287 – 654 преступления (АППГ – 497), рост – на 31,6 %, удельный вес – 55,7 %;

– по ч. 1–3 ст. 288 – 182 преступления (АППГ – 549), снижение – на 66,8 %, удельный вес – 15,5 %;

– по ст. 289 – 21 преступление (АППГ – 5), рост – на 320 %, удельный вес – 1,8 %;

– по ст. 290 – 18 преступлений (АППГ – 4), рост – на 350 %, удельный вес – 1,5 %;

– по ст. 291 – 298 преступлений (АППГ – 375), снижение – на 20,5 %, удельный вес – 25,4 %.

Наиболее распространенными являются такие деяния, как незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 287 УК РК). На втором месте – преступления, связанные с хищением либо вымогательством оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 291 УК РК), на третьем – с незаконным изготовлением оружия (ст. 288 УК РК).

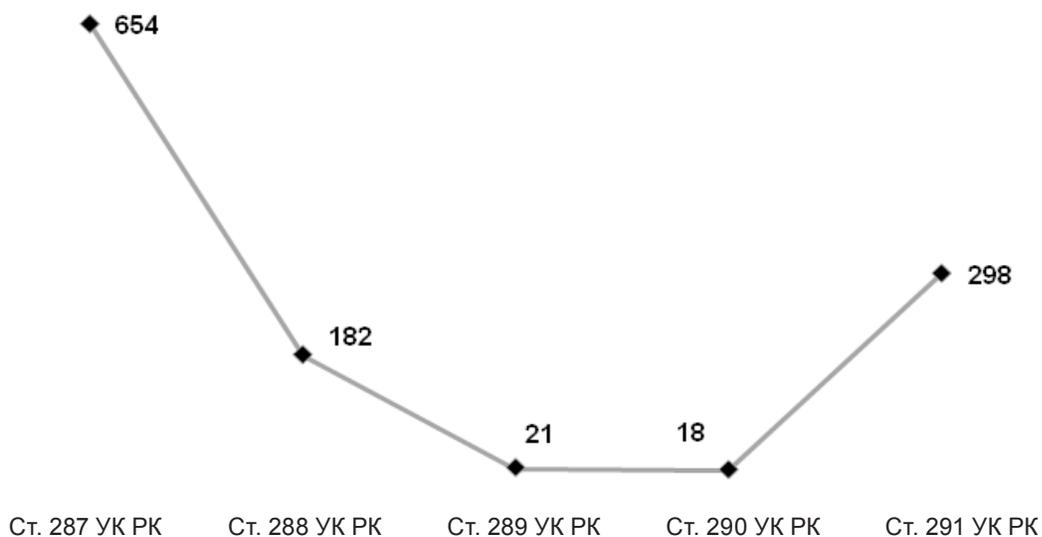

Рис. 3. Динамика роста зарегистрированных уголовных правонарушений по видам преступлений

Количество преступлений, уголовные дела по которым находились в производстве правоохранительных органов, за указанный период составило 1243 (АППГ – 1564), снижение – 20,5 %. Число преступлений, уголовные дела которых окончены в отчетном периоде, – 440 (АППГ – 457).

За 10 месяцев 2017 г. количество преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, составило 708, прекращены по нереабилитирующим основаниям – 234 дела, прерваны по срокам – 402 дела. Раскрываемость анализируемой категории преступлений, то есть связанных с незаконным оборотом оружия, за этот период составила 68,7 %. Такой низкий показатель объясняется прежде всего тем, что часто при совершении уголовных правонарушений с применением оружия органами уголовного преследования не устанавливается источник происхождения оружия, и одной из причин этого является латентность данного вида преступлений, а также совершение преступлений с применением оружия в условиях неочевидности.

Важным фактором, существенно влияющим на раскрываемость уголовных правонарушений данной категории, является недостаточно слаженное взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов, а также отсутствие на должном уровне постоянного взаимодействия информацией. Согласно статистическим данным, за 10 месяцев 2017 г. нераскрытыми остаются 402 уголовных правонарушения.

За 2016 г. из числа зарегистрированных уголовных правонарушений 948 совершено с применением оружия, из них огнестрельного – 348, холодного – 586, пневматического – 25, газового – 32 и взрывных устройств – 4.

Среди зарегистрированных уголовных правонарушений с применением огнестрельного оружия совершено следующее количество преступлений: убийство – 57, причинение смерти по неосторожности – 5, причинение тяжкого вреда здоровью – 23, причинение средней тяжести вреда здоровью – 9, неосторожное причинение вреда здоровью – 5,

угроза – 7, похищение человека – 1, незаконное лишение свободы – 3, кража – 3, грабеж – 13, разбой – 25, вымогательство – 1, угон – 5, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества – 1, акт терроризма – 1, нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват – 1, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия – 6, хищение либо вымогательство оружия – 3, хулиганство – 131, хищение либо вымогательство наркотических средств – 1, жестокое обращение с животным – 3, незаконная охота – 30, незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения, а также запрещенными к использованию видами растений или животных, их частями или дериватами – 4, применение насилия в отношении представителя власти – 3, самоуправство – 4, насильственные действия в отношении начальника – 1, превышение власти – 1.

В ходе изучения статистического отчета установлены факты искажения государственного отчета формы 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях». Так, данные, указанные в приложении № 1 «Сведения о зарегистрированных правонарушениях с применением оружия и технических средств», не соответствуют действительности. Например, в Едином реестре досудебного расследования (ЕРДР) УВД Медеуского района г. Алматы зарегистрирован случай тайного хищения неизвестными лицами в магазине «Универсам» сотового телефона, однако данный факт необоснованно учтен в разряде уголовных правонарушений, совершенных с применением оружия.

Мониторингом ЕРДР также установлено, что по некоторым преступлениям, совершенным с применением оружия, сотрудниками полиции не в полном объеме указываются соответствующие реквизиты, что искажает статистический отчет о преступности. Так, 9 июня 2015 г. в ЕРДР Илийского РУВД Алматинской области зарегистрировано заявление К. о том, что неизвестные лица в масках, вооруженные огнестрельным оружием, проникнув в дом и связав членов семьи, похитили имущество и деньги в крупном размере. Однако следователем в информационно-учетном документе не указано, что данное преступление совершено с применением оружия.

Аналогичные факты неправильного заполнения реквизитов установлены и по другим областям, которые были устранены после вмешательства Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

Вышеуказанные недостатки не позволяют сформировать реальную и достоверную картину о состоянии дел в рассматриваемой сфере, что существенно снижает эффективность деятельности правоохранительных органов.

Одной из причин, способствующих росту числа уголовных правонарушений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, является хищение предметов вооружения и боеприпасов. Следует отметить, что в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом снизилось количество преступлений, связанных с хищением оружия и боеприпасов, с 404 до 202.

Наибольшее количество хищений оружия зарегистрировано в Алматинской области – 41, г. Алматы – 39, Южно-Казахстанской области – 22, Актюбинской – 16, Костанайской – 12, Карагандинской и Кызылординской – по 11, Павлодарской – 9, Жамбылской – 7, г. Астана и Акмолинской области – по 6, Атырауской – 5, Мангыстауской – 4, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях – по 3, совершено военнослужащими – 4.

Хищение оружия в большинстве случаев имеет место в совокупности с кражами чужого имущества граждан. Кроме того, причиной роста этой категории уголовных правонарушений явилась достоверность регистрации заявлений и сообщений о преступлениях на фоне увеличения количества посягательств против собственности.

Вместе с тем факты тайного хищения огнестрельного оружия указывают на ненадлежащее его хранение владельцами, обусловленное слабой профилактической и контрольной деятельностью служб лицензионно-разрешительной системы подразделений общественной безопасности органов внутренних дел.

Особую тревогу вызывает хищение оружия и боеприпасов должностными лицами правоохранительных органов, что является следствием ненадлежащего учета и контроля со стороны ответственных должностных лиц. Например, 14 августа 2015 г. ДВД Кызылординской области проводилось досудебное расследование в отношении сотрудников полиции РОВД г. Аральска М. (инспектор-дежурный) и С. (водитель группы тылового обеспечения) по факту хищения ими 2 единиц табельного оружия, пистолета Макарова, 4 магазинов и 32 патронов к ним.

Кроме того, имеются факты склонения сотрудниками полиции зависимых лиц к самоговору в совершении уголовных правонарушений. В частности, заместитель начальника ОКП УВД г. Рудного Костанайской области Б. и его подчиненный И. передали огнестрельное оружие и наркотическое средство (героин) наркозависимому лицу Д. для признания им вины в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РК. Такие факты свидетельствуют как об отсутствии ненадлежащего контроля со стороны руководства правоохранительных органов, так и о недостаточной работе на местах по профилактике и предотвращению исследуемых правонарушений.

Известно, что в Республике Казахстан огнестрельное оружие не производится, однако количество изъятого из незаконного оборота огнестрельного оружия, производителями которых являются Россия и Китай, говорит о наличии нелегальных каналов доставки. В 2017 г. органами внутренних дел и службой экономических расследований выявлено всего по 1 факту контрабанды, связанной с перевозкой оружия через государственную (таможенную) границу. Неэффективность деятельности специальных органов в данном направлении указывает на отсутствие надлежащей оперативной разработки контрабанды оружия.

На наш взгляд, необходимо остановиться на хищении либо вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которые обладают высокой степенью общественной опасности. Законодатель из состава хищения выделил отдельный специальный состав преступления, связанный с незаконным изъятием огнестрельного оружия из владения, в соответствующей главе УК РК. Однако в правоприменительной практике органов уголовного преследования Алматинской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской областей и городов Астана, Алматы факты хищения гладкоствольного оружия квалифицируют по ст. 188 «Кража» УК РК.

Указанные нарушения закона стали возможны в результате отсутствия надлежащего надзора со стороны органов прокуратуры, а также анализа следственной и правоприменительной практики.

В целях пресечения фальсификации статистических данных Генеральной прокуратурой 30 октября 2012 г. прокурорам областей и правоохранительным органам направлено Указание о квалификации преступлений, связанных с хищением огнестрельного оружия.

Недостаточное чувство личной ответственности владельцев огнестрельного оружия, выражающееся в его ненадлежащем (небрежном) хранении, оказывает существенное влияние на уровень рассматриваемой преступности, поскольку создает предпосылки для хищения огнестрельного оружия.

За нарушение порядка хранения огнестрельного оружия санкцией ч. 1 ст. 484 КоАП РК предусмотрен штраф на физических лиц в размере десяти, на юридических лиц – в раз-

мере двадцати месячных расчетных показателей, по ч. 2 данной статьи – на физических лиц в размере двадцати, на юридических лиц – в размере сорока месячных расчетных показателей. Полагаем, что в случае выявления нарушений правил хранения оружия и патронов к нему следует незамедлительно аннулировать разрешение на их хранение и ношение в рамках ст. 487 КоАП РК.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в последние годы наблюдается тенденция увеличения количества преступных групп, создаваемых для совершения насильственных, корыстно-насильственных (вооруженных) уголовных правонарушений. Общественная опасность подобных уголовных правонарушений выражается в вербовке большого количества людей для дальнейшего совершения ими тяжких и особо тяжких преступлений, ориентированных на совершение насильственных преступлений. При этом наиболее доступным оружием является гражданское оружие, находящееся во владении отдельных граждан, что требует необходимости защиты информации о лицах, имеющих в собственности огнестрельное оружие. Однако в действующем законодательстве не предусмотрены меры по охране персональных сведений о лицах, имеющих огнестрельное оружие в личном пользовании.

В гл. 6 Инструкции о работе органов внутренних дел по осуществлению лицензионно-разрешительной системы, утвержденной приказом министра внутренних дел Республики Казахстан от 1 марта 2003 г., в отношении лиц, владеющих огнестрельным оружием, предусмотрено заведение наблюдательных дел, состоящих из определенного перечня документов, которые подлежат хранению в кабинете лицензионной разрешительной службы органов внутренних дел (в настоящее время приказ утратил силу). В связи с этим нами предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-1 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» по защите персональных сведений о владельцах огнестрельного оружия.

Наряду с указанными пробелами, в ходе анализа установлены отдельные проблемные вопросы, требующие соответствующего разрешения, в частности непринятие мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Одним из факторов, способствующих росту незаконного оборота оружия, является слабая профилактическая и контрольная деятельность служб лицензионно-разрешительной системы (ЛРС), которыми своевременно не выявляются нарушения, связанные с ненадлежащим хранением огнестрельного оружия.

В соответствии со ст. 30 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-1 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» должностные лица органов, уполномоченных осуществлять государственный контроль за оборотом гражданского и служебного оружия, имеют право производить осмотр оружия в местах хранения.

Кроме того, согласно п. 44 Инструкции об организации лицензионной и разрешительной деятельности органов внутренних дел, утвержденной приказом министра внутренних дел Республики Казахстан от 1 марта 2003 г. № 111, проверки хранения гражданского оружия гражданами по месту их жительства проводятся не реже одного раза в год, за исключением проверок, проводимых ОВД в период проведения оперативно-профилактических мероприятий. В связи с этим по каждому факту хищения огнестрельного оружия необходимо проводить проверочные мероприятия для выяснения степени ответственности сотрудников ЛРС. При выявлении фактов небрежного

хранения владельцами оружия (в открытом месте, в нерабочем сейфе либо вообще его отсутствие, в непредусмотренных помещениях, в автомобилях и т. п.) наряду с ответственностью владельцев предлагается рассмотреть вопрос об ответственности сотрудников ЛРС в порядке ст. 200 УПК РК за непринятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (неразъяснение владельцам условий хранения оружия, непроведение регулярных проверок, непринятие своевременных мер профилактического характера по устранению недостатков по хранению оружия и т. д.).

На основании изложенного необходимо:

- активизировать работу по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, совершенных с применением оружия;
- обеспечивать своевременное выявление и изъятие оружия, находящегося в незаконном обороте;
- принимать действенные меры по устранению установленных нарушений законности, причин и условий, способствовавших их совершению;
- по фактам хищения огнестрельного оружия проводить проверки для выяснения степени ответственности сотрудников ЛРС.

Социальной составляющей причиной роста преступности являются инфляция, повышение потребительских цен и тарифов на товары и платные услуги, низкий уровень доходов основной массы населения. В связи с этим предлагаем:

- стимулировать неправительственные организации в проведении разъяснительной работы среди населения через идеологическое противодействие;
- привлекать неправительственные организации к осуществлению пенитенциарной и постпенитенциарной пробации лиц, состоящих на пробационном контроле за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия;
- активизировать работу пробационных служб во взаимодействии с участковыми инспекторами полиции по индивидуальной работе с лицами, состоящими на пробационном контроле за уголовные правонарушения, связанные с незаконным оборотом оружия;
- местным исполнительным органам пересмотреть мероприятия, направленные на профилактику, предупреждение роста числа преступлений, совершаемых социально уязвимыми слоями населения.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту предметов вооружения и уровень общепредупредительного воздействия уголовного закона, укрепить правопорядок и гарантии общественной безопасности в Республике Казахстан.

УДК 343.85

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ БОЧКАРЕВ,

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
и организации исполнения наказаний в УИС,

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация,

e-mail: Bochkar22@rambler.ru

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Бочкарев, В. В. Система профилактики в местах лишения свободы / В. В. Бочкарев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 201–205.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые основы профилактической системы, используемой в местах лишения свободы, исследуются различные правовые основания применения средств профилактики, их форма и конкретное содержание. В целях усиления профилактического воздействия на осужденных в местах лишения свободы предлагается внести в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации новую статью, определяющую систему средств общего, индивидуального и специального характера.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, осужденные, наказание в виде лишения свободы, уголовно-исполнительные средства.

За последние двадцать лет в России произошли значительные политические, экономические, правовые и социальные преобразования. Знаменательным событием в области права стало принятие нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), который вобрал в себя достижения пенитенциарной науки, опыт международного законодательства, закрепил в качестве своей важнейшей цели – предупреждение совершения осужденными новых преступлений.

Однако в рамках уголовно-исполнительного закона законодатель не дает четкой юридически оформленной системы профилактики преступлений в местах лишения свободы, не определяет ее содержание и основания применения, что может приводить к большому количеству правонарушений и как результат – к совершению осужденными новых преступлений уже в период отбывания наказания. Более того, необходимы новые формы и методы реализации профилактического направления, которые способствовали бы не только достижению цели уголовно-исполнительного законодательства, но и реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.

Отсутствие профилактической системы в местах лишения свободы подтверждают стабильно высокие показатели преступности в исправительных учреждениях. Так, осужденными в местах лишения свободы совершается не менее 800 преступлений в год. При этом, учитывая существенное снижение численности осужденных к лишению

свободы за последние десять лет, прослеживается стабильная тенденция увеличения количества совершаемых преступлений (коэффициент преступности с 2007 г. по настоящее время ежегодно увеличивался с 1,31 до 1,6 соответственно).

Сложившаяся ситуация связана с ростом в местах лишения свободы числа осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, что особенно подчеркивает актуальность проблемы предупреждения преступлений. В связи с этим необходимо научное исследование профилактического направления уголовно-исполнительных норм, закрепляющих порядок применения наказания в виде лишения свободы, средств и методов его реализации с учетом современной уголовно-исполнительной политики и существенных изменений, внесенных в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации.

Принимая во внимание авторские концепции предупреждения правонарушений, применяемые в исправительных учреждениях (Н. С. Артемьев [1, с. 95], А. И. Зубков [2, с. 6], В. Е. Южанин [5, с. 18] и др.), мы предприняли попытку разработать свои профилактические модели.

Во-первых, предлагаем систему средств профилактики преступлений в местах лишения свободы классифицировать по правовому основанию их применения, где выделить средства, основанием применения которых является:

- 1) вступивший в законную силу приговор суда (уголовно-правовые и непосредственно уголовно-исполнительные средства);
- 2) отклоняющееся поведение осужденного (криминологические средства);
- 3) особая криминологическая характеристика личности осужденного и совершенного преступления (специальные (особые) средства).

1. Предупредительные средства, определяемые приговором суда, подразделяются на уголовно-правовые (изоляция и правоограничения при исполнении наказания) и уголовно-исполнительные (надзор, охрана, раздельное содержание, привлечение осужденных к труду и получение ими образования, конвоирование осужденных и др.) средства профилактики. Указанные элементы устанавливаются и распространяются на всех лиц независимо от характеристики их поведения во время отбывания наказания, что в итоге позволяет создать определенные гарантии обеспечения частного предупреждения.

Предупредительные средства, определяемые приговором суда, относятся к категории фундаментальных, поэтому считаем целесообразным остановиться на них более подробно. При сравнении уголовно-правовых и уголовно-исполнительных средств предупреждения нами были определены:

сходства:

- 1) предпосылкой их применения является совершенное лицом преступление;
- 2) согласно ст. 7 УИК РФ непосредственным основанием их реализации служит вступивший в законную силу приговор суда;
- 3) стремятся решить единую задачу – предупреждение совершения осужденными новых преступлений;

4) реализуются в течение всего срока, установленного приговором суда;

отличия:

- 1) уголовно-правовые средства предупреждения применяются в связи с совершением преступления, уголовно-исполнительные – в связи с назначением уголовного наказания;
- 2) уголовно-правовые средства предупреждения, помимо профилактического воздействия, преднамеренно причиняют осужденному лишения и страдания, уголовно-

исполнительные – не стремятся лишить осужденного каких-либо благ и по своим объективным свойствам не могут являться источником страданий;

3) уголовно-правовые средства предупреждения порицают и позорят преступника, уголовно-исполнительные – нет;

4) уголовно-правовые средства предупреждения устрашают иных лиц, обеспечивая таким образом цель общего предупреждения, уголовно-исполнительные – такую цель не преследуют;

5) уголовно-исполнительные средства предупреждения, помимо базовых отраслевых принципов (законность, демократизм, гуманизм), опираются на принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения;

6) уголовно-правовые средства предупреждения осуществляют в жизнь специально на то уполномоченные учреждения и органы (ч. 9 ст. 16 УИК РФ), в частности колонии-поселения, воспитательные колонии, лечебно-исправительные учреждения, исправительные колонии общего, строгого или особого режимов, а также следственные изоляторы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, уголовно-исполнительные – помимо этих органов, могут применять прокуратура РФ, общественные объединения и средства массовой информации;

7) уголовно-правовые средства предупреждения обязательны для каждого осужденного, уголовно-исполнительные – не являются правовой обязанностью;

8) уголовно-исполнительные средства предупреждения, в отличие от уголовно-правовых, по содержанию более разнообразные, более гибкие и индивидуальнее не только по отношению к личности осужденного, но и применительно к конкретным жизненным обстоятельствам.

На основании изложенного можно утверждать, что уголовно-правовые и уголовно-исполнительные средства – это относительно самостоятельные блоки, где уголовно-правовые средства создают условия для дальнейшего применения уголовно-исполнительных средств предупреждения и служат их фундаментом. В данном контексте мы не можем не упомянуть профессора В. А. Уткина, который предлагает рассматривать новый принцип уголовно-исполнительного законодательства – «соединение наказания с некарательным предупредительным воздействием» [4, с. 118], где наказание – это правоограничения уголовно-правового характера, а некарательное воздействие – уголовно-исполнительные средства предупреждения.

2. Криминологические средства позволяют индивидуализировать предупредительный процесс в отношении каждого осужденного. Основанием их применения является нарушение правил внутреннего распорядка осужденным, а также действия, непосредственно направленные на совершение преступления. К криминологическим средствам можно отнести перевод осужденного, являющегося злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, в другое исправительное учреждение (ч. 4 ст. 78 УИК РФ), перевод осужденного в строгие условия отбывания наказания (ст. 120, 122, 124, 127, 130 и 132 УИК РФ), перевод осужденного в другой отряд, постановка осужденного на профилактический учет, а также применение средств дисциплинарного воздействия.

Важный и особенный профилактический блок криминологических средств – средства пресечения правонарушителя, отличительной особенностью применения которых является дефицит времени для устранения отклоняющегося противоправного намерения. Реализуются они, как правило, после средств, определяемых приговором суда, где

«центр тяжести» предупредительной деятельности переносится на предотвращение или пресечение правонарушения. Речь идет о прекращении чего-то уже происходящего или начатого. К данным средствам относятся задержание осужденных, применение физической силы, специальных средств и оружия, прекращение свидания или телефонного переговора.

3. Специальные (особые) средства профилактического воздействия. Основанием их применения является криминологическая характеристика совершенного осужденным преступления и личности осужденного. К таким категориям осужденных относятся: осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию наказания в виде лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы. К указанным группам лиц применяются свои специфические ограничения, среди которых запрет права передвижения без конвоя, запрет перевода осужденного в колонию-поселение, особый порядок конвоирования и др.

Средства профилактического направления можно разделить:

1) по видам нормативных правовых актов, в которых они содержатся: средства, закрепленные: только в федеральном законе; федеральном законе, а их содержание – в ведомственных нормативных актах (смешанные); исключительно в ведомственных документах;

2) правовой структуре – на простые и сложные средства профилактики;

3) содержанию (опираясь на теоретические основы теории права) – на средства материального и процедурного характера, причем процедурным (процессуальным) нормам УИК РФ в последнее время уделяется особое внимание [3];

4) продолжительности реализации – на средства срочного и бессрочного характера;

5) субъектам применения – на применяемые судом, администрацией исправительных учреждений, прокуратурой РФ и общественными организациями.

И наконец, все средства профилактики можно разделить на средства, изменяющие правовой статус осужденных к лишению свободы и не имеющие такого воздействия.

Таким образом, можно констатировать, что уголовно-исполнительные средства по функциональному назначению едины, однако по правовой сущности и природе абсолютно разные, соответственно неодинаково влияют на осужденных и тем более на различные их категории.

На основании проведенного анализа средств профилактики считаем необходимым предусмотреть на уровне уголовно-исполнительного закона статью, определяющую систему средств предупреждения преступлений, применяемых к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, в следующей редакции:

«Статья 731. Предупреждение преступлений в исправительных учреждениях и средства их обеспечения

1. В исправительных учреждениях для обеспечения предупреждения преступлений со стороны осужденных применяется система средств общего и криминологического характера, а также специальных средств.

2. Общими средствами предупреждения преступлений в исправительных учреждениях являются: изоляция, охрана, конвоирование, средства процедурного характера, раздельное содержание, надзор, особый порядок взаимоотношений между персоналом и осужденными, средства дисциплинирующего характера, привлечение осужденных к труду, получение осужденными обязательного общего и профессионального образования, а также организационная составляющая применения вышеуказанных средств

профилактики. Основанием применения данных средств является вступивший в законную силу приговор суда.

3. Криминологическими средствами предупреждения преступлений в исправительных учреждениях являются: изменение вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания, применение мер взыскания, постановка осужденных на профилактический учет, применение физической силы, специальных средств и оружия, задержание и сопровождение осужденного, совершающего противоправное деяние, прерывание свидания, нравственное, правовое, физическое и религиозное воспитание осужденных. Основанием применения данных средств является отклоняющееся поведение осужденного в период отбывания наказания.

4. Специальные средства включают в себя запрет права предоставления передвижения без конвоя, запрет выезда за пределы мест лишения свободы, запрет перевода в колонию-поселение, особый порядок передвижения и конвоирования осужденных, изолированное содержание осужденных, а также помещение их в строгие условия отбывания наказания по прибытии в учреждение».

Библиографический список

1. Артемьев Н. С., Некрасов А. П. Рецидивная преступность в местах лишения свободы: криминологическая характеристика и предупреждение. Самара, 2007. 174 с.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., перераб. / под ред. А. И. Зубкова. М., 2008. 496 с.
3. Орлов В. Н. Уголовно-исполнительный процессуальный кодекс: основные идеи // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 2. С. 153–157.
4. Российский курс уголовно-исполнительного права : в 2 т. М., 2012. Т. 1. 696 с.
5. Южанин В. Е. Специально-предупредительная деятельность администрации ИТУ : учеб. пособие. Рязань, 1990. 100 с.

УДК 338.2:351.74

СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ПРОЛЕТЕНКОВА,

доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник,

ВНИИ МВД России, г. Москва, Российская Федерация;

БОРИС АНДРЕЕВИЧ БЫКОВ,

адъюнкт заочной формы обучения,

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: editor62@yandex.ru

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Для цитирования

Пролетенкова, С. Е. Роль и место органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности / С. Е. Пролетенкова, Б. А. Быков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 206– 212.

Аннотация. В статье раскрыта сущность административно-правового обеспечения экономической безопасности, а также административных правоотношений, реализуемых в его рамках. Рассмотрены основы административно-правового статуса органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции, выявлены недостатки действующих нормативных правовых актов в этом направлении, предложены пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: обеспечение экономической безопасности, органы внутренних дел, административно-правовой статус, противодействие коррупции.

При рассмотрении ключевых вопросов формирования и функционирования системы противодействия экономической преступности и коррупции нельзя обойти стороной важный, методологический вопрос о внутриорганизационном построении данной системы в целом и роли каждого из ее звеньев. В административно-правовом плане последнее предполагает исследование основных элементов административно-правового статуса субъектов, деятельность которых связана с экономической безопасностью, и определение сегмента влияния каждого из них, так называемого сектора ответственности. Обращает на себя внимание тот факт, что деятельность субъектов в рамках данного сектора принято обозначать термином «обеспечение». Например, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года подобное используется повсеместно: «обеспечение противодействия вызовам и угрозам», «государственная политика в сфере обеспечения экономической безопасности», «субъекты обеспечения экономической безопасности». Фактически словом «обеспечение» подчеркивается ярко выраженный деятельностный характер

всех процессов, происходящих под влиянием государственных механизмов на экономическую сферу общества.

Пункт 7 Стратегии раскрывает понятие «обеспечение экономической безопасности» как «реализацию органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере».

Вместе с тем общепринятая синонимизация слов «обеспечение» и «деятельность» не должна заслонять или упрощать понимание того, что обеспечение в обязательном порядке должно включать в себя два смысла – предмет деятельности и вид деятельности, в нашем случае в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции. Определение обеспечения как предмета деятельности наиболее распространено и представлено в толковых словарях [1] обычно в виде «того, чем обеспечивают кого-нибудь или что-нибудь». Обеспечение в значении «вид деятельности» в нашем понимании имеет более выраженную субъектную привязанность и предусматривает не только конкретные поступки, поведение, работу, функционирование, но и наличие реальной возможности их выполнить, действительность воздействия на формируемую среду. Данные рассуждения дают возможность определить обеспечение экономической безопасности как деятельность сил, а также применяемых ими средств, оказывающих предупредительно-профилактическое воздействие на возможные угрозы экономической безопасности, их минимизацию, применение мер ответственности за совершенные правонарушения, формирование условий для положительного развития экономической среды, организованные таким образом, чтобы это наиболее доступно и эффективно оказывало влияние на управляемую среду.

Перечисленные меры противодействия угрозам экономической безопасности реализуются в рамках административных правоотношений, связанных:

с созданием позитивной экономической среды и условий для реализации прав субъектов экономической деятельности;

процессом управления экономической средой при реализации задач и функций органов государственной власти и местного самоуправления;

обеспечением экономической безопасности;

установлением, обеспечением и реализацией правового режима охраны и защиты участников экономических отношений;

юридической ответственностью за нарушение правовых норм.

Участие органов внутренних дел проявляется во всех указанных видах административных правоотношений, однако наиболее интересными с точки зрения норм административного права являются вертикальные административно-правовые отношения, в которых реализуются их задачи и функции.

В свете проведения административных преобразований, реформирования сил и средств обеспечения безопасности условие эффективной организации деятельности органов внутренних дел (ОВД) становится едва ли не краеугольным камнем построения систем национальной и экономической безопасности. При этом следует отметить, что имеющаяся в настоящее время нерешенность проблем разграничения компетенции между субъектами обеспечения экономической безопасности, организационно-правового построения службы обеспечения экономической безопасности и

противодействия коррупции МВД России, оценки эффективности деятельности подразделений, межведомственного и внутриведомственного информационного обмена вызывает существенные проблемы в рассматриваемой сфере. Указанное обуславливает ключевую роль совершенствования административно-правовых норм в сфере обеспечения экономической безопасности, которое должно быть направлено на повышение согласованности действий уполномоченных на обеспечение экономической безопасности органов, используемых ими форм и методов управленческой деятельности с учетом всех внутренних и внешних обстоятельств и ключевых проблем развития экономики.

Многочисленные исследователи [2] отмечают, что деятельность органов внутренних дел имеет важное значение для обеспечения экономической безопасности. В частности, С. В. Наливайко указывает на «управленческие и организационные преимущества сосредоточения правоохранительных функций в сфере экономической безопасности в органах внутренних дел России». По его мнению, это «позволяет существенно повысить эффективность организационного обеспечения за счет возрастания возможности отслеживания процессов, происходящих в экономической сфере и теневой экономике, своевременного выявления правонарушений и принятия соответствующих необходимых мер...» [3, с. 34].

Вместе с тем некоторые авторы практически отождествляют понятия «обеспечение экономической безопасности» и «противодействие экономической преступности», что, как мы считаем, «обедняет» теорию безопасности и в корне неверно. Примерная общая позиция звучит в диссертационном исследовании С. Г. Мусаева, который указывает: «Задачи обеспечения экономической безопасности, а именно противодействие правонарушениям в сфере экономической деятельности, возложены на различные правоохранительные органы (прокуратура, ФСБ России и т. д.), однако, несомненно, основную нагрузку при реализации экономических интересов личности, общества и государства несут на себе органы внутренних дел. Также нельзя не учесть, что органы внутренних дел России являются самым многочисленным субъектом обеспечения национальной и, в частности, экономической безопасности» [4, с. 85].

Следует выделить три аспекта, с которыми мы не согласны. Во-первых, задачи обеспечения экономической безопасности не могут быть отождествлены или ограничены только противодействием правонарушениям в сфере экономической деятельности. Во-вторых, многосубъектность сил обеспечения экономической безопасности, в первую очередь участие в этой деятельности МВД России и ФСБ России (то есть специальной вертикали органов обеспечения безопасности), должна наводить на мысль о разграничении их юрисдикции относительно противодействия угрозам безопасности и преступности в экономической сфере. В-третьих, многочисленность органов внутренних дел – важный, но не основной показатель при выделении сферы обеспечения безопасности из общей массы экономической преступности, поскольку более целесообразно было бы говорить об эффективности деятельности на этом направлении.

Не вносит определенности относительно административно-правового статуса органов внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности и сопоставление статутных для ОВД в рассматриваемой сфере документов – Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. С одной стороны, указанная Стратегия относит к основным вызовам и угрозам

экономической безопасности высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере (подп. 18 п. 12), ориентирует государственные органы на борьбу с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой (подп. 15 п. 15). Кроме того, среди показателей состояния экономической безопасности называется такой критерий, как уровень преступности в сфере экономики (подп. 40 п. 27). С другой стороны, Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации не содержит ни одного упоминания о задачах и функциях в сфере обеспечения экономической безопасности. Относительно рассматриваемой тематики в документе содержатся лишь отдельные упоминания об охране собственности (подп. 4 п. 2; подп. 1 п. 1). Более того, противодействие коррупции, которая названа одной из наиболее существенных угроз национальной экономической безопасности, представлено в документе в весьма странной форме, а именно: в подп. 84 п. 11 указано, что МВД России «обеспечивает исполнение законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в системе МВД России». Однако непонятно, почему при наличии целого Главного управления по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции авторы документа «заузили» юрисдикционные полномочия МВД России рамками обеспечения собственной антикоррупционной защищенности либо применили достаточно некорректную формулировку, тем более что наибольший процент (около 86 %) коррупционной преступности в стране выявляется и расследуется именно органами внутренних дел [5]. В этом отношении достаточно обосновано мнение А. Т. Абрамова, который считает, что ОВД «могут воздействовать на обеспечение экономической безопасности различными способами. Непосредственное воздействие применяется в ходе расследования экономической и налоговой преступности, охраны права собственности и т. п. Опосредованное воздействие оказывается при расследовании преступлений, причиняющих материальный ущерб государству и субъектам предпринимательской деятельности посредством дознания и предварительного следствия» [6].

Ввиду недостаточного внимания вопросам обеспечения экономической безопасности в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации выводы о компетенционной составляющей ОВД в рассматриваемой сфере следует делать на основании текста таких нормативных правовых актов, как Федеральный закон «О полиции», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации. В частности, общее предназначение полиции описано в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О полиции», и оно, безусловно, распространяется на все вопросы, связанные с противодействием преступлениям и административным правонарушениям экономической направленности. При этом охрана права собственности, особо указанная в обозначенном пункте, заявляется как одно из важнейших направлений деятельности полиции. Фактически можно говорить о том, что воздействие на экономическую среду осуществляется полицией как непосредственно в отношении указанного права, так и опосредованно при реализации полномочий относительно преступных деяний иного рода, причиняющих материальный ущерб личности, объединениям граждан, государству.

Статья 12 Федерального закона «О полиции» закрепляет общие обязанности полиции, неукоснительно реализуемые в процессе противодействия деликтности в экономической сфере. Согласно данному перечню полиция обладает целым рядом полномочий в отношении: фиксации обращений граждан, фактов преступной деятельности, проведения проверочных мероприятий по ним; проведения первоочередных мероприятий на месте совершения преступлений и иных фактов противоправной деятельности, пресечения

правонарушений и иных угроз безопасности; оказания помощи нуждающимся, пострадавшим от правонарушений или внешних факторов, а также спасения граждан и охраны их имущества; выявления причин и условий противоправной деятельности, их устранения, а также применения специальных мер к лицам, имеющим намерения совершить или совершающим правонарушения; осуществления оперативно-розыскной деятельности; охраны на договорной основе имущества граждан и организаций, а также объектов, нуждающихся в такой охране, и др.

Более конкретно компетенцию ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности определяет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Так, ст. 28.3 КоАП РФ устанавливает сферу надзорных полномочий органов внутренних дел (полиции), в рамках которой сотрудники ОВД уполномочены выявлять административные правонарушения и составлять по ним соответствующие протоколы. Многие из перечисленных составов административных правонарушений связаны с обеспечением права собственности, имущественных интересов граждан и организаций. Несмотря на то что данная деятельность является необходимым условием обеспечения правопорядка и общественной безопасности, вряд ли она может восприниматься в качестве составляющей обеспечения экономической безопасности ввиду небольшой степени общественной опасности административных правонарушений. В ст. 23.1 КоАП РФ также содержатся положения, ограничивающие юрисдикционные полномочия полиции в отношении принятия решений по административным правонарушениям, отнесенным к компетенции судов.

Основное представление о деятельности ОВД по противодействию преступлениям в экономической сфере позволяет составить Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), в частности гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Кроме того, особое внимание уделяется противодействию преступлениям коррупционной направленности, предусмотренным многочисленными составами преступлений, располагающимися в различных разделах УК РФ. Вместе с тем существенным недостатком действующей редакции УК РФ является отсутствие в его тексте указаний на задачи Уголовного кодекса Российской Федерации, что не позволяет нормативно определить его место в единой системе правовых актов обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Отдельный блок функций и соответствующих им полномочий ОВД в рассматриваемой сфере вытекает из положений федеральных законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации. Учитывая их значительное количество (более 25), назовем лишь некоторые из них: федеральные законы от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»; указы Президента Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 650 «О порядке сообщения лицами, замещающими отдельные государственные должности Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, и иными лицами о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и о вне-

сении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации», от 28 июля 2012 г. № 1060 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и состава президиума этого Совета», от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»; постановление Правительства Российской Федерации от 5 июля 2013 г. № 568 «О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции» и др.

Рассмотренные нормативные правовые акты составляют основы административно-правового статуса органов внутренних дел и играют ключевую роль в обеспечении деятельности по противодействию экономической преступности и коррупции. Вместе с тем понимание процесса обеспечения экономической безопасности как системы высшего порядка, выходящей за пределы борьбы с экономической преступностью и коррупцией (требующей создания совокупности политических, правовых, экономических, социальных условий, направленных на противодействие наиболее опасным для государства и общества угрозам, подрывающим экономико-политические устои развития Российского государства), позволяет сделать вывод о существенных недоработках нормативных правовых актов МВД России в этой сфере. Прежде всего, это касается вопросов разграничения компетенции МВД России и ФСБ России на обозначенном направлении, отсутствия правовых основ, закрепляющих правовой статус МВД России в качестве органа обеспечения экономической безопасности, недостатков ведомственной нормативной правовой базы, определяющей правовой статус вертикали Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУЭБиПК) (в том числе существование вертикали обеспечения безопасности при отсутствии подобных указаний в документах более высокого порядка).

На основании изложенного считаем целесообразным:

внести изменения:

в статью 2 УК РФ в части дополнения задач Уголовного кодекса Российской Федерации; статью 3 Федерального закона «О безопасности» в части дополнения видов деятельности по обеспечению безопасности;

Федеральный закон «О полиции», дополнив его положениями, устанавливающими цели, задачи, функции полиции в противодействии экономической преступности и коррупции;

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, конкретизируя функции министерства в сфере противодействия экономической преступности и коррупции;

признать утратившим юридическую силу Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции и разработать новое Положение с учетом конкретизированных функций МВД России в сфере противодействия экономической преступности и коррупции, в том числе с возможным переименованием в Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (как наиболее отражающее деятельность министерства в рассматриваемой сфере).

Библиографический список

1. Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. М., 1999.
2. Мусаев С. Г. Функции и задачи органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями // Власть. 2012. № 3. С. 67–70.
3. Наливайко С. В. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности России : дис. канд. ... экон. наук. М., 2006.
4. Мусаев С. Г. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 154 с.
5. Официальный сайт МВД России. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/9338947/> (дата обращения: 21.01.2018).
6. Абрамов А. Т. Особенности организации деятельности правоохранительных органов в системе обеспечения экономической безопасности крупных городов и мегаполисов // Организационно-экономические и правовые основы тылового обеспечения органов внутренних дел в свете реформирования правоохранительной деятельности : сб. ст. по материалам науч.-практ. семинара (Москва, 30 июня 2004 г.). М., 2006.

УДК 355.61:343.8

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА РАЗУМОВА,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности УИС,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: razumova_iw@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Разумова, И. В. Государственный оборонный заказ: анализ правовых норм и проблемы их реализации в территориальных органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы / И. В. Разумова // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 213–217.

Аннотация. Законодательство о закупках в рамках государственного оборонного заказа имеет существенную специфику, которая сложна, запутанна и малопонятна практикам при решении конкретных задач. В статье на базе проведенного сопоставления и анализа правовых норм выделены семь специфических особенностей таких закупок, а также даны комментарии к их правильному пониманию и применению.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, государственные заказчики, головной исполнитель, исполнитель, банковское сопровождение.

Исполнение требований законодательства о государственном оборонном заказе в сопряжении с правовыми нормами о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок вызывает множество вопросов у практиков. Анализ открытых данных единой информационной системы (ЕИС) в части содержания документации о закупке, установления национального режима, содержания государственного контракта и его исполнения позволяет сделать вывод о значительной доле допускаемых нарушений в сфере государственного оборонного заказа территориальными органами и учреждениями как уголовно-исполнительной системы (УИС), так и других ведомств.

С целью выявления проблемных для понимания правовых норм проведем их анализ в хронологии действий государственного заказчика.

Выбор алгоритма действий заказчиком должен осуществляться на стадии доведения лимитов бюджетных обязательств (ЛБО) до учреждения (территориальных органов). Идентификация ЛБО в части принадлежности к государственному оборонному заказу осуществляется по коду бюджетной классификации, расшифровку которого необходи-

мо производить в соответствии с приказом Минфина России от 1 июля 2013 г. № 65н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации». Ежегодное внесение изменений в указанный документ требует его постоянного мониторинга. Структура кода бюджетной классификации (КБК) расходов включает в себя двадцать знаков, но именно код вида расходов (18–20 знаков) указывает на принадлежность к государственному оборонному заказу.

Сотрудник учреждения, отвечающий за формирование плана-графика, должен быть уверен в правильности отнесения планируемых закупок к государственному оборонному заказу как на стадии планирования первоначального плана закупок и плана-графика, так и при внесении изменений в эти документы, например, в случае дополнительного доведения лимитов бюджетных обязательств. В вышеуказанном приказе в расшифровке вида расходов содержится формулировка «в рамках государственного оборонного заказа» (табл.).

Таблица

**Виды расходов, по которым закупка осуществляется
в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ
«О государственном оборонном заказе»**

№ п/п	Код вида расходов	Наименование
1	211	Поставка вооружения, военной и специальной техники и военно-технического имущества в рамках государственного оборонного заказа в целях обеспечения государственной программы вооружения
2	214	Ремонт вооружения, военной и специальной техники и военно-технического имущества в рамках государственного оборонного заказа в целях обеспечения государственной программы вооружения
3	215	Ремонт вооружения, военной и специальной техники и военно-технического имущества в рамках государственного оборонного заказа вне государственной программы вооружения
4	221	Обеспечение топливом и горюче-смазочными материалами в рамках государственного оборонного заказа
5	223	Продовольственное обеспечение в рамках государственного оборонного заказа
6	225	Вещевое обеспечение в рамках государственного оборонного заказа

Таким образом, если в учреждение поступили лимиты бюджетных обязательств по КБК, например, 320 0305 42308 90049 221, то закупка ГСМ должна осуществляться в соответствии с Федеральным законом № 275-ФЗ; если же лимиты доведены по КБК 320 0305 42308 90049 222, то закупка ГСМ осуществляется в обычном порядке в соответствии с положениями о контрактной системе.

Сопоставление и анализ положений федеральных законов от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон № 275-ФЗ) и от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» выявил основные существенные отличия закупок в рамках государственного оборонного заказа. Так, заказчик при осуществлении закупки в соответствии с Законом № 275-ФЗ должен учитывать следующие важные аспекты:

1. Государственный контракт может заключаться только с юридическим лицом.

Основание: п. 3 ст. 3 Закона № 275-ФЗ «3) *головной исполнитель поставок продукции по государственному оборонному заказу (далее – головной исполнитель) – юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации и заключившее с государственным заказчиком государственный контракт по государственному оборонному заказу.*

Комментарий: заказчиком не может заключаться контракт с индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица или с физическим лицом. При этом на исполнителя (лицо, с которым заключил контракт (договор) головной исполнитель) такие ограничения не распространяются.

2. Форма государственного контракта должна содержать отдельные положения Закона № 275-ФЗ и постановления Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1275 «О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу» (далее – постановление Правительства РФ № 1275).

Основание: *постановление Правительства РФ № 275-ФЗ.*

Комментарий: постановление Правительства РФ № 1275 конкретизирует нормы Закона № 275-ФЗ. При этом одна часть норм носит рекомендательный характер, а другая – обязательный (пп. 3, 4, 5, 7, 10, 12, 13, 13(1), 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 30 Положения о примерных условиях государственных контрактов подлежат обязательному включению в контракт, за исключением тех, которые не имеют отношения к предмету контракта).

3. Заключенному государственному контракту присваивается особый порядковый номер – идентификатор.

Основание: ст. 6.1 Закона № 275-ФЗ: «*Каждому государственному контракту перед включением сведений о нем в реестр контрактов, который ведется в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, присваивается идентификатор государственного контракта.*»

Комментарий: указанная норма применяется с 1 сентября 2015 г. в отношении государственных контрактов, государственным заказчиком по которым является Минобороны России. Что касается учреждений, территориальных органов УИС, а также других заказчиков, то идентификатор присваивается с 1 января 2017 г. или по ранее заключенным контрактам, где срок оплаты установлен начиная с 2017 г. (ст. 8 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

4. Оплата авансов, а также исполненных государственных контрактов осуществляется через открытые специальные счета в уполномоченных банках (банковское сопровождение).

Исключение составляют контракты, при исполнении которых осуществляется казначейское сопровождение. На настоящий момент перечень бюджетных средств, расходуемых в рамках казначейского сопровождения, установлен в ст. 5 Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» (учреждения УИС не попадают под понятие «казначейское сопровождение»).

Основание: ст. 8.2 Закона № 275-ФЗ «2. Уполномоченный банк обязан:

...3) *осуществлять мониторинг расчетов по государственному оборонному заказу в порядке, установленном настоящим Федеральным законом;*

4) осуществлять контроль распоряжений в порядке, установленном статьей 8.5 настоящего Федерального закона;

5) отказывать головному исполнителю, исполнителю в принятии к исполнению распоряжений о совершении операций, предусмотренных статьей 8.4 настоящего Федерального закона, а также в случаях, предусмотренных статьей 8.5 настоящего Федерального закона...».

Комментарий: перечень уполномоченных банков размещается на официальном сайте Банка России, согласно которому с 1 мая 2017 г. уполномоченными являются восемь банков.

Изменения законодательства в части обязательного банковского сопровождения контрактов по государственному оборонному заказу вступили в силу с 1 сентября 2015 г. для Министерства обороны Российской Федерации, а с 1 января 2017 г. – для всех остальных заказчиков. По контрактам Минобороны России некоторые учреждения УИС выступают исполнителем, поэтому по общепринятой позиции государственных заказчиков должны открываться специальные счета в уполномоченных банках под каждый заключенный контракт. Однако согласно ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации казенное учреждение производит операции с бюджетными средствами через лицевые счета, открытые ему в Федеральном казначействе, то есть все операции казенного учреждения с денежными средствами независимо от источника их происхождения (бюджетные средства или доход от деятельности) осуществляются только через лицевые счета, открытые в органах Федерального казначейства.

Доходы от реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг казенными учреждениями являются одним из источников формирования доходов бюджетной системы Российской Федерации и могут быть отнесены к категории платежей, которые в обязательном порядке подлежат зачислению в бюджетную систему Российской Федерации в соответствии с нормами гражданского и бюджетного законодательства. Установленный Законом № 275-ФЗ режим использования отдельного счета предусматривает возможность совершать ряд операций с отдельного счета на иные банковские счета, то есть без открытия отдельного счета получателя средств.

Так, согласно подп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ с отдельного счета возможно списание денежных средств на иные счета в целях уплаты, в том числе иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации, установленных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, при заключении контрактов (договоров) федеральными казенными учреждениями ФСИН России в качестве головного исполнителя (исполнителя) в соответствии с Законом № 275-ФЗ не требуется открытие банковского счета в уполномоченном банке. Расчеты по таким контрактам (договорам) осуществляются только через лицевые счета, открытые в органах Федерального казначейства.

5. Закупаемые товары, работы, услуги должны быть только российского происхождения.

Основание: постановление Правительства РФ от 14 января 2017 г. № 9 «Об установлении запрета на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» (далее – постановление Правительства РФ № 9).

Комментарий: на товары, попавшие в перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ № 9, действует полный запрет на допуск в части иностранного проис-

хождения. На товары, работы, услуги, не указанные в перечне, запрет действует на все страны, за исключением стран Евразийского экономического союза: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан.

6. Начальная максимальная цена контракта должна формироваться с учетом постановлений Правительства от 28 апреля 2015 г. № 407 «О порядке определения начальной (максимальной) цены государственного контракта, а также цены государственного контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок товаров, работ, услуг по государственному оборонному заказу» (далее – постановление Правительства РФ № 407) и от 17 февраля 2017 г. № 208 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Основание: *постановление Правительства РФ № 407:*

«28. В случаях, предусмотренных настоящим Положением, начальная (максимальная) цена государственного контракта, а также цена государственного контракта с единственным поставщиком может определяться с применением одного или нескольких методов: метода предельного уровня цены; затратного метода; аналогового метода.

Кроме указанных методов государственный заказчик и головной исполнитель (исполнитель) вправе применить иные методы в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при условии обоснования целесообразности их применения либо невозможности применения указанных методов».

Комментарий: при закупках учреждениями и территориальными органами вещевого имущества сотрудников, а также продуктов питания целесообразно помимо цены, установленной ФСИН России, для обоснования начальной максимальной цены контракта применять метод сопоставимых рыночных цен, используя предлагаемые цены учреждениями УИС (приказ Минэкономразвития России от 2 октября 2013 г. № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)»).

7. В ходе исполнения контракта при условии перечисления аванса головному исполнителю заказчик должен осуществлять контроль за целевым использованием.

Основание: *ст. 7 Закона № 275-ФЗ «Государственный заказчик:*

...9) осуществляет контроль за целевым использованием головным исполнителем бюджетных ассигнований, выделенных из федерального бюджета на оплату поставок продукции по государственному оборонному заказу».

Комментарий: порядок осуществления контроля за целевым использованием правовыми нормами не регламентирован, поэтому может осуществляться в любой документально подтвержденной форме. Норма становится особенно актуальной, когда головной исполнитель нарушает условия контракта, например, сроки поставки. В этом случае заказчик должен доказать факт осуществления контроля.

Вышеперечисленные особенности осуществления закупок в рамках государственного оборонного заказа не являются исчерпывающими и могут детализироваться, тем не менее именно по семи выделенным аспектам заказчики в большинстве случаев допускают нарушения.

УДК 378.6:159.9:343.83

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ИВАНОВ,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психотерапии и сексологии,

Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: kafpsiter@yandex.ru;

ФЕДОР ИГОРЕВИЧ УШКОВ,

заместитель начальника управления воспитательной,

социальной и психологической работы,

ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Иванов, А. Л. Реализация программы непрерывного профессионального образования пенитенциарных психологов в Федеральной службе исполнения наказаний / А. Л. Иванов, Ф. И. Ушков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 2. – С. 218–223.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимодействия Министерства здравоохранения Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний по реализации Программы непрерывного профессионального образования пенитенциарных психологов на базе кафедры психотерапии и сексологии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования. Раскрыты возможности формирования и развития у обучаемых новых компетенций при реализации современных психодиагностических, мультимодальных психокоррекционных и психотерапевтических методов, а также особенности комплексной медико-психологической реабилитации и медико-психолого-социального сопровождения сотрудников и осужденных.

Ключевые слова: повышение квалификации пенитенциарных психологов, инновационный подход, комплексная психодиагностика, скрытая мотивация осужденных, полимодальная психотерапия, психокоррекция, предупреждение эмоционального выгорания, социальная реабилитация и адаптация.

Повышение квалификации сотрудников имеет большое значение для эффективного функционирования органов и учреждений ФСИН России. Организация повышения квалификации во ФСИН России является частью кадровой политики ведомства и путем последовательного повышения общеобразовательного, профессионального и культур-

ного уровня сотрудников оказывает положительное влияние на обеспечение законности и достижение результатов его деятельности. Под повышением квалификации имеется в виду обновление теоретических и практических знаний пенитенциарных психологов в соответствии с требованиями образовательных стандартов в целях поддержания уровня их квалификации, достаточного для эффективного исполнения должностных полномочий, изучения новых форм и методов деятельности территориальных органов (подразделений, учреждений) уголовно-исполнительной системы (УИС) (приказ Минюста России от 11 апреля 2007 г. № 73 «Об утверждении Наставления по организации профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы»).

Какие объективные причины для включения психолога в систему повышения квалификации? Повышение квалификации осуществляется при появлении у психолога дополнительных служебных функций на замещаемых должностях или при необходимости предстоящего должностного перемещения (повышения по службе). Как правило, повышение квалификации проводится не реже одного раза в пять лет в течение всей служебной деятельности пенитенциарного психолога. В предыдущие годы повышение квалификации сотрудников УИС осуществлялось на базе психологического факультета Академии ФСИН России, но в связи с внедрением маркетингового подхода к работе с вузами и институтами повышения квалификации управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России на основании отбора и мониторинга образовательных учреждений, учитывая особенности служебной деятельности, приняло решение на основании взаимных договоренностей между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Федеральной службой исполнения наказаний реализовать масштабный проект по повышению квалификации более 1000 сотрудников, занимающихся вопросами медико-психологического обеспечения, воспитательной, социальной и психологической работой в УИС в течение 2017–2018 гг. Основной задачей проекта стала необходимость обеспечения комплексного решения проблем, связанных с непрерывной профессиональной подготовкой пенитенциарных психологов, их участие в постоянном процессе формирования и совершенствования профессиональных навыков, знаний, умений, развития их личностных качеств на протяжении всего периода службы.

В Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (РМАНПО) более 80 лет успешно проводится переподготовка врачей и клинических психологов страны. Академия располагает отработанными технологиями и опытом подготовки врачей – психиатров, наркологов, психотерапевтов и клинических психологов в области высоких технологий, содействуя повышению качества медицинской и психотерапевтической помощи, совершенствуя и разрабатывая современные подходы к лечению, профилактике, диагностике заболеваний кадров здравоохранения и образования в системе дополнительного и послевузовского профессионального образования.

Цикл повышения квалификации получил название «Психотерапия и медицинская психология в деятельности пенитенциарных психологов». Его актуальность продиктована необходимостью приобретения новых знаний, умений и навыков работы пенитенциарными психологами, развития у них новых компетенций на фоне последних достижений отечественной и зарубежной полимодальной психотерапии и клинической психологии в связи с повышением требований руководства ФСИН России к подготовке специалистов для проведения высококачественной квалифицированной работы как с сотрудниками, так и с осужденными, резко возросшей потребностью общества в надежности и профессионализме работы всей системы исполнения наказаний.

Разрабатывая программу курса, коллектив преподавателей кафедры психотерапии и сексологии исходил из того, что к пенитенциарным психологам сегодня предъявляются высокие требования: способность свободно ориентироваться в профессиональной области, обладать большим объемом знаний и навыков в пограничных областях, в частности: служебной психодиагностике, психологическом консультировании, полимодальной психотерапии и психокоррекции, социальной медицине и реабилитации. Очевидно, что лишь немногие выпускники профильных психологических вузов системы ФСИН России, распределяемые для службы на должности пенитенциарных психологов, обладают необходимыми для выполнения своих прямых профессиональных обязанностей навыками и компетенциями [3].

Разработанная на кафедре психотерапии и сексологии РМАНПО новая модель повышения квалификации пенитенциарного психолога реализуется в рамках программы, рассчитанной на 144 часа, и включает в себя четыре базовых модуля: 1) основы служебной психодиагностики (30 часов); 2) мультимодальная психотерапия и психокоррекция (30 часов); 3) организация комплексной медико-психологической реабилитации и адаптации (30 часов); 4) развитие междисциплинарного командного взаимодействия медицинских работников, воспитательных структур и пенитенциарных психологов в интересах совершенствования служебной деятельности (30 часов). В каждом учебном модуле соотношение аудиторных и практических занятий распределено в пропорции 1 : 1 (на аудиторные занятия отводится 14 часов, на отработку навыков в форме тренингов – 14 часов, на контрольное занятие по усвоению модуля – 2 часа).

Раскрывая содержание учебных модулей, преподаватели кафедры учли пожелания управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России относительно конкретизации обучения в зависимости от контингента, к которому применяется психологическое воздействие. Так, в учебном модуле предусмотрены следующие блоки: а) новейшие психологические методики для отбора персонала на основе 25-го кадра, б) инновационные психологические подходы к изучению личности осужденного. При изучении данного модуля слушатели получают информацию о том, что новейшие технологии 25-го кадра и «BioReader», которые целесообразно использовать в процессе психологической диагностики в исправительных учреждениях, реализуют методологию теории распознавания образов и кодирования-декодирования психикой воспринимаемой информации. В основе технологии лежат такие объективные средства измерения психической деятельности, которые блокируют защиту сознания тестируемого и обеспечивают доступ тестирующего в подсознание. Эта технология прямого доступа в подсознание человека «Screen to Screening Technology» (S2S), в которой текстовая или графическая информация перед предъявлением тестируемому сотруднику или осужденному предварительно кодируется и выводится на монитор компьютера. При появлении на экране каждого закодированного изображения тестируемый нажимает на кнопку компьютерной мыши или клавиатуры. Технология S2S позволяет скрывать (маскировать) смысл процедуры тестирования и получать в результате точные, нефальсифицированные ответы. Специальный математический аппарат программы преобразует результаты тестирования в доступную для понимания и интерпретации форму – отчет, который становится доступен сразу после завершения процедуры тестирования. Математическая обработка полученной информации происходит на центральном сервере и передается исследователю по сети Интернет через пару минут. Полученный в графическом виде отчет анализируется пенитенциарным психологом, позволяя диагностировать у обследуемого контингента

психические отклонения, отрицательные мотивы, негативные цели, заблаговременно прогнозировать поведение как осужденных, так и сотрудников, а также наличие у них эмоционального выгорания, психосоматических проявлений, возможных суицидальных побуждений [1].

При предъявлении тестируемому определенным образом построенных внешних образов удастся выявить значимые для него психосемантические концепты, указывающие на установки, значимые черты личности и ее предрасположенности, тип отношения к среде, службе, событиям в жизни. Результаты тестирования позволяют выявить доминирующую мотивацию в подсознании осужденного (сотрудника) на исправление (усердие в службе), а также проанализировать мотивационные субдоминанты, их силу и взаимосвязи [1].

В учебный модуль 2 включены блоки: а) эффективные методы психотерапии и психокоррекции сотрудников в условиях несения службы; б) эффективные методы психотерапевтической и психокоррекционной помощи осужденным.

Учебный модуль 3 состоит из блоков: а) современные методы медико-психологической реабилитации сотрудников службы на реабилитационном этапе восстановительного лечения; б) эффективные методы ресоциализации осужденных с помощью психокоррекционных исправительных тренингов.

Учебный модуль 4 раскрывается в блоках: а) эффективные методы сплочения служебных коллективов, профилактика посттравматических стрессовых состояний сотрудников службы; б) психолого-педагогические и психокоррекционные методы формирования позитивной мотивации в среде осужденных.

Основной акцент в повышении квалификации пенитенциарных психологов делается на формирование способности и готовности последних эффективно выполнять служебные обязанности в междисциплинарной команде (пенитенциарный психолог, воспитатель, медицинский работник), в экстремальных, напряженных ситуациях, а также в условиях профессиональной деформации в интересах развития профессиональной мотивации и формирования конструктивного правового поведения сотрудников службы, успешной социальной адаптации к условиям заключения и последующей социализации в гражданское общество осужденных [2].

В результате освоения программы у обучающихся пенитенциарных психологов формируются и развиваются компетенции:

– готовность к разработке программ клинико-социального обследования состояний сотрудников и осужденных как индивидов и групп, находящихся в ситуациях социальной дезадаптации;

– готовность к применению методов психологического сопровождения (психотерапии и психокоррекции методами полимодальной психотерапии) индивидов и групп в ситуациях социального риска;

– готовность оказывать психологическую помощь сотрудникам и осужденным в выборе стратегий совладания в трудных жизненных ситуациях;

– готовность к использованию технологий восстановительного правосудия, навыков психологического управления, самоуправления и медитации в условиях конфликта в правозначимых ситуациях;

– готовность к применению методов диагностики, профилактики и коррекции состояний социальной дезадаптации;

– готовность к разработке стратегий клинико-социальной реабилитации лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений;

– готовность к организации слаженной бесконфликтной совместной командной междисциплинарной деятельности с коллегами (социальные и медицинские работники, воспитатели, сотрудники надзора и охраны);

– готовность к взаимодействию в мультидисциплинарной команде сотрудников ФСИН России;

– готовность к управлению мультидисциплинарной командой профильных специалистов, исполняющих воспитательные, социальные, психологические и медицинские функции в местах лишения свободы [2].

Контрольным мероприятием, завершающим обучение, является написание обучающими творческих эссе по соответствующей тематике и их защита.

Опыт повышения квалификации более 120 пенитенциарных психологов на базе кафедры психотерапии и сексологии РМАНПО в 2017 г. позволил сделать следующие выводы:

1. Комплексный интегральный подход к повышению квалификации пенитенциарных психологов способствует значительному повышению эффективности их деятельности при выполнении служебных обязанностей, формированию высокой мотивации на развитие личностных и профессиональных качеств.

2. По результатам сдачи зачета по курсу более 58 % слушателей получили отличные оценки, 49 – защитили на отлично творческие эссе по курсу, 78 – приобрели значимые новые навыки комплексного обследования сотрудников и осужденных в интересах глубокого и всестороннего психологического изучения, 83 – принципиально новые знания по основам полимодальной психотерапии, 92 – первый практический опыт использования методов мультимодальной психотерапии в группах сотрудников и осужденных, 28 % – заявили о готовности возглавить отделы психологической службы в своих исполнительных учреждениях.

Вопросы взаимодействия кафедры психотерапии и сексологии РМАНПО и управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, связанные с повышением квалификации сотрудников УИС, были конструктивно обсуждены на Итоговом международном конгрессе года «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи, общества», который был организован Общероссийской профессиональной психотерапевтической лигой, Национальной ассоциацией развития психотерапевтической и психологической науки и практики «Союз психотерапевтов и психологов», кафедрой психотерапии и сексологии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования и прошел в ноябре 2017 г. на базе Академии ФСИН России в Рязани.

Как отмечается в материалах Конгресса, все сотрудники психологических служб уголовно-исполнительной системы, прошедшие курс обучения «Психотерапия и медицинская психология в деятельности пенитенциарных психологов», приняли участие в заседании секции по пенитенциарной психологии, где обсуждались вопросы совершенствования психологической работы с осужденными путем развития психотерапевтического направления работы [3].

Участие психологов УИС в подобных мероприятиях способствует их интеграции в психологическое сообщество России, расширяет профессиональный кругозор и сферу применяемых в работе методов, способствует популяризации их деятельности. В планах на 2018 г. предусмотрены качественные изменения в повышении квалификации пенитенциарных психологов в связи с полученной обратной связью как от обучаемых, так и от руководства ФСИН России.

Библиографический список

1. Иванов А. Л. Возможности использования новейших методов медико-психологической диагностики на основе технологии 25-го кадра применительно к заключенным и персоналу исправительных учреждений в системе Федеральной службы исполнения наказаний // Педагогика и психология: перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 255–259.

2. Иванов А. Л., Кабинова О. А. Роль тренинга интервизии в сплочении экспертной мультидисциплинарной команды специалистов // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 100–102.

3. Официальный сайт ФСИН России. URL : <http://xn--h1akkl.xn--p1ai> (дата обращения: 06.03.2018).

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

Olga Ivanovna Malchuk, Grand Doctor (History), senior research worker of the national and foreign experience, history of the penal system, comparative analysis of penal legislation department, Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: molga.77@yandex.ru

THE EFFICIENCY OF SEARCH AND SEIZURE IN PRISONS ON THE BASIS OF THE RECEIVED INVESTIGATIVE DATA

Recommended citation

Malchuk, O. I. 2018, 'The efficiency of search and seizure in prisons on the basis of the received investigative data', *Man: crime and Punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 127–130.

Abstract. The object of the research in the article is a correctional institution (premises, buildings) as a place where investigative actions are carried out, in particular search and seizure, and the subject of research is a criminal in penitentiary. Search is an urgent investigative action, the content of which is a forced inspection of premises, penitentiary areas, a particular person in order to search for and seize items, documents relevant to the investigated crime. Unlike the search, the seizure of objects and documents in a correctional institution is carried out only when the nature and place of object is known exactly.

The search and seizure as investigative actions have some similar features with regime measures carried out by correctional officers. The regime measures include: search of convicted persons; search of residential premises; inspection of personal belongings of convicted persons; inspection of parcels, wrappers; inspection of other persons who for some reasons come to the territory of the correctional institution or outside it where regime requirements are established; inspection of vehicles.

A law enforcement officer on grounds of the study of the collected materials relating to the subject and the object of the search and the study of the personality of the searched re-creates the model of the convicted criminal actions for the concealment of objects indicating criminal activity. After the search it is necessary to check by means of regime and operative-searching measures whether all the objects are seized and where the undetected items and documents are located. Operative-searching data can be the basis for a repeated search.

Keywords: penal system, search, seizure, correctional institution, condemned, crime, operative-searching activities, investigative activities, operative-searching data, criminalistics characteristics.

References

Averkin, S. D. 2016, 'Regime activities role in the crime investigation connected with illicit traffic in narcotics', *Practical Juridical Psychology*, no. 4(37), pp. 138–140.

Kukushkina, V. F. 2017, 'Peculiarities of search & seizure execution in a correctional institution', *Proceedings of Students' Scientific Community of Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia*, Samara, pp. 51–54.

Kulagin, N. I. 2006, *Organization & tactics of preliminary investigation in the places of confinement. Methods of crime investigation*, Moscow.

Malchuk, O. I. 2018, 'Investigative activities in the penal system', *Scientific Proceedings of Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia*, Moscow, pp. 64–68.

Malchuk, O. I. & Nuzhdin, A. A. 2018, 'Investigative crime prevention in correctional institutions: theoretical aspect', *Penal System: Law, Economics, Management*, no. 1, pp. 29–31.

Akchurin, A. V. 2015, *Crimes committed in penal system institutions*: Monograph, Ryazan.

Boris Yakovlevich Gavrilov, Grand Doctor (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Professor of investigative bodies management department, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation e-mail: prof-gavrilov@yandex.ru

CRIMINAL OFFENCE IN RUSSIAN LAW: SUGGESTIONS OF LAWYERS AND REALITY OF RUSSIAN SOCIETY

Recommended citation

Gavrilov, B. Ya. 2018, 'Criminal offence in Russian law: suggestions of lawyers and reality of Russian society', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 131–136.

Abstract. The article is devoted to the possibility of introducing the category of criminal offense into the Russian criminal legislation. The main issues caused by it in the Criminal code of the Russian Federation are considered in the article.

The article presents the viewpoints of well-known scientists and practicing lawyers, some decisions of the Constitutional court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the European Court of human rights on the category of criminal offence, as well as the need for the introduction of criminal offence because of social and political, economic and legal realities of modern Russian society.

It is noted that in the case of a positive decision on legislative consolidation of criminal offence it is necessary to determine what specific actions can be referred to it. For this purpose it is necessary to establish the criteria that should be followed when classifying an unlawful act as a criminal offence. At the same time, it is necessary to distinguish criminal offence from administrative offenses.

It is concluded that criminal offences include a number of crimes that do not pose great social danger (mainly, misdemeanors), administrative offences that are close to criminal, as well as petty acts which are not crimes.

Keywords: criminal offence, crime, administrative offence, social danger, differentiation of criminal responsibility.

References

Alekseev, A. I., Ovchinsky, V. S. & Pobegaylo, E. F. 2006, *Russian criminal policy: recovery from crisis*: Monograph, Moscow.

Gavrilov, B. Ya. & Rogova, Ye. V. 2016, 'World justice & criminal offence: scientific opinion & practice (problem explanation, current state & improvement measures)', *Justice of the Peace*, no. 12, pp. 20–31.

Gavrilov, B. Ya. 2016, 'Pre-trial procedure according to the Russian Federation Code of Criminal Procedure: improvement concept', *Proceedings of the Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 18–25.

Gavrilov, B. Ya. 2011, *Modern criminal policy of Russia: figures & facts*: Monograph, Moscow.

Gavrilov, B. Ya. 2011, 'On the measures for legal improvement of pre-trial procedure', *Russian Investigator*, no. 16, pp. 10–13.

Gavrilov, B. Ya. 2017, 'Pre-trial procedure improvement as the factor of effectiveness of criminal procedure in Russia', *Criminal Law*, no. 4, pp. 36–42.

Gavrilov, B. Ya. & Rogova, Ye. 2016, 'Prospects of legislative consolidation of criminal offence in regard of Russian Criminal law reform', *Russian Justice*, no. 11, pp. 2–5.

Gordienko, V. V. 2011, 'Legislative innovations & their role in effectiveness increase of crime prevention', *Russian Investigator*, no. 16, pp. 4–5.

'Civil servant in faciae curiae. Vyacheslav Lebedev: we shall stand by a citizen in dispute with bureaucrat: interview with Chief of Justice of RF V. M. Lebedev' 2018, *Russian Newspaper. Code of criminal offences: project 1974*, Moscow.

Kruger, G. A. 1979, 'Constitution of the USSR & Criminal Code improvement', *Moscow University Bulletin. Law Issue*, no. 2, pp. 7–8.

Kuznetsova, N. F. 1969, *Crime & criminality*, Moscow.

Maksimov, S. V. 2011, 'Criminal Code is at the crossroads. Is it necessary to push the work on the new code', *Russian newspaper*.

Parliament proceedings in the Federation Council of 18 November 2013, viewed 18 February 2018, <http://legislation.council.gov.ru>

Russian newspaper, 21 July 2016.

Tsepelev, V. F. 2005, 'Correlation of crime & other offences: comparative analysis', *Correlation of crime & other offences: modern problems: Proceedings of IV International Scientific Research Conference Dedicated to 250th Anniversary of Moscow University (Moscow, 27–28 May 2004)*, Moscow, pp. 331–419.

Shargorodsky, M. D. & Belyaev N. A. (ed.) 1961, 'General study issues about punishments in the period of communist society development', *Interuniversity Scientific Conference "Soviet State & Law in the Period of Full Development of Communist Society"*, Leningrad, p. 78.

Shchedrin, N. S. 2012, 'The main trends of reforming of criminal retaliation system: law project experience', *Criminology Journal of Baikal State University of Economics & Law*, no. 2, pp. 5–14.

Midhat Mazgutovich Kurmanov, Grand Doctor (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of state law disciplines department, Kazan affiliated branch of the Russian State Justice University, Kazan, Russian Federation e-mail: kurmanov_midhat@mail.ru

COLONY-SETTLEMENT IN A MUNICIPAL DISTRICT AND RESIDENCE OF CONVICTS OUTSIDE THE COLONY-SETTLEMENT

Recommended citation

Kurmanov, M. M. 2018, 'Colony-settlement in a municipal district and residence of convicts outside the colony-settlement', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 137–140.

Abstract. The article presents an analysis of the implementation of residence right of a convicted person to live outside the colony-settlement within the municipal structure, i.e. the city district. The study is not limited to scientific discussion scope and has a direct applied relevance. Realization features of the specified right are shown on a certain experience of correctional institution activity. It is concluded that the violation of this right are usually associated with ignoring the legislation requirements on the general principles of the organization of local self-government.

Keywords: colony-settlement, residence outside the colony-settlement, municipal structure.

References

Pavlova, Ye. V. 2017, 'The essence of legal status of convicts deprived of liberty', *Penal System: Law, Economics, Management*, no. 4, pp. 23–26.

Sokolov, A. A. 2012, 'Problems of realization of rights and legitimate interests of convicts deprived of liberty', *Penal System: Law, Economics, Management*, no. 1, pp. 16–19.

Gorban, D. V. 2014, *Legal regulation of convicts' residence outside the colony-settlement*: PhD (Law) thesis, Ryazan.

Aleksander Semenovitch Shatalov, Grand Doctor (Law), Professor, Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: asshatalov@rambler.ru

Ludmila Leonodovna Santashova, PhD (Law), senior lecturer of the Penal law and educational work management department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, e-mail: grachevaluda2012@yandex.ru

LEGAL ESSENCE AND NATURE OF CONVICTS' TRANSFER TO THEIR NATIVE STATE FOR SERVING A SENTENCE

Recommended citation

Shatalov, A. S. & Santashova, L. L. 2018, 'Legal essence and nature of convicts' transfer to their native states for serving a sentence', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 141–147.

Abstract. In the article the author investigates the criminal procedural and associated with them penal problems which are caused by the shortcomings of the regulatory procedural activities referring to convicts' transfer to their native states for serving their sentences. The author gives the definition of the notion of "transfer of convicts", states the fundamental differences of this notion from the concept of "extradition of convicts". He proposes to improve the existing criminal procedural legislation in terms of expanding the list of penalties for which it is possible to transfer convicts (at present - only deprivation of liberty), including punishment without isolation from society, as well as other measures in connection with the introduction of the category "criminal offence" to Criminal law.

It seems that the current criminal procedural legislation taking into account only deprivation of liberty is counterproductive for the further progressive development of international cooperation and does not meet the realities of today.

Keywords: extradition of a convict, execution of a sentence, international cooperation, transfer of a convict, criminal procedure, criminal proceeding, penal law.

References

Volzhenkina, V. M. 1999, *International law norms application in the Russian criminal procedure (issues of theory & practice)*: PhD (Law) thesis, Moscow.

Kolibab, K. Ye. 1999, 'The institute of convicts' transfer for serving a sentence in other states', *Russian Law Journal*, no. 5/6, pp. 89–99.

Biryukov, P. N. 2001, *International criminal procedural law & Russian legal system*: Grand Doctor (Law) thesis, Voronezh.

Surukhnova, D. N. 2001, *Extradition, transfer & deportation in regards with the relations between states (rights, human legal interests & guarantees of persons)*: PhD (Law) thesis, Moscow.

Reshetneva, T. V. 2009, *Multipatride extradition in the Russian criminal procedure: issues of theory & practice*: PhD (Law) thesis, Izhevsk.

Boytsov, A. I. 2004, *Extradition of a criminal*, St. Petersburg.

Vandyshev, V. V. 2010, *Criminal procedure. General & special parts*: Students' book for law institutes & law departments, Moscow.

Vyacheslav Yefimovich Yuzhanin, Grand Doctor (Law), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Professor of Criminal law and Criminal Procedure department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin@mail.ru;

Dmitrii Vladimirovich Gorban, PhD (Law), senior lecturer of regime and supervision management department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: dimas8807@mail.ru

INITIAL AND FINAL STAGE OF SERVING THE SENTENCE OF DEPRIVATION OF LIBERTY: ISSUES OF CONCEPT DEFINITION

Recommended citation

Yuzhanin, V. Ye. & Gorban, D. V. 2018, 'Initial and final stage of serving the sentence of deprivation of liberty: issues of concept definition', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 148–153.

Abstract. The article deals with the initial stage of serving the sentence of imprisonment which determines the whole process of correction of convicts. It is noted that it provides: adjustment of the prisoners in a correctional institution to micro community of persons serving sentences; their inclusion to labor and educational processes; examination for law-abiding behavior; study of the personality of newly arrived prisoners; classification and distribution of them into units, cells, groups; security in the correctional institution.

The author proves that the initial stage should consist of three separate periods: 1) the direction of convicts in correctional institution; 2) reception of them in a correctional facility, placement of them to quarantine and an adaptation unit; 3) accommodation and treatment of convicts in the standard conditions of the serving a sentence.

The role of adaptation units in a correctional institution is revealed. The most important sphere of work in an adaptation unit is a comprehensive study of convict's personality and his subsequent placement in a colony unit taking into account human rights protection of convicts, the right to life, health, personal integrity and safety of their life in a correctional institution.

The problems of the final stage of serving a sentence (deprivation of liberty) are touched upon. It is proposed to combine the six-month training of convicts for release and the one-year period after release into a single preventive process, to create open conditions for all categories of convicts including persons convicted for grave and particularly grave crimes for long terms of imprisonment and malicious violators of the regime for whom there should be provided separate units in the colonies-settlements.

This process should be managed by the probation service and if there is no such service it should be managed by the prison inspectorate which can supervise the preparation process for release and develop special programs to ensure the transition from life in a correctional institution to a law-abiding life in society.

Keywords: initial stage of serving a sentence, standard conditions of serving a sentence, lighter conditions of serving a sentence, reception of newly arrived convicts, quarantine, adaptation unit, preparation of convicts for release, final stage of serving a sentence, open conditions, probation service, management of adaptation after release.

References

Konovalov, A. V. 2009, 'Introduction speech at the scientific and practical conference on the issues of penal system reform', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 9–14.

Novikov, Ye. Ye. 2011, *Legal regulation of convicts' commitment to correctional institutions, reception & placement*: PhD (Law) thesis, Ryazan.

Restructuring on march. Experience of Corrective labor establishment directorate of Saratov regional administration for improvement of corrective labor activity 1988, Saratov.

Ponomarev, S. N., Marukov, A. F. & Geranin, V. V. 2002, *Prison system of England & modern society*, Ryazan.

Yuzhanin, V. Ye. & Babunov, V. Yu. 2009, 'Group classification of convicts sentenced to deprivation of liberty & its role in achieving the purpose of punishment', *Penal Law*, iss. 2, pp. 46–49.

Yuzhanin, V. Ye. & Novikov, Ye. Ye. 2012, *Legal regulation of convicts' transfer to correctional institutions, their reception and accommodation*, Gorno-Altaysk.

ABROAD

Aydarkan Baydekovich Skakov, Grand Doctor (Law), Professor, Professor of Criminal law disciplines department, Euroasian National University named after L. N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: aidarkan@mail.ru

EFFECTIVENESS IMPROVEMENT OF PENAL POLICY OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA IN THE SPHERE OF EXECUTION OF PUNISHMENTS ALTERNATIVE TO DEPRIVATION OF LIBERTY AND SOCIAL ADAPTATION

Recommended citation

Skakov, A. B. 2018, 'Effectiveness improvement of penal policy of Kazakhstan and Russia in the sphere of execution of punishments alternative to deprivation of liberty and social adaptation', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 154–161.

Abstract. The object of the research in the article is the penal policy conducted in Kazakhstan and the Russian Federation, the subject is the state bodies' activity concerning the development and establishment of penal policy. The main factors influencing the penal policy of Kazakhstan and the Russian Federation are considered. The modern direction of penal policy as a wider use of punishment without isolation of a convict from society is proved. The modern penal policy of Kazakhstan and Russia is aimed at achieving three main goals: correction of convicts, crime prevention, social adaptation and rehabilitation of convicts. The features of the legal institution "probation" application are revealed, and the measures for its improvement are proposed.

Keywords: penal policy, penal law, probation, social adaptation, convicts.

MANAGEMENT VECTOR

Salikh Khabibovich Shamsunov, Grand Doctor (Law), Professor, leading research worker, Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: shamsunov46@mail.ru, ORCID 0000-0002-1194-6905;

Georgy Ivanovich Peshcherov, Grand Doctor (Military Sciences), Professor, member of the Academy of Military Sciences, senior research worker, Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: geordiy-p@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4363-054X

MANAGEMENT CULTURE OF BODIES AND AUTHORITIES OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Shamsunov, S. Kh. & Peshcherov, G. I. 2018, 'Management culture of bodies and authorities of the penal service', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 162–167.

Abstract. The article reveals the mechanisms of improving the management of the penal system. At present, most institutions and bodies of the penal system are characterized by a traditional authoritarian style of leadership, which was established during the Soviet period. Employees of institutions are under constant fear of getting a penalty, of dismissing from the service which deters part of the staff from disciplinary offences and mobilizes them to work effectively.

At the same time, the majority of employees is responsible for their work, they work effectively experiencing involvement in the affairs of the team, being proud of their profession, and try to achieve recognition and promotion. For this reason, the Chiefs of institutions and managing bodies of the penitentiary system must reform themselves and their management methods. When the chief stimulates self-expression of an individual it is difficult not to reform, because the staff is the main source of development of the domestic penal system.

Keywords: penal system, penal bodies and authorities, management culture, mission of organization, control and correction of functions.

References

Poznyshev, S. V. 1915, *Outline of prison study*, Moscow.

Utevsky, B. S. 1969, *What should penal staff know about cybernetics*: Students' book, Moscow.

Zubkov, A. I. 1997, 'It is impossible to solve the staff problem hurriedly', *Crime and Punishment*, no. 1.

Management fundamentals 2012, 3rd edn, Moscow.

Management by results assessment 1988, Moscow.

Maslow, A. G. 1997, *Depths of human psyche*, Moscow.

Dmitrii Aleksandrovich Grishin, PhD (Law), Associate Professor, head of Law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: dagr1979@rambler.ru

SYSTEM OF STATE COMPULSION IMPLEMENTED IN PENAL BODIES AND AUTHORITIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Recommended citation

Grishin, D. A. 2018, 'System of state compulsion implemented in penal bodies and authorities: theoretical and methodological aspects', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 168–174.

Abstract. The article deals with various doctrinal approaches to the content and mechanism of state compulsion implementation in the activities of penal bodies and authorities. The system analysis of such structures as compulsion, forms and measures of state compulsion is carried out. On the basis of this analysis specific features are stated that characterize the system of state compulsion implementation in the activities of the bodies and institutions of the Federal Penal Service. State compulsion in the penal system is aimed at specific social purpose which can be formulated as provision of public security. The main part of the measures of state compulsion implemented in the penal system bodies and institutions activities (searches, inspections, seizure of certain items) is used exclusively to ensure the conditions and procedures for sentence serving established by the state through unilateral decisions and actions of officials in regards to free citizens, convicted persons and persons detained who fulfill legal regulations conscientiously.

State compulsion in the penal system includes the following types of compulsion:

regime-disciplinary (penal) one implemented by the Federal service staff for the execution of sentences in respect of persons convicted to deprivation of liberty;

control and disciplinary one in relation to persons sentenced to punishment without isolation from society;

administrative one in respect of citizens and legal entities;

service-disciplinary one in respect of employees who have committed a disciplinary offence.

The measures of state compulsion applied by the staff of the penal system are implemented in the majority of cases on the penal institutional territory and the adjacent territory where regime requirements have effect.

Keywords: state compulsion, penal system, forms and measures of state compulsion.

References

Dobryenkov, V. I. & Slepencov, I. M. 1994, *Social management: Dictionary*, Moscow.

Jerry, D. 2001, *Big sociological definition dictionary*, vol. 2, Moscow.

- Lawson, T. & Garrod, G. 2000, *Sociology. A-Ya: Dictionary*, Moscow.
- Latushkin, M. A. 2010, 'On the question about the notions of state and legal compulsion', *Leningrad Juridical Journal*, no. 2, pp. 186–196.
- Leyst, O. E. 1962, *Sanctions in Soviet law*, Moscow.
- Gurevich, T. S. 1976, *Sanctions for breach of treaty obligations in national economy*, Moscow.
- Zhitsinsky, Yu. S. 1968, *Sanction in the norms of Soviet civil law*, Voronezh.
- Veremeenko, I. I. 1975, *Administrative law sanctions*, Moscow.
- Kaplunov, A. I. 2004, 'On the main features and the notion of state compulsion', *State & Law*, no. 12, pp. 10–17.
- Kozulin, A. I. 1986, *Legal compulsion (legal origin of state compulsion in the Soviet society)*: PhD (Law) thesis, Sverdlovsk.
- Zharenov, I. P. 2006, *State compulsion in the conditions of democratic society*: PhD (Law) thesis, Moscow.
- Chashnikov, V. A. 2006, *Lawful state compulsion: general theoretical issues*: PhD (Law) thesis, Ekaterinburg.
- Guschina, N. A. 2006, 'The nature of legal compulsion & incentive in the modern Russian legislation', *Law & Policy*, no. 8, pp. 82–89.
- Bahrkh, D. N. 1999, *Compulsion & responsibility according to administrative law: students' book*, Ekaterinburg.
- Kozlov, Yu. M & Popov, L. L. *Russian administrative law: Students' book*, Moscow.
- Kononov, P. I. 1998, 'Legislation on the administrative compulsion: codification problems', *Russian Law Journal*, no. 8, pp. 26–32.
- Satina, E. A. 2003, 'Notion & types of state compulsion', *Tambov University Bulletin. Series: Humanities*, no. 2(30), pp. 72–76.
- Khidekel, B. Z. 2001, 'Civil society & law', *Political Sociology*, Rostov-on-Don.
- Talyupa, A. G. 1966, *Persuasion & compulsion in the period of transfer from socialism to communism & their role in enforcement of law and order in Soviet state*: PhD (Law) thesis, Moscow.
- Bazylev, B. T. 1968, *State compulsion & legal forms of its execution in the Soviet society*: PhD (Law) thesis, Kiev.
- Bratus, S. N. 1976, *Legal responsibility & legitimacy*, Moscow.
- Kozhevnikov, S. N. 1973, 'Social purpose, structure & forms of state compulsion', *Scientific Proceedings of Sverdlovsk Law Institute*, ed. 22.
- Makareyko, N. V. 1996, *State compulsion as the means of enforcement of law & order*: PhD (Law) thesis, Nizhny Novgorod.
- Miroshnik, M. A. 2016, 'Theoretical aspects of notion compulsion (in civil research of compulsion)', *Modern Paradigms of Scientific Views: Scientific Proceedings of the International Scientific & Practical Conference (St. Petersburg, 27–28 February 2016)*, pp. 174–178.
- Grishin, D. A. 2016, 'On the question of notion & contents of administrative compulsion imposed by staff of the Federal Penal Service of Russia', *Administrative Law & Procedure*, no. 1, pp. 33–38.

Aleksandr Yurievich Dolinin, PhD (Law), Associate Professor, head of penal system administration and management department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

METHODOLOGY OF HR RISKS MANAGEMENT IN THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Dolinin, A. Yu. 2018, 'Methodology of HR risks management in the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), no. 2, pp. 175–181.

Abstract. In the article the author proposes his approach to the content of the methodology of personnel risk management in the penal system.

The methodology of personnel risk management of the penal system includes risk identification using personnel audit technology, qualitative description, adequate quantitative assessment based on expert evaluation method using risk management tools, development and implementation of programs to prevent or minimize the negative impact of personnel risks on penal practice.

The algorithm of the personnel risk management methodology of the penal system is a consistent implementation of the following stages:

1. Identification and qualitative description of risks carried out in accordance with the methodology of the modern personnel audit concept and involving the identification of factors affecting the possibility of risks, causes, conditions, places and sources of their occurrence.

2. Quantitative assessment of personnel risks based on expert assessments and including analysis of the risks impact on the effectiveness of activities, risk ranking, decision-making on the acceptability of risk and the choice of risks which should be prevented or minimized.

3. Program development of personnel risk management involving the choice of methods of prevention or minimization of risks and planning of activities for personnel risk management.

4. Implementation of personnel risk management program.

5. Control of HR risk management activities providing the effectiveness of risk management activities and modernization of the HR risk management system.

Keywords: penal system, work with staff, penal staff, human resources, HR risks.

References

Pronina, I. V. 2005, *Competency assessment of personnel of industrial enterprise in making management decisions*: PhD (Economics) thesis, Izhevsk.

Mitrofanova, A. Ye. 2013, *HR risk management in the work with staff*: PhD (Economics) thesis, Moscow.

Slobodskaya, A. L. & Potemkin, V. K. (ed.) 2011, *HR risks*, St. Petersburg.

Mitrofanova, A. Ye. 2013, 'Methodology development of HR risks management in the management system of an organizations', *Science Studies*, no. 1(14).

Victor Semenovich Kohtachev, senior research worker, Scientific research institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ozerov@muh.ru;

Aleksandr Alekseevich Ozerov, PhD (Philosophy), senior lecturer of Philosophy and Religion studies department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: ozerov@muh.ru

ON THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC COUNCILS ACTIVITIES OF THE FEDERAL PENAL SERVICE

Recommended citation

Kohstachev, V. S. 2018, 'On the legal regulation of public council activities of the Federal Penal Service', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 182–186.

Abstract. The article deals with the legal regulation of public councils under the Federal Penal service, as well as the mechanisms of interaction between public councils, government, civil society and mass media. Special attention is paid to social aspects of the functioning of the penal system.

Keywords: penal system, public councils, convicts, legislation, legal acts.

References

Putin, V. V. 2012, 'Democracy & the quality of the state', *Russian Newspaper*, 6 February 2012.

Official website of the Federal Penal Service of Russia, <http://xn--h1akkl.xn--p1ai>.

Zheltova, N. V. 2004, *Legal & management basis of penal system cooperation with mass media*: PhD (Law) thesis, Ryazan.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Andrey Vasilievich Shcherbakov, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of civil disciplines department, Pskov affiliated branch of the Federal Penal Service of Russia, Pskov, Russian Federation, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF SAFETY PRECAUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Shcherbakov, A. V. 2018, 'Theoretical and legal aspects of safety precautions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 187–192.

Abstract. Complex system research of theoretical and legal aspects of penal system security was first carried out under the conditions of its reform taking into account emerging legislative and law enforcement problems and ways of solving them (or minimizing) on the basis of theoretical and legal analysis of legislative provisions in terms of concept and category of security prevention, general scientific methods of cognition (dialectical and materialistic theory of cognition; structural and functional synthesis, generalization, comparison), as well as comprehensive and systematic approaches and specific methods: regulatory and logical methods, questionnaires, interpretation of legal norms, comparative and legal method.

The main components of security included into the law enforcement mechanism of the penal system, and the basis of their functional relationship and interaction are defined in the article.

The factors that determine the penal system including the main threats to law enforcement service security in the penal system are classified. Proposals the implementation of which will be essential for the security of the penal system are presented.

Keywords: security, penal system security, strategy of the national security, threats to state and social security, penitentiary system, convicts, penitentiary institution staff.

References

Concept of social security in the Russian federation: approved by the President of the RF of 20 November 2013, <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172>.

National security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the RF of 31 December 2015, No. 683, *Legislative Corpus of the Russian Federation 2016*, no. 1 (part II), Article. 212, <http://base.garant.ru/71296054>.

On the penal system development concept of the Russian Federation till 2020: Decree of the Russian Government of 14 October 2010, no.1772-p, *Legislative Corpus of the Russian Federation 2010*, no. 43, Article 5544.

Kazak, B. B. 2000, *Penal system in the national security mechanism (theory & legal organizational aspects)*: PhD (Law) thesis, Moscow.

Serik Madenovich Imanbaev, Grand Doctor (Law), Professor, professor of National and International law department, University “Turan-Astana”, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: editor62@yandex.ru

PREVENTION OF ILLEGAL GUN TRAFFICKING IN REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Recommended citation

Imanbaev, S. M. 2018, ‘Prevention of illegal gun trafficking in republic of Kazakhstan: criminological aspect’, *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 193–200.

Abstract. The article deals with the prevention of illegal gun trafficking. On the basis of statistical data (period 2010–2016 and 10 months of 2017) the analysis of criminal offences under Articles 287–291 of the Criminal code of the Republic of Kazakhstan is carried out. Specific organization and management measures are proposed, a number of suggestions are made to improve the legislation in order to prevent and combat illegal guns trafficking effectively.

Keywords: Criminal law, Criminology, prevention of criminal offences, guns use, guns trafficking, illegal acquisition, transfer, distribution, storage, trafficking, keeping of guns, weapons боеприпасов, explosives, stealing and blackmail of guns, preventive measures.

Valdimir Victorovich Bochkarev, lecturer of the department of operational investigative activities and execution of punishment organization in the penal system, Kuzbass institute of the Federal Penal system of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: Bochkar22@rambler.ru

SYSTEM OF PREVENTION IN THE PLACES OF CONFINEMENT

Recommended citation

Bochkarev, V. V. 2018, ‘System of prevention in the places of confinement’, *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 201–205.

Abstract. The article deals with the theoretical legal basis of the preventive system used in places of deprivation of liberty, the author examines various legal grounds for the application of prevention means, their form and specific content. In order to strengthen the preventive effect on convicts in places of deprivation of liberty it is proposed to introduce a new Article in the Penal code of the Russian Federation defining the system of general, individual and special means.

Keywords: crime prevention, convicts, deprivation of liberty, penal measures.

References

- Artemiev, N. S. & Nekrasov, A. P. 2017, *Recidivism in the places of confinement: criminological characteristics & prevention*, Samara.
- Zubkov, A. I. 2008, *Comments to the Penal Code of the Russian Federation*, 4th edn., Moscow.
- Orlov, V. N. 2017, 'Penal procedural code: main ideas', *Penal Law*, vol. 12, iss. 2, pp. 153–157.
- Russian course of the penal law 2012*, vol. 1, Moscow.
- Yuzhanin, V. Ye. 1990, *Special prevention activity of the penitentiary administration: Students' book*, Ryazan.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Svetlana Yevgenievna Proletenkova, Grand Doctor (Law), Associate Professor, chief research worker, All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation;

Boris Andreevich Bykov, graduated student of extramural form of study, Academy of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

ROLE AND PLACE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF ECONOMIC CRIMES

Recommended citation

Proletenkova, S. Ye. & Bykov B. A. 2018, 'Role and place of the Internal Affairs bodies in the system of prevention of economic crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 206–212.

Abstract. The article reveals the essence of administrative and legal support of economic security, as well as administrative legal relations implemented within its framework. The author considers the fundamentals of the administrative and legal status of the internal affairs bodies in the field of economic security and anti-corruption identifies disadvantages of existing legal acts in this direction, proposes the ways to improve the legislation in power.

Keywords: economic security assurance, bodies of internal affairs, administrative legal status, anticorruption.

References

- Lopatin, V. V. 1999, *Russian spelling dictionary*, Moscow.
- Musaev, S. G. 2012, 'Functions & tasks of Internal Affairs bodies in regards to economic crimes prevention борьбе с экономическими преступлениями', *Power*, no. 3, pp. 67–70.

Nalivayko, S. V. *Internal Affairs bodies in the Russian economic security provision*: PhD (Economics) thesis, Moscow.

Musaev, S. G. 2012, *Administrative regulation Internal Affairs bodies activity in the sphere of economic security & corruption prevention*: PhD (Economics) thesis, Moscow.

Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia, viewed 21 January 2018, <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/9338947/>

Abramov, A. T. 2006, 'Peculiarities of the organization of law enforcement agencies in the system of economic security in large cities and metropolises', *Organizational, Economic and Legal Basis of Logistical Support of Internal Affairs Bodies According to Law Enforcement Reform: Proceedings of the Scientific Practical Seminar on 30 June 2004*, Moscow.

Irina Vasilievna Rasumova, PhD (Economics), senior research worker of department of improvement of regulatory and legal regulation of the penal system, Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: razumova_iw@mail.ru

STATE DEFENSE ORDER: THE ANALYSIS OF LEGAL RULES AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN LOCAL BODIES AND INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Razumova, I. V. 2018, 'State defense order: the analysis of legal rules and problems of their implementation in local bodies and institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 213–217.

Abstract. Procurement legislation within the framework of the state defense order has significant specifics which is complex, confusing and obscure to experts in solving specific problems. In the article on the basis of the comparison and analysis of legal norms the author identifies seven specific features of such purchases, and also gives comments on their correct understanding and application.

Keywords: State defense order, state contracting authorities, chief executor, executor, banking support.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Aleksandr Leonidovich Ivanov, PhD (Psychology), Associate Professor of psychotherapy and sexology department, Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russian Federation, e-mail: kafpsiter@yandex.ru;

Fedor Igorevich Ushkov, PhD (Psychology), deputy head of educational, social and psychological work department, Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

REALIZATION OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF PENITENTIARY PSYCHOLOGISTS IN THE FEDERAL PENAL SYSTEM

Recommended citation

Ivanov, A. L. & Ushkov F. I. 2018, 'Realization of continuing professional education of penitentiary psychologists in the Federal Penal System', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 218–223.

Abstract. The article deals with the interaction of the Ministry of Health of the Russian Federation and the Federal Penal Service in the sphere of continuing professional education program implementation for prison psychologists at the department of psychotherapy and sexology of the Russian Medical Academy of Continuing Professional Education. The authors reveal the possibilities of development of new competencies on the implementation of modern psychodiagnostic, multimodal psychotherapeutics and psychotherapeutic methods, as well as the features of complex medical and psychological rehabilitation and medical, psychological and social support of employees and convicts.

Keywords: development of vocational competence of penitentiary psychologists, innovative approach, complex psychognosis, hidden motivation of convicts, multimodal psychotherapeutics, psycho-correction, prevention of emotional burnout, social rehabilitation and adaptation.

References

Ivanov, A. L. 2017, 'Possibility to use new methods of medical & psychological diagnosis on the basis of 25th shot technology in relation to convicts and staff of a penitentiary in the Federal Penal System', *Pedagogy & Psychology: Prospects for Development: Proceedings of the II International Scientific Conference*, Cheboksary, pp. 255–259.

Ivanov, A. L. & Kabinova, O. A. 2017, 'Intervision training role in unity of professional experts' multidisciplinary team', *Science, Education, Society: Prospects for Development: Proceedings of the VIII International Scientific Conference*, Cheboksary, pp. 100–102.

Official website of the Federal Penal Service of Russia, viewed on 6 March 2018, <http://xn--h1akkl.xn--p1ai>.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов.

Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество (для статей на русском языке обязательна транслитерация ФИО авторов) приводятся полностью, без сокращений. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО во всех статьях автора. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

ORCID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ORCID.

ResearcherID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ResearcherID.

Контактная информация (обеспечивает связь любого желающего с автором): e-mail – публикуется в журнале; мобильный телефон – для связи редакции с автором, не публикуется, третьим лицам не передается.

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов (2000–4000 печатных знаков с пробелами), определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускаются нерасшифрованные аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний (не более чем из 3 слов). Перечень основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы. Должен отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами.

Структура. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction) – актуальность

темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановка проблемы, формулирование цели и задач исследования; методы (Materials and Methods) – детальное описание методов и материалов исследования, схем экспериментов, а также информационной и теоретической базы исследования; результаты (Results) – фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, фотографии, рисунки); обсуждение (Discussion) – интерпретация полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; обобщение результатов исследования; предложения по практическому применению результатов исследования и т. д. Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Интервал – 1,5 (полуторный). Выравнивание текста – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру. Выделения в тексте – курсив.

Рисунки, графики, схемы, диаграммы, фотографии располагаются по тексту, нумеруются и подписываются (Рис. 1. Название), на них обязательно делаются ссылки в тексте (рис. 1). Исполняются в черно-белом цвете, должны быть контрастными и четкими (разрешение изображений не менее 300 dpi). Если иллюстрации не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Таблицы создаются в текстовом редакторе MS Word. Должны быть озаглавлены и пронумерованы. В тексте обязательны ссылки на таблицы (табл. 1). Если таблицы не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Формулы выполняются при помощи редактора формул MS Equation. Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках. Единственная в статье формула не нумеруется.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Не допускается избыточное и необоснованное цитирование. Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление:

для статей на английском языке – Гарвардский стиль цитирования (Harvard Referencing Style);

для статей на русском языке – по ГОСТ Р 7.05-2008.

Образец для статей на русском языке:

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2017. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2017).

Источники приводятся в порядке их цитирования в тексте (не по алфавиту) и не повторяются. У научных статей и частей из книг обязательно указывается интервал страниц (С. 54–59), а у монографий, учебников и пр. – общее количество страниц в издании (542 с.).

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *С. А. Сильянов*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова, Г. Н. Смирнова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.06.2018. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 7,21. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1